VII МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС
ДОИСТОРИКОВ И ПРОТОИСТОРИКОВ

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ АРХЕОЛОГОВ СССР

VII CONGRES INTERNATIONAL
DES SCIENCES PREHISTORIQUES
ET PROTOHISTORIQUES

LES RAPPORTS ET LES INFORMATIONS DES ARCHEOLOGUES DE L'URSS

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

VII МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС
ДОИСТОРИКОВ И ПРОТОИСТОРИКОВ

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ АРХЕОЛОГОВ СССР

VII CONGRES INTERNATIONAL
DES SCIENCES PREHISTORIQUES
ET PROTOHISTORIQUES

LES RAPPORTS ET LES INFORMATIONS DES ARCHEOLOGUES DE L'URSS

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва 1966

Ответственный редактор

академик

Б. А. РЫБАКОВ

1—6—2

В. А. Ранов

ГАЛЕЧНЫЕ ОРУДИЯ И ИХ РОЛЬ В ПАЛЕОЛИТЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ

(тезисы доклада)

1. Галечные орудия представляют собой особый вид изделий эпохи каменного века, лежащий в основе целого ряда культур, именуемых галечными. Галечные орудия адекватны комплексу чоппер-чоппингов Х. Мовиуса. Распространенный в советской литературе термин «грубое рубящее орудие» охватывает не только галечные орудия, но и орудия на отщепах. Несмотря на принципиальную близость, эта группа «грубых рубящих орудий» должна рассматриваться отдельно. Галечное орудие — это изделие, выполненное из окатанных речных галек (реже желваков или обломков подходящего материала), преимущественно крупных, одна из сторон гальки специальными сколами превращена в лезвие, другая, обычно сохраняющая валунную корку, удобна для держания в руке. Галечные орудия — орудия из одного целого основания, в противоположность орудиям, изготовленным из сколотых с нуклеусов пластин или отщепов. От ручных рубил галечные орудия отличаются формой и способом употребления.

2. Функциональное назначение основных типов галечных орудий остается невыясненным. Можно предположить, что они выполняли в хозяйственной деятельности древнего человека функции и рубящего орудия, и скребла. Ряд исследователей считает, что галечные орудия представляют собой особую форму нуклеуса. Термин «галечное орудие» является понятием условным.

3. В последние годы неизмеримо расширились представления об ареале галечных орудий. Их существование установлено теперь не только в Южной и Восточной Африке, но и в Северной Африке, Европе, многих странах Азии, СССР. Однако число стоянок с галечными орудиями, их место среди другого инвентаря палеолитических памятников в тот или иной отрезок времени далеко не одинаковы для различных территорий.

4. Особые пути развития палеолитических культур в некоторых странах Азии, отличные от западных стран, признаются сейчас все бо́льшим числом исследователей. Одной из главных особенностей палеолита Азии является существование галечных орудий, в отдельных случаях преобладающее, в других — занимающее подчиненное положение.

5. Существование галечных орудий охватывает в Азии громадный промежуток времени — от среднего плейстоцена до конца каменного века.

6. Несмотря на то, что накопившийся в настоящее время материал позволяет, как будто, проследить развитие галечных орудий от самых грубых форм к более развитым и технически совершенным, основную роль в периодизации галечных культур играет исследование сопровождающего их инвентаря. Галечные орудия более, чем какой-либо другой тип палеолитических изделий, отличаются архаичностью, слабой изменяемостью формы и техники обработки на протяжении очень длительного времени.

7. Не менее сложным вопросом является типология галечных орудий. Среди предложенных классификаций ни одна пока не может считаться универсальной. Значительные трудности представляет сопоставление африканских и азиатских схем.

8. В Средней Азии галечные орудия обнаружены в 1953 г. Эпоха палеолита представлена небольшой группой отдельных экземпляров (10 пунктов) и местонахождениями, где найдено значительное число галечных орудий (Каратау, Карасу, Казахстан; Кара-Бура, Таджикистан).

9. Процентные отношения вычислены только для одного памятника — Кара-Буры. Галечные орудия составляют здесь 6,7% всех изделий, подвергшихся статистической обработке. Из 133 чоппингов, представляющих руководящую форму галечных орудий, чоппинги с поперечным лезвием охватывают 47%, с продольным — 23%, с выделенным острием — 15%, с угловым лезвием 3%. 12% занимают орудия особой формы и плохо выраженные экземпляры.

10. Характер обработки чоппингов Кара-Буры и сопровождающий материал позволяют датировать памятник мустьерским временем и сопоставлять его с поздним соаном «Б» Пенджаба.

11. Интересной представляется проблема совместного существования на территории Средней Азии памятников с галечными орудиями и памятников, относимых к фации леваллуа-мустье. Последние получили господствующее распространение в мустьерскую эпоху Средней Азии. Как объяснять этот факт — миграциями или фациальным различием, различным проявлением одной и той же культуры?

12. Наряду с обычными пластинчатыми культурами, близкими к средиземноморским, которые распространены в равнинной части Средней Азии в послепалеолитическое время, в горах существовала так называемая гиссарская неолитическая культура. В ней огромную роль играли галечные орудия, пережиточно сохраняющие палеолитические традиции в своей обработке.

Генезис гиссарской культуры надо искать в памятниках с галечными орудиями типа Борыказгана-Токалы, Кара-Буры, Карасу и Самаркандской стоянки.

И. И. Коробков

К ВОПРОСУ О ДИВЕРГЕНТНОМ ХАРАКТЕРЕ ЭВОЛЮЦИИ ДРЕВНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ИНДУСТРИЙ

(по материалам памятников Черноморского побережья Кавказа)

Исследователи древнего палеолита обратили внимание на своеобразие нижнепалеолитических и мустьерских индустрий в географически обособленных друг от друга районах Кавказа. Индустрия Армении существенно отличалась от комплексов Центрального Закавказья, а находки на Черноморском побережье имеют иной облик, чем в Армении и Центральном Закавказье. Армянские местонахождения дают много двусторонних форм. На Черноморском побережье они единичны, а основной комплекс составляют грубые рубящие и скребущие орудия.

Для объяснения обнаруженного различия были предложены две взаимоисключающие гипотезы. По мнению М. З. Паничкиной, причиной различия является несовпадение хозяйственных задач, стоящих перед палеолитическими коллективами двух регионов. Эта гипотеза ставила во главу угла причины социально-экономического порядка. А. А. Формозов выдвигал на первый план различия производственных традиций разобщенных палеолитических групп, то есть объяснял различия причинами скорее генетического, нежели экономического свойства. П. У. Аутлев сделал попытку объединить эти две точки зрения в единую теорию, недостатком которой была, однако, некоторая умозрительность.

По нашему убеждению, выявлению причин различий препятствовали две тенденции, существовавшие до недавнего времени среди археологов. Первоочередное внимание всегда уделялось памятникам со слоем (преимущественно пещерным). Подъемный материал считался несколько дефектным, так как всегда существовала опасность механического смешения разнородных комплексов. Стремление исследователей распределить любой подъемный материал по культурно-исторической шкале (шелль, ашель и т. д.) без учета условий, в которых он найден, на основе формальных, технико-типологических характеристик, привело к тому, что единые своеобразные индустрии часто разделялись на ряд

последовательных в хронологическом отношении комплексов, чем затушевывались черты их своеобразия.

Между тем, местонахождения такого типа могут дать немало полезных сведений, если к ним подходить комплексно, учитывая топографию памятника в целом и планиграфию отдельных его участков.

Исследования, проведенные автором в 1961—1965 гг. на основном нижнепалеолитическом местонахождении Черноморского побережья Кавказа — Яштухском (близ Сухуми), изучение коллекций, собранных С. Н. Замятниным на этом памятнике, и работы на открытых и пещерных стоянках древнего человека в районе Хосты — Адлера дают возможность обнаружить наряду с разновременными хронологически одновременные, но индустриально-различные комплексы, локализующиеся на разных участках одного большого местонахождения. Таким комплексам можно придавать не меньше значения, чем комплексам вещей, добытых при раскопках пещер, и сравнивать те и другие на равных основаниях. Результатом подобного сравнения комплексов, различных как по типу памятников, на которых они найдены, так, видимо, и по своему назначению — является постановка общих вопросов о происхождении и путях эволюции кремневых индустрий Черноморского побережья Кавказа на этапе от среднего ашеля и до финального мустье.

Древнейшую на Черноморском побережье индустрию представляют ашельского облика комплексы, встреченные на нескольких, далеко отстоящих друг от друга, участках Яштухского местонахождения. В типологическом отношении они характеризуются преобладанием грубых скребуще-рубящих орудий и большим количеством выемчатых форм. Здесь представлены клектонские анкоши, своеобразные орудия с выпукло-выемчатыми рабочими краями и острием между ними, концевые скребковидные формы с выпуклыми зубчатыми и прямыми рабочими краями. Среди последних есть и весьма тонкие, заостренные «долотовидные» образцы. Характерной формой орудий являются так называемые унифасы, несущие скребуще-рубящие функции, с краями, обработанными техникой отески, а не ретуши. Такая техника полностью соответствует приемам оформления ручных рубил, только эти приемы применены здесь для изготовления укороченных форм с поперечным скребуще-рубящим краем. Ручные рубила встречены в единичных экземплярах и имеют ланцетовидную, уплощенную форму острого конца, не характерную для прочих ашельских индустрий Кавказа. Комплексы обнаруживают черты клектонской отщеповой техники и применения ее для получения пластин.

Технические детали заготовок свидетельствуют о зарождении протолевалуазских приемов. Эта прогрессивная техника возникает здесь самостоятельно, на местной основе. В отличие от

Армении, где техника леваллуа складывается на основе дисковидного скалывания и вырабатывается техника отделения одного крупного леваллуазского отщепа — здесь предпочтение оказывается удлиненным пластинам, отщепление которых производится от нуклеусов ортогонального конусовидного и многогранного типов. Применение ядрищ таких форм, видимо, более соответствовало местным приемам, сложившимся еще ранее на основе принципов ортогонального скалывания, обусловленных особенностями местного сырья (окремненный известняк Яштуха, представляющий собой отличное сырье, как правило, раскалывается по трещинам на куски с горизонтальными плоскостями).

Раньше исследователи механически разделяли эту индустрию на два комплекса: шелльский (наиболее грубые в техническом и типологическом отношении предметы) и ашельский (экземпляры с протолаваллуазской пластинчатой техникой). В настоящее время такое разделение кажется неправомерным. В процессе работы на Яштухе мы заметили, что на некоторых пунктах местонахождения встречаются комплексы с более грубыми предметами, в других же пунктах те же самые вещи обнаруживаются в сочетании с большим количеством пластинчатых форм и рубилами. Ашельские комплексы пластинчатого типа изолированно от более грубых предметов не встречаются, а на пунктах с грубым инвентарем изредка встречаются отдельные пластинчатые формы. Комплексы с грубыми формами встречены на склонах Яштуха, там, где, имеются непосредственные выходы сырья на поверхность; но на такое расположение грубых комплексов нельзя опираться при определении хронологии, так как в 4 км от Яштуха, на горе Бырц, соотношение обратное: у подножия встречен грубый комплекс, а на середине склона, там, где имеется удобная ровная площадка (видимо, врез древнейшей террасы), обнаружен комплекс с преобладанием пластинчатых форм. Скорее всего оба эти комплекса являются вариантами одной индустрии, ашельской, что не исключает возможности выявления очень небольшого числа типологически более древних форм (но не шелльских, а раннеашельских), единичных и не дающих локализованных комплексов. Однако само их наличие позволяет считать возможным, что основная древнепалеолитическая индустрия — ашельская — имеет местное происхождение. Видимо, у нее были древние генетические связи с прибрежными районами Анатолии, где в последнее время обнаружены сходные «чопперовидные» комплексы.

Таким образом, в одном и том же районе удалось выявить комплексы, которым придавалось ранее абсолютное значение при разграничении индустрий Армении и Черноморского побережья с точки зрения экономики (М. З. Паничкина), и показать, что процентное соотношение орудий, вопреки мнению А. А. Фор-

мозова, не является генетическим фактором. Одновременно материалы Яштухского местонахождения позволяют уточнить и справедливый общий вывод П. У. Аутлева, облекая в конкретную форму «поселения» и «мастерской» его «разнотипные одновременные стоянки у этнических групп формировавшегося человечества». Резюмируя, можно сказать, что на ашельском этапе одна индустрия, распространенная на большой территории (местонахождения Хейвани отстоят на 150 км от Яштуха и дают сходный ашельский инвентарь), имеет разные комплексы. Эти комплексы обладают общим набором предметов, отличающихся лишь процентными соотношениями грубых и тонких форм; намечается уже специализация орудий — ручные рубила и «унифасы». Видимо, места концентрации этих комплексов соответствуют разным производственным пунктам одного коллектива, а не различным в производственном отношении коллективам более позднего времени.

Все вышеизложенное позволяет считать, что проследить подобные комплексы в каждом географически изолированном регионе возможно, но возможно также обнаружить в будущем в пределах одного региона различные строго локализующиеся ашельские индустрии.

Индустрии, типологически более развитые, были обнаружены на Яштухе в условиях строгой локализации, отвергающей возможность сильного смешения разновозрастного и разнородного материала. Обнаружено несколько изолированных друг от друга комплексов, строго повторяющих основные черты этих индустрий, однако различия в них нельзя объяснять случайностью. Различия формируют, в основном, две группы комплексов, исходя из чего можно считать доказанным существование на Яштухе в раннемустьерское время двух индустрий. Одна из них, которую мы можем назвать «тейякской», не имеет почти никаких признаков леваллуазской техники (IL=3%) и характеризуется применением клектонских приемов непластинчатого скалывания (I lam=6; $IF_s=1$). Нуклеусы здесь, как правило, укороченных, призматических и конусовидных типов, хотя встречены единичные предметы, свидетельствующие о том, что «тейякцы» были знакомы с леваллуазскими приемами, но почему-то их не применяли. В типологическом отношении эту индустрию характеризуют орудия с зубчатыми и выемчатыми рабочими краями (Ident=71); представлены мелкие рубящие орудия, скребловидные и скоблевидные формы с асимметричными остриями или закругляющимися выступами (nosed scrapers) на стыке рабочих краев, собственно острия и тому подобные «тейякские остроконечники», отличающиеся выемчато-зубчатой обработкой боковых краев. Вторая группа орудий, широко представленная в этой индустрии, — различного рода неправильные концевые скребки — от миниатюрных до массивных.

Другая группа комплексов представляет нам индустрию, которую можно назвать раннелеваллуазской (IL — от 20 до 35). Она имеет черты своеобразия по сравнению с любой другой леваллуазской индустрией за пределами Черноморского побережья.

Своеобразие техники проявляется, прежде всего, в слабой степени вторичной обработки ударных площадок (IF=21), что вообще свойственно палеолиту данного региона. Нуклеусы немногочисленны и представляют собой обычные леваллуазские дисковидные формы и формы с круговой площадкой. Типологически эту индустрию характеризуют широкораспространенные в левалуазских индустриях стандартные формы: острия без ретуши и боковые скребла с тщательной вторичной обработкой (IL $_{ty}$ = =30—40). Процент орудий к числу вещей невелик (10—15% против 25—30% в тейякских комплексах).

Обе индустрии на первый взгляд не имеют между собой ничего общего. В то же время они обнаруживают несомненную генетическую связь с более древней, ашельской индустрией Черноморского побережья, воспринимая от нее: в тейякской индустрии — зубчатость вторичной обработки, в клектонской — технику отщепа и ряд форм орудий (концевой скребок, рубящие орудия, орудия с поперечным краем типа стамески), в раннелеваллуазской — пластинчатость техники с отдельными, медленно изживаемыми архаичными признаками и обычный левалуазский набор орудий.

При внимательном изучении между двумя этими на первый взгляд несовместимыми индустриями обнаруживалась одна общая черта. Это — зубчатость орудий, редко встречающаяся в леваллуазских индустриях других территорий.

На Яштухе представлена и более развитая индустрия мустье. В ней нет такого резкого противопоставления леваллуазских и зубчатых элементов; однако основные черты ее еще не ясны. Скорее всего, она аналогична недавно ставшей известной первой абхазской пещерной индустрии в долине реки Амткел (Чохатская пещера). В ней также обнаруживается сочетание леваллуазских черт техники, зубчатости форм орудий с типологией, близкой типичному мустье. С другой стороны, несомненны генетические связи яштухской позднемустьерской индустрии с местным более ранним мустье. Это позволяет объединить пещерные комплексы и комплексы открытых местонахождений Абхазии в единую генетическую общность.

В более широком плане эта общность пещерных и открытых стоянок Абхазии находит себе полную аналогию в пещерном мустье Хосты — Адлера. Исследователи Ахштырской, Навалишенской и Хостинских пещер отмечали своеобразный облик индустрии, общий для всех пещер: сочетание орудий зубчатых и выемчатых форм с чертами леваллуазской техники, хотя в целом

эту индустрию трудно отнести к типичным леваллуа-мустьерским комплексам.

Недавно в этом районе стала известна иная мустьерская индустрия, комплексы которой найдены в поверхностном залегании на расстоянии 15—20 км от Ахштырской пещеры (Хейванское местонахождение).

Эти материалы относятся к разрушенным поселениям на открытом воздухе — типа временных охотничьих лагерей. Эта индустрия характеризуется чрезвычайно выраженным леваллуазским обликом техники (IL=60—70; I lam=35—45, и оба имеют тенденцию к увеличению с возрастанием количества материала), небольшим процентом орудий, принципы вторичной обработки которых обнаруживают много сходства с орудиями пещерного мустье. Хорошо представлена и зубчатость, прослеживающаяся даже в таких формах, как леваллуазские острия с выемками.

Хотя прямых аналогий именно этой леваллуазской индустрии на Яштухе нет — налицо то же явление, которое на Яштухском местонахождении обнаруживается на более раннем периоде мустьерской эпохи: параллельное существование леваллуазских и нелеваллуазских индустрий, объединенных между собой общностью идеи вторичной обработки орудий. Эти индустрии продолжали эволюционировать вплоть до конца мустьерской эпохи, причем эволюция их идет также в форме параллельных потоков, генетически объединенных и в хронологическом и в пространственном отношении.

Итак, изучение палеолита в Причерноморском регионе Кавказа дает достаточно новых фактов для того, чтобы сделать ряд далеко идущих выводов и для более широких территорий.

В последние годы все большее число исследователей стало обращать внимание на раннемустьерские комплексы, отличающиеся нелеваллуазскими чертами. Ранее такие комплексы считались малопоказательными и неясными, так как в них не обнаруживался набор строго определенных и обязательных для мустье форм орудий: остроконечника, скребла и ручного рубильца,— которыми, как полагали, довольствовался неандерталец в любом уголке мира. Сейчас только на территории Европейской части СССР стали известны такие памятники, как Хадыженская на Кавказе, Старые Друиторы и Мерсина в Молдавии, Стинка в Среднем Поднестровье. Имеются данные о сходной индустрии в Приазовье (хутор Михайловский). Перестает оставаться в изоляции неясный до сих пор комплекс нижнего слоя Киик-Кобы, который относили к периоду от шелля до мустье, а теперь, несомненно, должен войти в круг этих же памятников. Заполнение большого белого пятна в ряду этих памятников на территории Советского Союза поможет связать через комплексы пещеры Нетопежовой в Польше и Таубаха в Центральной Европе известные давно тейякские слои Умм Катафы и Табуна в Палестине

с памятниками Франции (Ле Мустье, Фонтешевад, Бом-Бон), также названные тейякскими.

Различия между «тейякскими комплексами» на разных территориях вызывают недоумение у многих исследователей. Однако сейчас уже никого не удивляет, когда на территории Ближнего Востока до Франции встречаются самостоятельно возникавшие и независимо эволюционировавшие леваллуазские индустрии. Недавние работы убедительно доказали, что нет никаких оснований говорить о миграции леваллуазского населения с Ближнего Востока во Францию или приписывать леваллуазские комплексы более прогрессивному населению. Однако выделение леваллуазской общности в целом в большинстве вариантов ашельской и мустьерской культур на разных территориях, не как индустрии, а как фации, вполне закономерно. Вероятно, не должно вызывать возражения и выделение «тейякской» фации на тех же территориях. Во всяком случае нельзя стремиться сузить это понятие до уровня «отдельной» индустрии одного региона. С выделением «тейяка» нелеваллуазская фация позднего мустье займет закономерное место деривата тейякской фации, которая была свойственна более раннему времени.

Различия между тейякскими комплексами не превышают различий между леваллуазскими комплексами (которые к тому же несколько затушевываются однообразием и стандартизацией типологии леваллуа). Они, видимо, объясняются тем, что большинство этих комплексов относится к разным географическим регионам и имеет свои генетические корни и свои пути эволюции. В каждом из таких регионов имеются свои варианты ашельских и мустьерских индустрий. В части этих регионов имеются и леваллуазские индустрии, а также сочетание тейякских и леваллуазских черт в одном комплексе (тейяк Фонтешевада), что должно было бы подтолкнуть исследователей к необходимости сопоставления их с известными уже леваллуазскими индустриями данного региона, соответствующими тейяку по геологическому возрасту. В части регионов раннелеваллуазские индустрии еще не найдены. Следует чаще практиковать сравнение нелеваллуазских и леваллуазских индустрий одного региона между собой, не затушевывать сложность этого явления, а дать ему объяснение.

Во Франции археологи давно уже обратили внимание на леваллуазские и нелеваллуазские фации одного и того же варианта мустьерской культуры. Для сравнения комплексов леваллуазских с нелеваллуазскими Борд даже ввел «существенную поправку» к индексу IL_{ty}, при учете которой многие, на первый взгляд несхожие, комплексы оказываются полностью идентичными (например, Годервилль и слой «Н» Мустье, Годервилль с матовой и блестящей патиной).

Различные варианты мустьерских культур Франции находят аналоги в леваллуазской и нелеваллуазской фациях (мустье

с ашельской традицией юго-западной Франции и бассейна Парижа; мустье Кина — мустье Феррасси). Именно в случаях с явным и четким разветвлением на две ветви одного варианта можно проследить дальнейшую эволюцию этих вариантов в верхнепалеолитическую индустрию. В тех же случаях, когда такого четкого разветвления нет (как, например в мустье зубчатом), дальнейшая судьба вариантов неясна. Не исключена возможность, что подобные варианты на самом деле являются нелеваллуазскими комплексами одной индустрии, а большой процент леваллуазских или нелеваллуазских форм отражает лишь какую-либо специфику или тип данного конкретного памятника. Во всяком случае, здесь надо работать в направлении интеграции, а не бесконечных поисков новых вариантов, отличающихся лишь процентным соотношением различных форм орудий.

Несомненно, что разветвление на леваллуазские и нелеваллуазские индустрии, существовавшее именно в мустьерскую эпоху, перестает прослеживаться в более позднее время (в верхнем палеолите). Если согласиться с гипотезой, что в основе такого разветвления лежит экономическое требование разделения на коллективы с определенным хозяйственным назначением, то становление Homo sapiens и быстрое изменение общественных институтов сделало бы ненужным существование этих двух техник. Техника леваллуа поглощается, осваивается, ассимилируется более прогрессивной призматической техникой, отмирают и ее дериваты внутри единой индустрии. Может быть, тот факт, что во Франции не удается проследить дальнейшую судьбу зубчатого мустье, следует, объяснять именно тем, что оно является второй стороной какого-либо варианта мустьерской культуры и с переходом на новый общественно-экономический этап необходимость в нем исчезает. Следовательно, не каждая деталь кремневого орудия, видимо, свидетельствует о биологических различиях изготовивших его людей — часть таких деталей, главным образом детали технические, может открыть характер производственной деятельности древнего человека, хозяйственно-экономическую сторону жизни древнейших человеческих коллективов. Именно такие детали позволяют проследить разветвление генетически однородного комплекса орудий древнего человека на две постоянно существующие, но фациально противоположные индустрии, и видеть за ними специфику жизни конкретных человеческих обществ.

Подобному явлению в кремневой технике на ашело-мустьерском этапе эволюции кремневых индустрий мы предлагаем дать название дивергенции. Дивергенцию не удается проследить на стадии питекантропа (т. е. в шелле) — она возникает, видимо, с возникновением нового морфологического варианта вида Homo — Homo neanderthalensis — и исчезает с переходом к Homo sapiens.

Следует учитывать, что дивергентность не везде принимала форму леваллуазской и нелеваллуазской технической фации; возможно, что у ряда коллективов (например, в Сибири) она проявлялась в неизвестной нам пока форме.

Дивергентность эволюции является основной формой биологического видообразования. Относительно же формирующегося человека все возрастающую роль, несомненно, должны были играть не биологические, а социальные закономерности. Но, зарождаясь, эти социальные закономерности также, безусловно, должны были принимать уже известную, выработанную долгой биологической эволюцией форму и наполнять ее новым содержанием, тем самым подчиняя себе биологические законы.

Изменяя самое существенное, социальные закономерности могли временно не затрагивать более мелкие, частные явления, влияя на них только косвенно или стимулируя их биологическое совершенствование. Под эгидой социального продолжали еще полноправно действовать закономерности биологические. И в то время, как происходило дивергентное развитие человеческого коллектива, в целом продолжалось морфологическое совершенствование частных представителей этого коллектива; Homo neanderthalensis эволюционировал в Homo sapiens. Когда этот переход завершился и отпала необходимость в дивергентной форме осуществления социальных закономерностей, биологические факторы эволюции оказались еще более оттесненными на задний план, а социальные закономерности стали проявляться в новой форме. Конкретные формы воздействия социальных закономерностей в последующее время могли изменяться, но сущность их оставалась. Сфера действия биологических закономерностей все более сужалась, однако эти закономерности продолжали и продолжают функционировать и не могут не сказываться на социальных законах.

В. Н. Гладилин

РАЗЛИЧНЫЕ ТИПЫ КАМЕННОЙ ИНДУСТРИИ В МУСТЬЕ РУССКОЙ РАВНИНЫ И КРЫМА И ИХ МЕСТО В РАННЕМ ПАЛЕОЛИТЕ СССР

(тезисы доклада)

Современные методы изучения раннепалеолитических комплексов позволяют выделить в мустье Русской равнины и Крыма памятники с разнотипной индустрией. Намечающиеся различия неодинаковы по своему характеру и степени выраженности. Можно говорить об отличиях первого и второго порядка.

Отличия первого порядка фиксируют лишь самые общие особенности техники обработки камня у различных групп мустьерского населения. Отличия второго порядка распространяются на всю сумму признаков — технических и типологических. Комплексы с близкими приемами расщепления образуют технический вариант индустрии, с одинаковыми технико-типологическими показателями — тип индустрии. Каждый технический вариант представлен бóльшим или меньшим числом индустриальных типов.

Ниже приводится краткая характеристика технических вариантов и объединяемых ими типов индустрии в мустье Русской равнины и Крыма.

1. Тейякский вариант — с крайне примитивными (тейякскими) приемами раскалывания, небольшими размерами изделий и практически полным отсутствием двусторонних форм. Представлен памятниками типа нижнего слоя Киик-Кобы (Киик-Коба, нижний слой; Старые Друиторы, нижний слой; Круглик?). Индекс пластин (I lam) не превышает 5%. Индекс подправки ударных площадок (IF large) менее 20%. Ретушь нерегулярная — зубчатая либо отвесная, притупляющая. Для производственного инструментария характерны обильные выемчатые формы и так называемые тейякские «остроконечники».

2. Микромустьерский вариант. Отличительные признаки: нелеваллуазская техника обработки камня (IL менее 5%), небольшие размеры орудий, отсутствие двусторонних форм, либо единичные двустороннеобработанные изделия. Представлен памятниками типа Рожка (Рожок I, Рожок II). Пластинки ред-

ки. Индекс фасетирования (IF large) менее 45%. Ретушь чашуйчатая краевая, реже — ступенчатая. В инструментарии преобладают ножи и скребла (прямые и выпуклые), среди которых заметное место занимают конвергентные — симметричные и асимметричные (déjetés).

3. Вариант микромустье с ашельской традицией. Близок предыдущему, но с часто встречающимися двусторонними формами. Объединяет памятники двух индустриальных типов:

а) типа верхнего слоя Қиик-Кобы (Қиик-Қоба, верхний слой; Волчий Грот, средний слой; Ильинская, нижний слой) — с низкими показателями пластин (I lam — менее 10%) и средними — подправки плоскостей удара (IF large от 30 до 45%), с ретушью преимущественно ступенчатой, заходящей далеко на «спинку» отщепа, либо плоско-выпуклой и чешуйчатой, с обилием одно- и двустороннеобработанных остроконечников, в том числе одинарных и двойных асимметричных — клювовидных, треугольных, и симметричных — удлиненно-миндалевидных с закругленным основанием и листовидных;

б) типа Орла (Орел) — с технико-типологическими показателями, близкими памятникам типа верхнего слоя Қиик-Кобы, но с менее часто встречающимися остроконечниками, место которых занимают сходные по форме конвергентные скребла и ножи.

4. Вариант мустье с ашельской традицией — с низкими индексами леваллуа (IL в известных случаях — менее 10%), средними и крупными размерами изделий и широким развитием техники двусторонней обработки. Объединяет памятники трех индустриальных типов:

а) типа Антоновки I (Антоновка I; Александровка) — с низкими индексами пластин (I lam — менее 10%) и подправки ударных площадок (IF large — до 30%), ступенчатой, заходящей далеко на «спинку», либо плоско-выпуклой и чешуйчатой ретушью, обилием одинарных и двойных выпуклых, вогнутых, реже — прямых скребел и ножей (в том числе ретушированных с «брюшка» альтернативно или с двух сторон), часто встречающимися выемчатыми формами и специфическими двустороннеобработанными листовидными, овальными, полусегментовидными и сегментовидными изделиями;

б) типа Чокурчи (Чокурча; Волчий Грот, нижний слой?) — с несколько иным набором производственного инструментария: без листовидных и овальных изделий, с единичными выемчатыми орудиями либо вовсе без них и характерными типами остроконечников и конвергентных скребел — ножей (одно- и двустороннеобработанными крупными и средними удлиненно-миндалевидных очертаний; миниатюрными в форме равностороннего треугольника; односторонними клювовидными, полусегментовидными и сегментовидными);

в) типа Сухой Мечетки (Сухая Мечетка). Индексы пластин и подправки ударных площадок близки первому типу. Отличия главным образом в типологии. Скребла и ножи преимущественно одинарные. Двойные представлены почти исключительно конвергентными образцами. Преобладают прямо- и выпуклолезвийные. Вогнутые редки. Двусторонние листовидные формы отсутствуют, односторонние — единичны. Почти нет орудий с выемками. В небольшом количестве отмечены ножи с обушком. Типичны асимметричные формы остроконечников и конвергентных скребел и ножей: наряду с клювовидными, полусегментовидными и сегментовидными встречены специфические типы — двуконечные трапециевидные и одно- и двустороннеобработанные с закругленным основанием и наискось срезанным верхним концом.

5. Леваллуа-мустьерский вариант — с леваллуазской техникой обработки камня (IL — более 20%), средними и крупными размерами изделий, без двусторонних форм, либо с единичными двусторонними формами. Представлен памятниками нескольких индустриальных типов:

а) типа Шайтан-Кобы — со средними индексами пластин (I lam — до 20%) и высокими — подправки ударных площадок (IF large — более 45%), с ретушью преимущественно чешуйчатой и параллельной, но также — ступенчатой и зубчатой (нередко на «брюшке» и противолежащей), с резким преобладанием в инструментарии одинарных и двойных ножей и скребел (главным образом выпукло- и вогнутолезвийных), среди которых выделяются конвергентные с утонченным основанием;

б) типа Холодной Балки (Холодная Балка; Бахчисарайская). Технические показатели близки предыдущему типу. Ретушь краевая: чешуйчатая, параллельная, зубчатая. Обилие орудий на пластинах: одинарные и двойные прямолезвийные ножи, характерные удлиненные симметричные и асимметричные остроконечники и конвергентные скребла — ножи;

в) типа Молодовы (Молодова I и V). Характерно обилие нересушированных изделий. Ретушь — краевая, тонкая. Преобладают прямо- и выпуклолезвийные ножи на тонких леваллуазских отщепах и пластинах. Скребла единичны. Часты леваллуазские остроконечники — нересушированные либо с легкой подправкой одного из краев. Имеются мустьерские асимметричные остроконечники полусегментовидной формы;

г) типа Скубовой Балки. Основной отличительный признак — типологического порядка: обилие асимметричных ножей с обушком на леваллуазских пластинах.

6. Вариант леваллуа-мустье с ашельской традицией — с леваллуазской техникой раскалывания (IL — около 20% и выше), средними и крупными размерами изделий и частыми двусторонними формами. Объединяет памятники следующих индустриальных типов:

а) типа Антоновки II (Антоновка II; Красный Яр?) — со средневеликими индексами пластин (I lam — менее 20%) и фасетирования плоскостей удара (IF large — от 35 до 45%), различными типами ретуши (ступенчатой, чешуйчатой, параллельной плоско-выпуклой), обилием прямо- и выпуклолезвийных ножей и скребел (часто двустороннеретушированных), в том числе характерных двусторонних полусегментовидных, сегментовидных и овальных очертаний;

б) типа Староселья. Индексы пластин и подправки ударных площадок близки предыдущему типу. Ножи и скребла обильны, но среди простых одинарных и двойных почти нет двустороннеретушированных. Отсутствуют характерные для Антоновки I двусторонние овальные формы, но зато широко представлены одно- и двустороннеобработанные остроконечники и конвергентные скребла — ножи листовидных и удлиненно-миндалевидных очертаний;

в) типа Хотылева — со специфическими леваллуазскими приемами раскалывания (обилие «черепаховидных» нуклеусов), средним индексом пластин (IL — около 20%) и характерными копьевидными, овальными и треугольными двусторонними формами.

Ряд признаков выделяет мустье Русской равнины и Крыма в особый раннепалеолитический регион, отличный от других раннепалеолитических регионов в пределах СССР — Кавказского и Среднеазиатского. К числу таких признаков необходимо отнести длительное переживание в местном мустье техники двусторонней обработки (А. А. Формозов), относительно позднее распространение на Русской равнине и в Крыму леваллуазских приемов обработки камня, в целом сравнительно неразвитый «периферийный» характер техники леваллуа в этом районе.

С. А. Семенов

ТРАСОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ОРУДИЙ ДРЕВНЕГО ПАЛЕОЛИТА

Трасологическое исследование орудий и изделий играет в изучении древнейшей техники основную роль. Полученный с его помощью новый исторический источник, проливающий свет на неизвестные функции предметов каменного века, по существу и сделал доступным, вопреки типологической описательной традиции, проникновение в технологические процессы далекого прошлого. Следы работы (изнашивания) на орудиях и изготовления на изделиях, отражающие характер обрабатываемого материала, степень физического усилия, установка орудия на предмет, направление движения, способ держания в руках, длительность употребления и другие признаки производственного действия раскрыли возможность в неограниченном числе археологических объектов увидеть не только производственный процесс, но целую отрасль производства, а вместе с тем и достигнутый уровень технического прогресса.

В изучении следов изнашивания важно точно выделить рабочую часть орудия, что при типологическом описании делается формально, так как принимается во внимание общая конфигурация орудия. Опираясь на следы изнашивания, исследователь нередко убеждается, что орудия, имеющие разную форму, использовались для одних и тех же операций и, наоборот, при одинаковой форме имели разные функции. Общими или различными в изучаемых орудиях могут быть только рабочие части. При типологическом подходе археолог способен приписать орудию только одну функцию. Изучение по следам работы позволяет выявить использование орудия в двух, трех и даже более совершенно различных операциях.

Рабочих частей на одном орудии иногда оказывается несколько, но каждое из них занимает на его поверхности очень малое место. Следы работы, улавливаемые на археологическом материале, раскрывают динамический характер древнейшего труда, постоянные поиски наиболее эффективных форм орудий, рабочих позиций и движений, замену одних орудий другими, нащупывание более простых и экономных решений для поставленных

задач. Орудий, остававшихся неизменными в течение тысячелетий, и стереотипных рабочих процессов не существовало. Неустойчивый характер труда более заметен в палеолитической технике. В следующие эпохи постепенно вырабатывается некоторая связь между формой и функцией, хотя она никогда не становится стабильной и всеобщей.

Самому характеру следов работы свойственны вполне закономерные признаки, которые позволяют понять внешнее многообразие орудий в свете определенных функций и рабочих движений человека. При всех отличиях формы и даже материала орудий следы изнашивания на них могут показать идентичность их назначения. Например, концевой скребок позднего палеолита Европы, круглый сланцевый скребок неолита Средней Азии (Джебел) или Урала, костяной скребок индейцев пуэбло будут иметь одинаковые признаки изнашивания, которые невозможно приписать орудиям другого назначения, хотя они сделаны из разных материалов и взяты из далеко стоящих стран и даже континентов. Разумеется, следы изнашивания во всех случаях не окажутся абсолютно идентичными. Разный материал орудий, неодинаковые шкуры и условия обработки окажут свое влияние. Однако при всех особенностях этих следов они качественно не будут различаться.

Это значит, что определение функциональных признаков по следам работы на орудиях является не простым случаем отнесения изучаемых вещей к какой-то группе предметов региональной классификации, а нечто большее. Признаки, установленные детальным анализом и подкрепленные экспериментом, станут ключом к раскрытию целой отрасли древнейшего хозяйства, о которой мы только могли догадываться или ничего не знали. Они окажутся признаками определенной хозяйственной деятельности вообще, независимо от места и времени.

В классификации, опирающейся на общую форму, мустьерские орудия делились на два типа: скребла и остроконечники. Вопрос о функциях этих типов оставался нерешенным. Скребла можно было считать скребками для обработки кожи, орудиями для разделки охотничьей добычи, скобелями для обработки дерева; остроконечники наделять функциями наконечников для копий, охотничьих ножей, орудий для обработки кости, рога, дерева и т. д. Хозяйство эпохи рисовалось в общих и обедненных чертах. На Волгоградской стоянке и в Рожке I найдены орудия, не имеющие морфологической общности, но со следами, указывающими на обработку кожи. Это — отщепы с ретушированными краями. Общее здесь только в рабочих частях, носящих следы употребления. Рабочие части ограничены небольшими участками на дугообразных краях, без углов и выступов, способных поцарапать кожу. Каждое из этих орудий имеет свои особенности в следах работы. Сильная изношенность и даже залощенность скребка-

скобеля из Волгоградской стоянки указывает на длительное использование его в операциях скобления и, может быть, даже разминания кожи. Широкий скребок из Рожка I имеет более четко локализованные следы по выпуклому краю. Массивный узкий скребок из той же стоянки напоминает концевой скребок позднего палеолита. Его нижний конец обработан приемами, которым на стоянке Рожок I оформлялись резцы.

В пещерной стоянке Шайтан-Коба обильно представлены отщепы леваллуазского типа, следы работы на которых выражены очень слабо, а в ряде случаев уловимы только при помощи двойного микроскопа или интерферометра. Принимая во внимание прямизну профиля и лезвий, а также экспериментальные исследования функций, их можно отнести к группе охотничьих ножей, служивших для разделки добычи.

Трасологический метод дает нам основание считать, что кремневые проколки существовали в мустьерскую эпоху. Серия проколок была выявлена среди материалов Волгоградской стоянки. Типологически она состояла из мелких остроконечников, сделанных из небольших отщепов. Тщательный анализ поверхности их обнаружил два рода следов изнашивания: 1) следы от пальцев рук и 2) следы от работы в результате прокалывания. Первые располагались на выступах рельефа широкой части орудия. Выступающие участки на брюшке и спинке были сглажены, как под действием мелкозернистого абразива. Очевидно, работали проколкой сильно загрязненными руками с жесткой кожей на пальцах. Частицы песка, застрявшие в порах кожи, производили абразирующее действие. Рабочий конец проколки носил следы изнашивания на глубину до 15 мм. Такое глубокое протыкание кожи указывает на весьма грубый процесс шитья.

Иное впечатление создается при изучении проколок из Рожка I и II. Два орудия здесь значительно мельче. Длина их 25—27 мм. Третье достигает 38 мм. Они, как и весь комплекс в целом, сделаны более деликатно. Тонкой ретушью оформлены жала проколок. Две малые проколки изготовлены из треугольных отщепов, третья, побольше — из овально-листовидного. Следы работы сказываются на общей затупленности жала и линейности. Микрометрическое измерение следов показало среднюю длину линий в 0,1—0,4 мм, толщину в 0,001—0,015 мм.

По-видимому, работу производили женщины. Проколки зажимались между концевыми фалангами большого и указательного пальцев. Они полностью перекрывались подушечками пальцев, оставалось свободным только жало. Очевидно, уже в эту эпоху существовали приемы соединения отдельных кусков шкуры. Обнаружение кремневых проколок в мустьерских стоянках — Рожок I и Волгоградская, расположенных на расстоянии 500 км и далеко не синхронных, не могло быть случайностью. Есть основания и по другим признакам считать, что по крайней

мере во вторую фазу мустьерской эпохи уже примитивно обрабатывали шкуры и сшивали их. Следы изнашивания на проколках имеют свои специфические признаки, которыми они обособлены от признаков, характерных для сверл, резцов и других орудий.

Древнейшие образцы строгания дерева относятся к ашельскому времени. Это две деревянные рогатины. Одна из них представляет собой только острие рогатины, открытое в Клактоне (Англия). Вторая — целое орудие из Леринген а.

Клактонская рогатина, по мнению К. Р. Окли, могла быть обработана кремневым скобелем с выемкой, какие часто встречались в древнем палеолите. Выемчатые скобели продолжали существовать и позднее, в позднем палеолите, мезолите и неолите, хотя использовались реже.

Рогатина из Лерингена носит следы скобления ее поверхности, о чем свидетельствует типичная «волнистость» поверхности на больших участках древка. Скобление, когда лезвие орудия становится на обрабатываемую поверхность под углом в 75—90°, очень часто создает такие неровности в силу вибрации лезвия. Первой причиной является неоднородность материала, вызывающая разную степень нажима скобеля на ее поверхность и появление едва заметных неровностей. В дальнейшем, с ускорением движения скобеля неровности увеличиваются, лезвие начинает прыгать по ним, углубляя ритм волны.

Следы строгания видны и на острие рогатины, ее боевом конце, которому придана после обжигания форма узкого длинного конуса. Это видно по четко выраженным граням, напоминающим грани карандаша. Древко очищено кремнем от сучков. Тисс, из молодого ствола которого оно сделано, имеет красно-коричневую, бедную смолой древесину, принадлежит к вечнозеленой хвойной породе, отличается твердостью, вязкостью и легко обрабатывается.

Скобление, иначе говоря, строгание с установкой орудия под большим углом, подтверждается многими примерами трасологического изучения мустьерских орудий. Кремневые скобели обнаружены в Шайтан-Кобе (Крым), Волгоградской стоянке, Рожке I, Носово I. При изучении следов работы выявляется характерная черта — узкая полоска изнашивания, проходящая по самому краю, с незначительным переходом на плоскости, образующие рабочий край. Часто сработанный край имеет интенсивный блеск или выщербленность. Под микроскопом на нем нередко можно обнаружить линейные следы, пересекающие сработанную полоску края.

На скобеле из Волгоградской стоянки, в качестве которого использован отщеп неправильной формы, линейных следов нет, но выщербленность по краю наблюдается с двух сторон. Выщербины указывают на направление движения, значит скобель

использовали с двух сторон, переворачивая его в руке. Выщербины в виде мелких неравномерно расположенных по краям фасеток получаются от сильного нажима на сравнительно твердый обрабатываемый предмет. Такие изъяны лезвия не возникают при работе, например, по коже. Очевидно, разделения функций при обработке этих двух материалов еще не было.

На скобелях из Рожка I выщербин по краю нет или они слишком мелки, ввиду малого размера самих орудий и соответственно более слабого нажима на обрабатываемый предмет. Здесь тонкий край скобелей ретушировался. Следы изнашивания наблюдаются как на ретушированных краях орудий, так и на неретушированных, если последние имеют угол заострения около 40—50°. Край с меньшим углом заострения легко крошился, а потому нуждался в ретушной подправке. Концентрация следов на самом крае показывает, что лезвие не углублялось в древесину. Оно располагалось почти под прямым углом к обрабатываемой поверхности. В ряде случаев можно наблюдать, как рабочий край неоднократно подправлялся ретушью, в результате чего этот край принимал вогнутое очертание. Там, где затупившийся край был нависающим, ретушь получалась не чистой, с заломами. Такой край с течением времени утрачивал рабочие свойства. Мастер подбирал другой край с меньшим углом заострения на том же орудии или на ином.

В мустьерскую эпоху появляется новый способ строгания дерева, отличающийся от скобления при малом угле лезвия к поверхности обрабатываемого предмета. Орудие, соответствующее такому положению лезвия, обнаружено среди материалов Волгоградской стоянки. Это кремневый отщеп, на спинке которого сохранилась желвачная корка. Размеры 6,5—3,5—1 см. Цвет серо-желтоватый. Непатинизирован и не окатан. Рабочий дугообразный край слегка притуплен мелкими выщербинками. Противоположный край обработан ретушью. Орудие применялось, о чем говорит залощенность лезвия в части, примыкающей к дугообразному краю. Залощенность лезвия со спинки ничтожно мала. Залощенность лезвия с брюшка занимает относительно большую площадь. В других частях отщеп заглажен от трения о руку.

Микроанализом поверхности при увеличении в 150 раз были обнаружены следы изнашивания, расположенные почти под прямым углом к дугообразному лезвию. Это значит, что отщепом работали, как строгальным ножом, положив его брюшком на материал. В таком положении ретушированный обушек ножа служил для упора указательного пальца правой руки. Движения при строгании производились на себя. Угол, под которым лезвие ложилось на предмет, определяется в пределах 30—40°, приближаясь к углу при строгании современным стальным ножом. Под таким углом мустьерский человек должен был обра-

батывать дерево. Строгание кости, если и было, производилось скобелем.

На материалах из кости, бивня и рога видны разнообразные следы работы. Как свидетельствует инвентарь крымских пещер (Киик-Коба, Кош-Коба), неандертальский человек пользовался в качестве наковален костями из стопы мамонта (промежуточными, карпальными и ульнарными). Сочленовая площадка промежуточной кости (Os intermedium dextra) покрыта следами работы двоякого рода. Первые из них — углубления на поверхности кости, отличающиеся угловатой структурой, резкостью и глубиной. Эти четко выраженные вмятины не могли появиться в результате беспорядочных ударов одним угловатым камнем, так как расположение углов вмятин на поверхности имеет разную ориентировку, неодинаковые формы и размеры. Анализ дает основание думать, что предметами, оставившими эти следы, были массивные нуклевидные кремни или нуклеусы, подвергшиеся ударной обработке. Второй род следов на той же кости подтверждает сделанный вывод, одновременно раскрывая перед нами дополнительную функцию костяного приспособления в производственной практике неандертальского человека. По правому краю этой кости расположены параллельно узкие продолговатые углубления или борозды, показывающие зубчатую структуру обрабатывавшегося здесь предмета, которым мог быть край грубо ретушированного орудия. Ретуширование производилось ударным способом. Следы второго рода обильно представлены на карпальной и ульнарной костях. Здесь, однако, наблюдаются и существенные различия. На карпальной кости сохранились тонкие борозды, утончающиеся к центру. На ульнарной — следы более короткие, неправильной формы, расположенные с менее определенной ориентировкой. Их можно рассматривать как оттиски ретушированных приемами все той же ударной техники отщепов. Укороченная форма их может быть объяснена и характером самой площадки ульнарной кости с приподнятым краем.

Более часто в мустьерских стоянках встречаются обломки трубчатой кости, служившие для отжимной ретуши кремневых орудий. Эти предметы многочисленны в пещерах Западной Европы. Они известны и в Советском Союзе (Киик-Коба, Чокурча, Тешик-Таш, Волгоградская и др.). Выпуклая сторона этих обломков покрыта насечками, расположенными в виде очагов не в средней части, а на одном или на обоих концах. Насечки возникли в результате надавливания костяным ретушером на край кремневого лезвия. На следы такого рода впервые обратили внимание французские археологи (Пьетт, Мартен, Шовэ и др.), но правильное истолкование их природы дал Г. А. Бонч-Осмоловский. Последний отверг гипотезу Мартена, который рассматривал кости с нарезками как наковальни, и гипотезу Шовэ, считавшего

их приспособлениями для контрударной ретуши. Г. А. Бонч-Осмоловский писал: «...насечки могли быть произведены только при одном техническом приеме — активном ретушировании лезвий кремневых орудий. Зажатым в правой руке (я подчеркиваю — в правой, так как об этом говорит неизменный наклон нарезок слева направо) обломком кости мастер нажимал на несколько наклонное вверх лезвие кремня, удерживаемого в левой руке».

Трасологически следы, указывающие на ретуширование, выявлены и на каменных предметах. Обитатели Волгоградской стоянки для этой цели пользовались речными гальками малого формата, кремневыми и кварцитовыми, имеющими уплощенную почти треугольную форму. Следы работы в форме выщербин наиболее отчетливо выражены на кремневой гальке с гладкой поверхностью. Они имеют форму неправильных лунок разной формы и глубины, полученных от надавливания на зубчатое лезвие ретушируемого орудия. Кроме того, на гальке есть две выбоины, указывающие на попытки человека употребить ее в качестве отбойника, но для такой функции она не имела достаточного веса. Кремневая галька весила 94 г, кварцитовая 76 г. Последняя была недолго в работе, может быть несколько минут, после чего человек оставил ее без внимания, так как ее поверхность стала крошиться от давления.

На стоянке Рожок I ретушерами служили кремневые орудия, у которых чаще использовалось брюшко и отбивной бугорок. На этой выпуклости наблюдаются следы в виде выщербин, возникших от давления на ретушируемое лезвие. Как и на костяных ретушерах, они имеют определенную ориентировку, показывающую, как мастер держал в руке обрабатываемое орудие. Следы — выщербины имеют на кремневых орудиях меньшую глубину и объем, чем на костяных. Однако экспериментальное воспроизведение этих следов показало, что для ретуширования неандертальский человек применял большую силу, достигающую давления около 150 кг. Измерение давления проводилось при помощи динамометра Матье-Коллена. Такой же результат дало и моделирование следов на костяных ретушерах. Это означало пятикратное превосходство мощи руки неандертальца над средней мощью современного человека.

В операциях ретуширования принимали участие глубокие и блоко-фаланговые сгибатели пальцев обеих рук. Давление ретушером на край обрабатываемого орудия осуществлялось снизу, с ладонной стороны пальцев правой руки. Ему противостояло давление концевых фаланг больших пальцев правой и левой руки, с упором их на обрабатываемое орудие. При таком соединении усилий преимущественно больших и указательных пальцев обеих рук давление средней силы человека не превосходит 25—30 кг. Давление в 150 кг, применявшееся неандертальцем, сле-

дует отнести за счет исключительного развития мускулатуры и связок кисти, что палеоантропологически подтверждается. Широкая кисть киик-кобинца с массивными фалангами, высоким рельефом межфаланговых суставов, мест крепления связок говорит о большой силе сгибателей.

Большой расход энергии на ретуширование давлением не был рациональным в эволюционном плане. Позднее возникли способы ретуширования посредством торцового давления отжимником, более экономного и эффективного. Зачатки его уже зарождаются в позднем мустье. Однако в верхнем палеолите еще продолжал существовать начальный способ наряду с более прогрессивным. В технике ретуширования, как и в других отраслях производства, развитие протекало по принципу аккумуляции — накопления и обогащения, а не радикальной смены старых способов работы новыми.

Эпоху в обработке рога, бивня и кости создает появление кремневого резца и способов продольного и поперечного членения их этим орудием. Резание производит переворот в технике палеолита, не менее значительный, чем открытие способов расщепления кремня на призматические пластинки. Весь обширный круг орудий и изделий позднего палеолита из рога, бивня и кости (шилья, иголки, наконечники дротиков, гарпуны, оправы для вкладышей, резные изделия из кости и многое другое) трудно представить без применения резца. Все эти предметы являются производными техники продольного членения названных материалов на любые по сечению и длине заготовки. Без резца с бивня можно было только скалывать грубые и случайные по форме отщепы, пользуясь ударами кремневого зубила. Эти отщепы имели продолговатую форму, служили заготовками для ограниченного круга изделий: лопаточек, ложек, совков и т. п. Продольное членение резцом сделало бивень мамонта обильным источником заготовок, превратило его из малополезного отхода охоты в ценный хозяйственный резерв.

Когда появляется резец? Типологически, этот вопрос решается по признаку резцового скола, а технологически — по следам работы. Резцовый скол как технический прием затупления острого края отщепа или пластины появляется еще в леваллуазско-мустьерскую эпоху, но резцовый скол как средство оформления рабочей части резца возникает в позднем палеолите, когда входят в употребление призматические пластинки.

В мустьерском слое грота Истюриц (Франция) Р. Сен-Пьере обнаружил части рогов северного оленя со следами работы кремневым резцом в виде надрезов. Возможно, что в мустьерский слой эти предметы попали из вышележащего позднепалеолитического горизонта, однако теперь, после трасологических исследований материалов из Рожка I, есть основания думать, что кремневые орудия с функциями резца восходят к дорињякской эпо-

хе. Резца в его классической форме еще не существовало, но резание кости угловым давлением заостренного орудия уже применялось.

Резец из Рожка I изготовлен без резцового скола. Рабочая часть имеет одноугольную форму, режущую кромку составляет угол в 75—80°, образованный на брюшке мелкого ладьевидного отщепа, подправленного ретушью. Резец имеет два рабочих конца (А — Б), носящих следы работы разной степени. На одном конце (А) следы установлены только на правой кромке и в слабой степени, на другом (Б) — сработаны обе кромки и очерченная ими плоскость брюшка. Угол заострения конца А — 45—50°, конца Б — 80°. Следы изнашивания выражены в затупленности рабочих концов, отчетливо просматриваемой в бинокуляр при увеличении в 25—30 раз и даже в 10—12. Линейные следы видны только при помощи МИМ-6 (увеличение в 200—400 раз).

Поверхность рабочего конца (Б) трассирована как по передней, так и по боковым плоскостям. Это свидетельствует, что рабочий конец был установлен на обрабатываемый предмет вертикально или близко к вертикали. Судя по границе следов, углубление в материал предмета не превышало 1,5—1,75 мм.

Могла ли работа таким резцом производиться без крепления его к рукоятке? Если принять во внимание большую силу кисти неандертальца, он мог работать резцом, зажав резец между фалангами большого и указательного пальцев. Об этом говорит и некоторая залощенность поверхности всего орудия, которую трудно объяснить иначе. Опыты подтверждают возможность делать надрезы на сырой кости кремневым осколком, зажатым между пальцами.

Трасологическим исследованиям древнего палеолита положено лишь начало, сделаны только первые шаги. Изучение следов на камне, кости, роге обещает обогатить наши знания новыми фактами о жизни и деятельности эпохи, которые не могут быть получены другими методами. Однако и сейчас можно заключить, что между хозяйственной деятельностью мустьерского человека и человека верхнего палеолита не лежала пропасть, разделяющая их как два различных мира. Некоторые из достижений, рассматривавшихся прежде в виде исключительной принадлежности Homo sapiens, в зачатках уже существовали у неандертальца.

Г. П. Григорьев

К РАЗЛИЧЕНИЮ ПРИЗНАКОВ ГЕНЕТИЧЕСКОГО РОДСТВА, ДИФФУЗИИ И СИНСТАДИАЛЬНОСТИ

(по материалам палеолита)

Иногда наблюдается сходство двух или более археологических культур по материальным признакам, причем сходство это не одинаково в разных случаях. На основании сходства делается большинство исторических выводов в археологии: о принадлежности памятников данного района к ранее уже известной археологической культуре, о происхождении данной культуры, о родстве данной культуры, восходящем к более ранним временам, с определенным кругом культур, о продвижении населения на новую территорию, о влиянии данной культуры на соседнюю, о взаимном обмене между двумя культурами и т. д. Особенное значение сходства культур очевидно при конкретно-историческом подходе к изучению палеолита, отстаиваемом в последнее время А. Н. Рогачевым в противоположность стадиальному (П. П. Ефименко) или культурно-историческому подходу (С. А. Семенов). Отсюда вытекает необходимость различать разные виды сходства, вызванные различными причинами.

Работая над палеолитическими материалами, мы выделили три причины для существования разных видов сходства.

1. Сходство, обусловленное генетическим родством. Сходны две культуры, происходящие одна от другой, сходны два варианта одной культуры.

2. Сходство, обусловленное диффузией или взаимовлиянием.

3. Сходство, обусловленное принадлежностью нескольких независимых культур, обнаруживающих сходство, к одному пути развития; сходство, обусловленное совпадением задач, стоящих перед человечеством на данном этапе развития.

Материалом для суждения о сходстве, обусловленном генетическим родством, служат данные об ориньякской культуре (31—18 тыс. лет до н. э.), распространенной в юго-западной Франции, и пиренейской культуре, существовавшей в то же самое время в части Франции, примыкающей к Пиренеям и Средиземноморью. Обе эти культуры составляли на этапе Ia вари-

анты единой культуры, происшедшей от мустье в варианте Кина.

Мы используем также материалы по виллендорфско-павловско-костенковскому единству, так как считаем доказанным, что павловская (26—22 тыс. лет до н. э.) и костенковская (20—13 тыс. лет до н. э.) культуры происходят от виллендорфской культуры (28—26 тыс. лет до н. э.).

В том случае, когда мы имеем дело с памятниками одной культуры, наблюдается полное совпадение всех типов орудий, известных для данной культуры. Обычно удается выделить для одной культуры 10—15 типов. Классификации, соединяющие типы орудий, свойственные нескольким культурам, распадающимся на несколько этапов, как, например, типолист Ж. Перро — Д. Соневиль-Борд (пять этапов ориньякской культуры, девять этапов перигордийской культуры, три этапа солютрейской культуры, семь этапов мадленской культуры), содержат по 90 и более типов каменных орудий. Менее пригодны для анализа в наших целях остатки жилищ, костяные орудия, орнаменты на изделиях из кости и рога и произведения искусства по причине обычно их уникальности.

Другим случаем родства, определяемого генетическим сходством, является сходство двух культур, из которых одна происходит от другой, или сходство между материнской культурой и дочерней культурой, обосновавшейся в результате переселения на новой территории. Обычно сравниваемые памятники разделяет значительный отрезок времени (в силу немногочисленных изученных палеолитических памятников). Поэтому при сходстве в большинстве типов наблюдается один-два типа, которые отсутствуют в одной из генетически родственных культур.

Возьмем в качестве примера верхний слой Костенок I (костенковская культура) и девятый слой Виллендорфа II (виллендорфская культура). Большинство типов орудий в обеих культурах совпадает (наконечник с боковой выемкой, нож с подтеской, крупные скребки на длинных пластинах, иногда с ретушью по краям, проколки, частично ретушированные крупные острия, несколько типов резцов, орнаменты в виде параллельных черточек и крестиков, женские статуэтки, подвески из мергеля и из зубов животных с прорезанным, а не просверленным отверстием, лощила из ребер животных). Однако в силу территориальной удаленности культур (1700 км) и их разновременности (виллендорфская культура — не позднее 28 тыс. лет тому назад, костенковская культура — около 20—13 тыс. лет тому назад) в Костенках I (и, по-видимому, во всех памятниках данной культуры, пока исследованных хуже, чем верхний слой Костенок I) нет того набора сплошь ретушированных пластин, которые характерны для Виллендорфа, нет топоров типа Лингби. С другой стороны, в Виллендорфе нет листовидных острий с ретушью с брюш-

ка, нет мотыг из бивня — типов, характерных для Костенок I. Пластинки с притупленным краем, с кончиками, подправленными с брюшка, есть в обеих культурах, но в деталях эти типы разнятся: в Виллендорфе типичны крупные экземпляры с полуовальными концами, в Костенках — мелкие с овальными концами. Особенно примечательно в данном случае сходства то, что, предполагая миграцию населения из этого района на территорию Русской равнины, можно объяснить различие в типах эволюцией каменных орудий. Листовидные острия Костенок I выводятся из острий павловского типа, пластинки с притупленным краем обеих культур также смыкаются в один эволюционный ряд через единичные экземпляры, тождественные виллендорфским. В итоге эти две культуры различаются лишь тем, что в одной орудием для копания были топоры из рога северного оленя, а в другой, где остатки северного оленя вовсе отсутствуют,— мотыги из бивня мамонта, видимо, близкие не типологически, но функционально к топорам типа Лингби.

Конечно, есть предел времени, по прошествии которого две генетически связанные культуры становятся непохожими настолько, что при отсутствии промежуточных памятников нельзя доказать их родство. Так, в позднем периоде молодовской культуры не сохранилось ни одного признака, ни одного типа, характерных для раннего бабинского этапа, на основании которых можно было бы утверждать их генетическую связь, если бы не были известны памятники, заполняющие хронологический разрыв — 7-й и 6-й слои Молодовы. Размеры такого рода предельных периодов непостоянны — разные культуры эволюционируют по-разному, то быстрее, то медленнее. Наилучшим доказательством этого служит развитие павловской и костенковской культур. Более поздняя костенковская культура, эволюционируя медленнее, в большей степени сохранила черты материнской — виллендорфской культуры, чем более ранняя, более близкая во времени к виллендорфской, павловская культура.

Перейдем теперь к случаям сходства, обусловленным заимствованиями. На протяжении большей части позднего палеолита наблюдается замкнутое существование различных культур, когда случаи заимствования редки. Можно предполагать, что тип резца Ноай в пиренейской культуре заимствован от соседней — перигордийской; в обеих культурах этот тип совершенно идентичен. В самом конце позднего палеолита наблюдаются не отдельные случаи заимствования одного-двух типов у соседней культуры, а широкие «межиндустриальные течения», или диффузия: отдельные типы заимствуются не одной культурой, а обширным кругом несходных культур на протяжении нескольких тысяч километров. Таковы мадленские гарпуны, известные в двух-трех разновидностях в культурах позднемадленского времени Англии, Центральной и Южной Европы. Этот случай сходства, как

и взаимовлияния, отличается ограниченным числом сходных (заимствуемых) типов и полным тождеством этих предметов в любой культуре, лежащей в пределах данной зоны диффузии.

Существует еще одна причина, по которой археологические культуры могут быть похожими; эту причину мы ради краткости обозначим как синстадиальность.

Так, в мустьерское время известны разные варианты с применением зубчатой техники. «Зубчатый вариант» в Дордони-Вьенне отличен от микрозубчатого варианта в Леванте, но именно наличие зубчато отретушированного рабочего края и некоторая неопределенность формы этих зубчатых орудий в известной степени делает их похожими. То же самое можно сказать о различных вариантах мустье Франции, Среднего Днестра, Леванта, называемых леваллуазскими. Они разнятся между собой, и вряд ли их все можно вывести из одной культуры-предка, но наличие леваллуазских нуклеусов, заготовок и острий является общей чертой, сближающей эти памятники.

В верхнем палеолите Европы и Ближнего Востока можно выделить три пути развития: ориньякский, селетско-стрелецкий и перигордийский. Так, к перигордийскому пути развития можно отнести и перигордийскую культуру Франции и эмиро-антелийскую культуру Переднего Востока, ввиду наличия сходных элементов — острий и пластинок с притупленным краем, но вместе с тем, несомненно, нет никакого генетического родства между этими культурами (они происходят от местных вариантов мустье), эти сходные орудия возникли независимо друг от друга.

Когда первобытный человек изготовлял нож, резец, проколку, то его возможности создать новый типологический вариант, непохожий на те, что изготавливались и употреблялись в соседних племенах, были ограничены, во-первых, уровнем развития техники, во-вторых, единством задач, стоявших перед всем палеолитическим человечеством. Поэтому независимо друг от друга и обитатели пещеры Эль-Вад в Палестине, и обитатели пещеры Фон-Ив во Франции изготовляли и пользовались сходными пластинами-остриями, обработанными крутой ретушью по всему обводу орудия; носители селетской и костенковской культур пользовались плоской двусторонней ретушью для обработки листовидных острий.

Существует ряд ориньякоидных культур в Западной, Центральной и Восточной Европе: группа Бачо Киро, группа Ишталлошко-Пешко, культура Кшепице-Кехнец, бабинский этап молодовской культуры, липская культура, кремсская культура, виллендорфская культура, культура Зиргенштейн — Фогельхерд. Анализ их показывает, что поставить в генетический ряд все или хотя бы часть невозможно; то, что различает эти культуры, не может быть объяснено как результат развития, расцвета одних типов и затухания и исчезновения других. Если мы выделим

более ранние и более поздние типы одной из культур, то окажется, что в остальных культурах более архаичные типы будут одновременны с более поздними.

Например, на протяжении развития кремсской и виллендорфской культур острия и пластины с ретушью играют существенную роль от начала до конца; скребки на крупных пластинах с ретушью по краю появляются лишь в более поздней из двух культур — в виллендорфской. Не так в ориньякской культуре: там крупные скребки на ретушированных пластинах характерны для ранних этапов ориньяка, а позже они исчезают, равным образом и ретушированные пластины с течением времени играют все меньшую роль, а затем исчезают почти одновременно с исчезновением скребков с ретушированными краями. Таким образом, если принять за норму ориньяк Франции, то окажется, что в Чехословакии и в Австрии с более архаичными элементами сочетаются более развитые; к тому же заключению мы придем, если возьмем за норму любую другую ориньякоидную культуру,— тогда во Франции будет наблюдаться сочетание в одном комплексе, на одном этапе более архаичных и более развитых типов. Поэтому нельзя признать одну из ориньякоидных культур за материнскую, а прочие — за дочерние. Объяснение их сходства приходится искать вне генетического родства.

Рассмотрим далее степень сходства тех типов, которые похожи и служат основанием для наших суждений о близости рассматриваемых культур. Обычно это сходство неполное. Если взять группу пластин-острий, объединяющих все ориньякоидные памятники, и рассматривать не группы в целом, а отдельные типы, составляющие эти группы, то окажется, что эти типы в разных ориньякоидных культурах имеют ряд общих элементов (крутая ретушь, удлиненные пропорции, округлое основание, заостренный верхний конец), но разнятся по другим элементам весьма существенно, так что полного сходства типов нет. Так, пластины с перехватом (lames etranglés) есть в ориньякской культуре Франции, но отсутствуют в группе Кшепице-Кехнец, в виллендорфской культуре, в группе Ишталлошко — Пешко. Разновидности пластин с крупной ретушью по всему обводу, свойственные виллендорфской культуре (например, ланцетовидные пластины, пластины с языком), отсутствуют в Центральной Европе и т. д. Очень специфичны и однообразны пластины Бачо Киро (Болгария), Ишталлошко (Венгрия).

В итоге наблюдения над сходством между генетически не связанными, но относящимися к одному пути развития культурами сводятся к следующим положениям.

1. Сходство это распространяется не на все типы, но и не на один-два типа, а на группу типов.

2. Сходство типов всегда является неполным, приблизительным сходством не по всем элементам данного типа.

3. Сходные типы в общей сумме культур, относящихся к данному пути развития, распределены без взаимной корреляции, в одной и той же культуре сочетаются более примитивные и более развитые типы, так что нельзя себе представить различие этих культур как результат дальнейшего развития первоосновы или материнской культуры, в процессе ее эволюции во времени или в пространстве.

Таковы случаи сходства, вызванные тремя различными причинами: заимствованием, генетической связью, следованием по одному и тому же пути развития. Соответственно, наблюдается либо: полное сходство в одном-двух типах, которые заимствованы; либо приблизительное и неполное сходство целой группы родственных типов; либо полное сходство всех типов орудий, устанавливаемое прямо или через посредство промежуточного этапа, причем несходство единичных типов, очевидно, является результатом развития культур.

Перейдем к выяснению причинной обусловленности тех сходств и различий, о которых шла речь. Человечество в отличие от любого вида животных делится на крупные социальные объединения: нации, народности, племена. Это — специфически человеческая черта, обусловленная социальной природой человека, наличием в обществе производства и производительных сил. Назначение каждого объединения — сохранение и быстрое беспрепятственное распространение внутри этого объединения той части производительных сил, которая состоит из навыков, традиций, и вместе с тем — сохранение суммы материальных благ, приобретенной данным социальным объединением. Так, например, племена срубной культуры, соседившие с лесными неолитическими племенами, хранили свой опыт металлургии, земледелия, скотоводства; всего этого лесные неолитические племена были лишены и не получали долгое время из-за этнической границы, их разделявшей. Вместе с тем, как следствие существования у населения срубной культуры этих навыков, оно было лучше снабжено пищей, обладало лучшими условиями существования в виде более удобных жилищ, одежды; верхушка населения владела богатствами в виде скота и прочих запасов, изделий из драгоценных металлов. Эта разница между племенами или народностями существовала и в палеолитическую эпоху. Так, если в Африке 30—20 тыс. лет тому назад жили мустьерцы, а в Передней Азии — люди современного физического типа с позднепалеолитической техникой, то можно сделать вывод о более высоком уровне жизни обитателей Передней Азии. В палеолите новые изобретения, опыт никогда не распространялись немедленно и мгновенно по всей ойкумене. Часто можно наблюдать повторное изобретение техники, приема или типа, изобретенного ранее соседями. Мы не считаем, что племенные границы всегда разделяли более развитое богатое и обеспеченное пищей население и

бедное, более отсталое население. Но существование этнических племенных границ является предпосылкой для удержания в рамках данного племени или народности (другой вопрос, как долго) нового изобретения, новой суммы навыков и вследствие этого более высокого жизненного уровня. Полезно или вредно то, что население разделено? Подходя исторически к этому явлению, мы видим, что со временем этнические перегородки все меньше и меньше препятствуют распространению новых изобретений и идей. Идеалом в этом смысле будет коммунистическое общество будущего, где не будет никаких препятствий для свободного распространение новых изобретений и материальные блага, производимые человеком, будут распределены равномерно. Напротив, чем более древние времена мы рассматриваем, тем более дробны этнические подразделения, тем более прочны этнические границы, тем сильнее враждебное отношение к «чужим». Следовательно, в целом разделение человечества на этнические группы отрицательно сказывалось на развитии человечества.

Другая сторона дела — существовавшая в первобытном обществе необходимость подразделения на племена, тем бóльшая, чем древнее период истории. И, стало быть, особенная необходимость этого разделения в мустьерское и позднепалеолитическое время. А так как в какое-то более раннее (в какое — пока неизвестно) время племенного деления не существовало, а были лишь отдельные семьи или стада, то появление этих племенных объединений было тогда моментом прогрессивным, работавшим на пользу человеческому обществу. Можно предполагать, что племена появились вследствие того, что человек с самого начала был общественным животным. Вырабатываемый в одной клетке социальный опыт должен был распространяться на целый ряд семей — это гораздо более «экономный» способ прогресса, прогресса идей, обычаев, техники, чем индивидуальное совершенствование этих явлений. Однако безграничным распространение идей, обычаев и нововведений в технике не могло стать; оно ограничилось кругом «родственников» (не в современном значении этого слова — кровных, а классификационных братьев, сестер и т. д.). Можно лишь предполагать, как сложилось это объединение, этот круг единоплеменников. По-видимому, пределы предплемени — это максимальные пределы территории, внутри которой существовали очень устойчивые связи, постоянные контакты. Во всяком случае, функцией готовых предплемен было именно осуществление связей, распространение нововведений и изобретений, утверждение единых традиций для всех членов предплемени, технических традиций и, вероятно, единых верований. Естественно предположить, что именно нужда в таких контактах, в общении, в распространении идей, становившихся затем общим достоянием всего предплемени, и оформила эти социальные объединения. Другие разделяющие разные племена признаки — язык,

антропологический тип, свойственный только данному племени,— возможно, более поздние образования. Первоначально основная функция предплемени — социальная и производственная, члены одного предплемени едины, поскольку все пользуются благами нововведения — плода творчества одного члена предплемени; они все противостоят другим подобным социальным объединениям именно и прежде всего в своих традициях, и производственных, и религиозных. Антропологическое единство племени и различия племен по физическому типу не могут быть доказаны.

Однако межпредплеменные перегородки не абсолютны; связи, но иного рода, наблюдаются и между разными племенами. Можно различить два рода связей. Связи между общинами одного племени или одного предплемени имеют следствием единство культуры внутри предплемени или племени. Связи между предплеменами, т. е. встречи, взаимные посещения людей, принадлежащих к разным предплеменам или племенам, к унификации материальной культуры не приводят, и даже заимствования типов вначале редки. В случае заимствования одного-двух типов у соседей материальная культура двух племен остается различной в громадном большинстве типов.

Но можно допустить передачу или распространение общих идей, таких, как леваллуазский или призматический принцип раскалывания камня и получения заготовок — пластин и отщепов или принцип резцового скола. Правда, единственным, и то косвенным доказательством этого предположения является одновременность (с допуском ±2 тыс. лет) возникновения поздней палеолитической техники в Европе и в Передней Азии. Но вместе с тем трудно привести аргументы, опровергающие возможную картину: первоначально резец, скребок и призматическое ядрище изобретены в двух-трех центрах Европы и Передней Азии, независимо друг от друга, в разных, значительно удаленных культурах, причем, будучи технически едиными, эти впервые изобретенные резцы, скребки и нуклеусы в разных областях были различными типологически из-за различия той мустьерской основы, мустьерских традиций, которые были питательной средой для возникновения новых типов и принадлежали разным племенам. Затем встречи и взаимные посещения членов разных предплемен, возможно, подтолкнули к более широкому распространению и употреблению новых типов, которые зачаточно, в типологически неустойчивом, неоформившемся виде существовали во многих вариантах мустьерской культуры, и ускорили процесс, который без взаимных контактов шел бы много медленнее. Если действительно носители селетской культуры заимствовали идею скребка и резца у носителей культуры Кшепице-Кехнец или влияние кшепице-кехнецкого племени ускорило сложение позднепалеолитических типов у носителей селетской культуры, то это — иллюстрация нашей гипотезы. Но сходства в типологии резцов и скреб-

ков между селетской культурой и культурой Кшепице-Кехнец нет, так как первые заимствовали у последних лишь техническую идею, а типологический облик — это результат творчества самих носителей селетской культуры. Подобного рода обмен идеями и нововведениями между племенами мог существовать постоянно, не приводя к нивелировке различных археологических культур. Параллельно встречалось, хотя и редко, заимствование отдельных типов орудий.

Таким образом, основным содержанием процесса сложения социальных отношений была замена стада как наивысшей формы животного объединения сначала предплеменем, затем племенем — социальным организмом, состоящим из нескольких устойчиво связанных общин. Осознание человеком своей принадлежности к большему социальному объединению, чем ежедневно встречаемые мужчины и женщины его поселка, с которыми он проводит всю свою жизнь,— к предплемени — было главным социальным чувством первобытного человека. В палеолитическое время силы, соединяющие вместе людей одного предплемени или племени, и силы, разъединяющие людей разных племен, были большими, чем когда-либо позже.

Основным назначением предплемен и племен было сохранение производственного опыта и распространение нововведений и социальная организация людей, так как предплемя или племя было средоточием традиций, преданий, верований. Хотя племенная организация была непременным условием и единственно возможной формой существования палеолитического человека, она диалектически соединяла в себе отмеченные нами положительные и отрицательные стороны. Враждебное отношение людей к «чужому» опыту, к «чужим» нововведениям затрудняло распространение новых изобретений, особенно в мустьерское время, когда, например, сравнительно небольшую территорию юго-западной Франции населяли четыре разных предплемени. С ростом племен, с увеличением населения, их составляющего, это отрицательное действие постепенно уменьшалось. Со временем усиливается обмен идеями и изобретениями между разными племенами, видимо, как следствие уменьшения чувства враждебности и недоверия ко всему чужому.

Оба эти явления — увеличение размеров племен и рост межплеменного обмена опытом — вызваны развитием производительных сил общества, потребностью в более широком обмене опытом, возможностью с развитием производства установления тесных связей и контактов между бóльшим числом людей на бóльших расстояниях.

Г. В. Григорьева

ЛОКАЛЬНЫЕ ВАРИАНТЫ КУЛЬТУРЫ ПОЗДНЕГО ПАЛЕОЛИТА ЮГА СССР

(степная зона)

(тезисы доклада)

1. Степная зона развития позднепалеолитической культуры выделена П. П. Ефименко и П. И. Борисковским как промежуточная между европейской приледниковой и африкано-средиземноморской областями, на основании четырех памятников: Каменных балок I и II, Амвросиевки и Большой Аккаржи. Характерными чертами степной зоны они считают специализацию хозяйства, характер поселений. В меньшей мере учитываются своеобразие кремневого инвентаря и соотношение групп и типов орудий внутри стоянок.

2. Своеобразие кремневого инвентаря позволяет рассматривать эти местонахождения как локальные варианты культуры в пределах южнорусских степей.

3. Большая Аккаржа является наиболее поздним памятником среди этих стоянок. Геологически памятник датируется концом W_3 (В. Ф. Петрунь). Орудия представлены микропластинками с крутой притупливающей ретушью (ширина 0,4—0,6 см), проколками, остриями из микропластинок и отщепов, скребками, резцами (количественно преобладает боковой тип резца). Кремневый инвентарь и условия залегания стоянки позволяют отнести ее к концу позднего палеолита.

Орудия, аналогичные отдельным группам орудий степной зоны, имеются в верхнем слое Молодовы I и в Дикилиташ, в районе Побитых Камней (Болгария). Большая Аккаржа не имеет полных аналогий в какой-либо из известных стоянок, что позволяет рассматривать ее как особый локальный вариант культуры.

4. Амвросиевская стоянка относится ко второй половине позднего палеолита и отличается от Большой Аккаржи бо́льшим разнообразием групп орудий и техникой их оформления. Орудия Амвросиевской стоянки состоят из острий, изготовленных из миниатюрных микропластинок (0,2—0,3 см шириной) с четко выделенным рабочим концом, микропластинок с мелкой притупли-

вающей ретушью по краю и неровным волнистым краем, резцами (количественно преобладает срединный тип), скребками, скребками-резцами, орудиями с выемками и скребками из отщепов. Аналогией остриям Амвросиевской стоянки является одна из серий острий Тельманской стоянки (второй слой). Особенности кремневого инвентаря, различия с окружающими памятниками позволяют рассматривать Амвросиевскую стоянку как особый локальный вариант культуры в пределах южнорусских степей.

5. Каменные балки I и II, близкие между собой, относятся к одному варианту культуры. М. Д. Гвоздовер считает, что нельзя объединять Каменные балки I и II, учитывая типы и технику изготовления орудий, в одну локальную группу с Амвросиевской и Большой Аккаржой, но в то же время «почти все типы орудий стоянок Каменной балки характерны для инвентаря средней и поздней групп кавказских памятников».

6. Стоянки порожистой части Днепра (Осокоровка, Кайстровые балки, Ямбург, Дубовая балка и др.) составляют единый локальный вариант культуры, прослеживающийся в течение позднего палеолита до мезолита. Стоянки порожистой части Днепра испытывают влияние более северных памятников, что сказывается в форме орудий и технике их изготовления.

7. Интересным памятником, имеющим ряд признаков сходства со стоянками степной зоны, считают Журавку. Геологическая характеристика памятника спорна: В. И. Крокос и В. В. Резниченко определили геологический возраст стоянки в течение W_2; В. И. Громов считает ее позднеледниковой, моложе днепровской морены. Кремневый инвентарь местонахождения за три года исследований представлен пластинками с притупливающей ретушью (0,8—1,2 см шириной), остриями в форме перочинного ножа, резцами, среди которых преобладают срединный и на углу пластинки типы, двумя полукруглыми скребками и скребками, изготовленными из сколотых площадок нуклеусов со вторичной подретушовкой края. Стоянку датируют ранним мезолитом, основываясь на микролитоидном облике инвентаря, геологической датировке В. И. Громова, остатках фауны и характере поселения. Мы считаем, что формы и техника изготовления орудий памятника характерны для позднего палеолита.

8. В результате проведенного исследования кремневого инвентаря, изучения характера поселений и остатков фауны на памятниках приходим к выводу, что степная промежуточная зона развития позднепалеолитической культуры как единое целое не существует, она распадается на ряд локальных вариантов, число которых может быть увеличено, если мы обратимся к более западным памятникам. Таким образом, на территории степей юга СССР представлены следующие локальные варианты культуры: аккаржанская, амвросиевская, стоянки порожистой части Днепра.

В. Д. Будько

ВЕРХНИЙ ПАЛЕОЛИТ СЕВЕРО-ЗАПАДА РУССКОЙ РАВНИНЫ

(тезисы доклада)

1. Систематическое изучение палеолита северо-запада Русской равнины было начато в 1924 г. К. М. Поликарповичем. Он вскрыл и частично исследовал Бердыжскую, Юревичскую, Подлужскую, Клеевичскую, Елисеевичскую, Ново-Бобовичскую, Юдиновскую, Куровскую стоянки. В настоящее время исследования указанных памятников проводятся В. Д. Будько.

2. Памятники костенковско-авдеевской культуры. К этой группе следует относить Бердыж (Подлужье I) и Подлужье II, причем последний по облику кремневого инвентаря может быть отнесен к средней поре позднепалеолитической эпохи. С памятниками костенковско-авдеевской культуры его сближают два архаичных наконечника с боковой выемкой костенковского типа, а также техника расщепления кремня. Наиболее выразительным, хотя и своеобразным памятником костенковско-авдеевской культуры является Бердыж. В культурном слое Бердыжа обнаружены остатки двух жилищ полуземляночного типа и трех краевых ям-хранилищ. Точно определенный геологический возраст Бердыжа, где обнаруживаются тесные связи с памятниками типа верхнего слоя стоянки Полякова, позволяет сделать вывод о том, что развитие костенковско-авдеевской культуры падает на промежуток времени от конца ульского (круглицкого, паудорфского) интерстадиала до конца первой половины поморской стадии. Это подтверждается новыми данными по Центральной Европе (Чехословакия, Австрия), где развитие восточнограветтской культуры начинается в интерстадиале W_2/W_3 и заканчивается в конце первой лёссовой фазы W_3.

3. К памятникам елисеевичского типа относятся Елисеевичское поселение и Юревичская стоянка на нижней Припяти. Анализ материалов Елисеевичского поселения позволяет сделать вывод, что скопления черепов мамонта в раскопках 1935—1936 гг., так называемое чурингохранилище в раскопе 1946 г., принятые в свое время за культовые места, являются остатками

небольших, тесно примыкающих друг к другу жилищ. Деталью внутренней планировки сложного жилого комплекса следует считать и так называемый ход, вскрытый в раскопках 1935—1936 гг. Сооружение, изученное в 1963 г., представляет собою остатки небольшого жилища (возможно, краевой спальной ямы) полуземляночного типа, конструктивно входившего, вместе с упомянутыми выше постройками, в единый комплекс позднепалеолитического поселения. Кремневый инвентарь представлен набором боковых резцов, скребками, остриями и пластинками с притупленным ретушью краем, орудиями с чешуйчатой подтеской концов, отбойниками, ретушерами, грубыми топоровидными формами орудий, большим количеством пластинок и острий с пильчатой ретушью по краям. Среди костяных орудий следует отметить орнаментированные бивни-дубинки, землекопалки и лощила из ребер мамонта, составные землекопные орудия, предметы различного домашнего обихода, наконечники копий. К предметам палеолитического искусства относятся пластины из бивней мамонта с очень сложным геометрическим орнаментом, нанесенным в виде своеобразных зон вдоль длинной оси пластины в направлении от одного края к другому, и женская статуэтка. Характерными признаками орнамента являются продолговатые шестиугольники, зигзаги, узоры, напоминающие чешую рыбы. В отдельных случаях пластины напоминают фигуры рыб, вырезанные из бивня. До настоящего времени пластины с орнаментом, близким елисеевичскому, встречены в культурном слое Юревичской стоянки, а также в мадлене Франции. Учитывая абсолютную идентичность кремневого инвентаря стоянок Юревичи и Елисеевичи, их близкий геологический возраст, следует сделать вывод об этнической близости первобытных общин, оставивших эти памятники. По кремневому и костяному инвентарю и геологическим данным стоянки Елисеевичи и Юревичи следует относить к домадленскому времени (время позднего граветта).

4. К памятникам юдиновско-тимоновского типа относятся поселения Юдиново 1, 2, 3, 4, Тимоновка, а также близкий к ним нижний горизонт Боршева II. Вскрытый и исследованный в пункте Юдиново I жилой комплекс представляет собою зимнее жилище, основание которого сложено из крупных костей мамонта и углублено в слой стерильного суглинка на 0,6—0,7 м. Оно имеет размеры 17×10 м, состоит из шести секций, в которых, по-видимому, помещались отдельные семьи. Седьмая секция, расположенная у входа в жилище, занята очагом размером 2×2 м и служила для обогрева. С юго-восточной стороны жилого комплекса расчищены хозяйственные объекты: три очага, расположенные в искусственных углублениях, примыкающие к очагам производственные центры по изготовлению и орнаментации кремневых орудий, костяных наконечников копий, ямы различного хозяйственного назначения. Значительный интерес вызы-

вают остатки примыкающей к одному из очагов постройки, составленной из врытых в землю лопаток, тазовых и других костей мамонта, служившей, очевидно, ветровым заслоном либо навесом над очагом. Для кремневого инвентаря характерны резцы бокового типа, острия типа граветт, скребки на концах укороченных пластин, округлые скребки, сверла, острия различного назначения, крупные рубящие орудия. Костяной инвентарь представлен богатым набором шильев и игл, наконечниками копий, землекопными орудиями из бивней мамонта, рукоятками для кремневых орудий, молоткообразными орудиями из рога северного оленя. Кремневый инвентарь Юдинова I близок к инвентарю Тимоновки и нижнего горизонта Боршева II. Некоторые специфические черты сближают его с кремневыми орудиями Аносовки II. Для Юдинова характерен геометрический орнамент в виде ромбов, в одном случае напоминающий чешую рыбы, в другом — змеи. Встречаются извилистые двойные линии, напоминающие змею в движении. Примечателен орнамент в виде плывущих одна за другой рыб. По орнаментации на кости поселение Юдиново I близко к Тимоновке и нижнему горизонту Боршево II. Анализ добытых за последние годы материалов позволяет датировать Юдиново I концом поздней поры позднепалеолитической эпохи. Памятники типа Юдинова, Тимоновки, Боршева II (нижний слой) относятся к самому концу граветтского времени, как бы замыкая его. Группа так называемых раннемадленских памятников Восточной Европы относится, по нашему мнению, к домадленскому периоду. Памятники этой группы, относящиеся к поздней поре позднепалеолитической эпохи, согласно археологическим и геологическим данным, сопоставляются с развитым и поздним граветтом Центральной Европы (Елисеевичи, Юдиново, Тимоновка, Мезин, Добраничевка, Супонево и др.). Начало мадленского времени совпадает с концом седиментации лёсса и относится к субарктическому периоду. К этому времени относится гренская культура, представленная памятниками на территории Белоруссии и Северной Украины. Развитие ее совпадало с развитием мадлена Франции, гамбургской культуры, культуры Федермессер и аренсбургской, мазовшанским циклом Польши.

И. Г. Шовкопляс

О ЛОКАЛЬНЫХ РАЗЛИЧИЯХ В РАЗВИТИИ КУЛЬТУРЫ ПОЗДНЕГО ПАЛЕОЛИТА

(по материалам Украины и соседних территорий)

(тезисы доклада)

1. На различных этапах позднего палеолита в пределах трех культурных областей, выделенных С. Н. Замятиным, существовали бóльшие или меньшие группы позднепалеолитических памятников, очень близких между собой по многим важным признакам материальной культуры. Благодаря этому удается выделить не только отдельные очень крупные культуры, вроде традиционных ориньяка, солютре и мадлена, но и более дробные их хронологические и территориальные варианты (например, в европейской приледниковой области — перигородиен, граветт, селет, костенковско-авдеевскую и сунгирско-стрелецкую культуры). Памятники одних и тех же культур или их вариантов встречаются на различных территориях, нередко весьма отдаленных. И, наоборот, на одних и тех же территориях встречаются памятники различных культур и их вариантов. Это объясняется переселениями и расселениями отдельных групп людей из одних областей европейской зоны в другие. Имели место также переселения отдельных групп людей из одной зоны в другую, на очень значительные расстояния.

2. В отдельных территориальных областях, например той же европейской зоны, в течение продолжительного времени, иногда даже на протяжении всей позднепалеолитической эпохи, существовали довольно значительные группы стоянок, очень сходных и даже идентичных между собой по характеру многих сторон материальной и духовной культуры и быта их обитателей, имеющих выразительные черты последовательного преемственного развития. В то же время эти стоянки весьма отличны по таким же признакам от одновременных им групп памятников, расположенных в других областях. Подобные группы памятников, несомненно, принадлежали в свое время очень близким группам позднепалеолитического населения. Специфические особенности развития культуры и быта обитателей таких групп

стоянок (характер памятников искусства, устройство жилищ, приемы обработки камня, отдельные виды кремневых и костяных изделий и др.) могут приниматься в качестве этнических (и даже этнографических) признаков, позволяющих рассматривать занятые ими территории как древнейшие этнокультурные области, населенные родственными родовыми группами людей позднепалеолитической эпохи. Несколько таких областей можно выделить в южной части Восточной Европы.

3. Одна из них, представленная весьма значительной группой памятников, занимала бассейн среднего течения Днепра, охватывающий обширную область северной Украины и прилегающих к ней районов Российской Федерации и Белоруссии. К их числу относятся такие стоянки, как Радомышльская, Пушкари I, Бердыжская, Новгород-Северская, Погон, Кирилловская, Мезинская, Чулатовская I, Елисеевичская, Супоневская, Юровичская, Юдиновская, Тимоновская, Гонцовская, Добраничевская, Чулатовская II, Бугорок, Довгиничская, Фастовская и другие. Время их существования охватывает всю позднепалеолитическую эпоху. Все эти стоянки, обнаруживающие четкие признаки последовательного преемственного развития, имеют особенно много сходных черт в материальной культуре — в составе и специфике кремневого и костяного инвентаря, бытовых и культовых предметов, произведений искусства, в характере жилищ, хозяйственных и бытовых комплексов и др. Вместе с тем все они в целом и каждая в отдельности, сохраняя общность закономерного исторического развития населения европейской зоны в позднепалеолитическую эпоху, существенно отличаются от одновременных им стоянок других ее областей, таких, например, как Прикарпатье, Средний Дон, Чехословакия и др. Исключение составляют только отдельные памятники Среднего Дона, такие, как Костенки II и Костенки IX, имеющие, вероятно, общее происхождение со среднеднепровскими и оставленные там, по всей видимости, небольшой группой населения, проникшей в свое время на Дон из Поднепровья.

4. Вторая столь же четко выделяющаяся позднепалеолитическая этнокультурная область занимала обширную территорию северо-восточного Прикарпатья, включающую бассейны среднего течения Днестра и Прута. Она представлена большой группой разновременных стоянок, в том числе многослойных, отчетливо демонстрирующих последовательное преемственное развитие культуры на этой территории в течение всей позднепалеолитической эпохи. К ним относятся, в частности, такие стоянки, как Молодова V, Бабин I, Вороновица I, Китайгород, Городница, Колачковцы, Студеница, Молодова I, Атаки, Соколо, Замостье и многие другие. Памятники этой области, отличаясь от памятников других районов Восточной Европы, имеют много общих черт с одновременными им памятниками Северной Румынии,

Венгрии и Чехословакии. Возможно, северо-восточное Прикарпатье (Среднее Поднестровье и Попрутье), вместе с названными прикарпатскими территориями, составляло одну большую Карпатскую этнокультурную позднепалеолитическую область.

5. Менее определенно из-за слабой изученности памятников выделяются другие этнокультурные области юга Восточной Европы. Одну из них, незначительную по занимаемой территории и продолжительности существования, видимо, представляет пока еще довольно немногочисленная, но очень специфическая группа памятников юго-западной Волыни. Это — стоянки типа Липа в районе городов Дубно и Кремница, имеющие ряд специфических кремневых инструментов (высокие скребки, нуклеовидные орудия и др.), отличающих их от позднепалеолитических памятников других территорий. Обособленная группа специфических памятников занимает и степные районы Северного Причерноморья. Это — Амвросиевка в Приазовье, Большая Аккаржа близ Одессы, видимо, стоянки днепровского Надпорожья и другие, одновременно обнаруживающие некоторое сходство с памятниками европейской и средиземноморской зон. Возможно, как полагают некоторые исследователи, они свидетельствуют о существовании на этой территории своеобразной промежуточной области развития позднепалеолитической культуры.

О. Н. Бадер

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ НА СТОЯНКЕ СУНГИРЬ

(тезисы доклада)

1. Позднепалеолитическая стоянка Сунгирь расположена на высоком левом берегу р. Клязьмы между Владимиром и с. Боголюбовым, залегает в покровных надморенных суглинках, на склоне ко второй надпойменной террасе, во второй сверху погребенной почве, нарушенной криотурбациями (солифлюкция, ледяные клинья) и геологически датируется различными авторами: микулинским межледниковьем (Л. Д. Шорыгина), концом микулинского времени (В. И. Громов), главной фазой калининского оледенения или концом последующего верхневолжского потепления (А. И. Москвитин), началом осташковского оледенения (С. М. Цейтлин и И. К. Иванова), т. е. временем от RW до W_3 включительно.

2. Археологически стоянка Сунгирь имеет ближайшие аналоги в древнейших позднепалеолитических стоянках типа пятого слоя Костенок I на Дону, принадлежит вместе с ними к одной и той же костенковско-сунгирьской культуре и, следовательно, относится к первой половине позднего палеолита на Русской равнине.

3. Обнаруженное в 1964 г. погребение лежало в довольно тесной могильной яме, прорезавшей нижние 10—15 см почвенного и культурного слоя и подстилающий его желтый суглинок на глубину 50 см. Таким образом общая глубина могилы определяется в 60—65 см.

4. После того, как была вырыта могила, ритуал погребения осуществлялся в следующей последовательности: 1) дно могилы было посыпано углем из очагов (в небольшом количестве); 2) дно было густо посыпано порошком красной охры; 3) в могилу был положен труп мужчины в возрасте около 60 лет, в вытянутом на спине положении, головой на северо-восток, с кистями рук на лобке, в богато расшитой бусами одежде, с костяными браслетами на руках, сверленой каменной подвеской на груди, кремневым ножом между голенями и скребком под тазом; 4) следующая тонкая подсыпка охры отделяет скелет и

основную массу бус нательной одежды от верхней группы бус, относящейся, вероятно, к одежде, накинутой сверху на уже лежавший в могиле труп; 5) погребение еще раз было густо посыпано охрой; 6) могила была засыпана землей, содержавшей еще две прослойки чистой охры; 7) сверху поверхность могилы была посыпана густым слоем охры, по мере оседания грунта в могиле принявшим вогнутую форму; 8) на погребение был положен довольно крупный камень и череп женщины, пролежавший на поверхности, судя по степени сохранности и потере нижней челюсти и зубов, долгое время.

5. Палеолитический возраст погребения подтверждается несомненной связью его с культурным слоем стоянки, тем что найденные в нем вещи (исключая пластинчатые браслеты из бивня мамонта) принадлежат к культурному комплексу стоянки и тем фактом, что оно оказалось разрезанным пополам глубоким ледяным клином.

6. По ритуалу погребение на Сунгире не отличается ничем от уже известных позднепалеолитических погребений Европы, но выделяется среди них исключительным богатством инвентаря, значительно превосходя в этом отношении погребения у Ментоны.

7. Расположение 3500 костяных бусин, покрывавших весь скелет и, несомненно, нашитых в свое время на одежду, позволяет реконструировать последнюю в виде меховой (?) рубашки, надевавшейся через голову, и таких же штанов, сшитых с обувью. Одежда сунгирца близка одежде народов Севера и должна быть положена в основу истории арктического костюма.

8. Технологическое изучение бус, сделанных из бивня мамонта, привело С. А. Семенова к выводу, что их сверление производилось с помощью простого сверла, вращавшегося между ладонями, и что изготовление одной бусины в целом (включая заготовку) могло отнимать 30—60 минут. Беря среднюю из этих цифр — 45 минут и помножив их на 3500, убеждаемся в том, что погребенный носил на себе очень большую ценность, выраженную, прежде всего, в затрате человеческого труда. Одежду следует считать ритуальной. Следы потертости на бусах свидетельствуют о том, что их носили много лет и, следовательно, неоднократно перешивали со старого на новый костюм.

9. В антропологическом отношении сунгирьский человек, по заключению Г. Ф. Дебеца, является представителем кроманьонского типа в широком смысле этого термина. Его индивидуальными особенностями являются необычайно широкие плечи и относительно длинные голени.

Э. А. Абрамова

ЛОКАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ КУЛЬТУР СИБИРИ

Сибирский палеолит обладает настолько своеобразными характерными чертами, что рассматривается обычно как нечто единое. Отмечая это своеобразие, С. Н. Замятин писал, что в эпоху позднего палеолита различия в культуре африкано-средиземноморской и европейской приледниковой областей между собою значительно менее резки, чем отличия каждой из них, взятой в отдельности, от культуры сибирской области. Основу своеобразия исследователи, опираясь главным образом на материалы первых исследованных в Сибири поселений Афонтовой Горы, видят в сочетании в одних и тех же памятниках крупных орудий архаического мустьерского облика с мелкими формами орудий, характерными для позднего палеолита, а также разнообразными костяными орудиями.

Это положение, как показывают исследования последних лет, верно только в самых общих чертах и далеко не для всех палеолитических поселений Сибири. Назрела необходимость не только установления локальных различий отдельных районов, но и хронологической последовательности внутри каждого района. Остановимся в первую очередь на характеристике локальных особенностей енисейского палеолита и сравним его с прибайкальским (бассейн р. Ангары) и забайкальским палеолитом.

Палеолитические памятники Енисея получили широкую известность благодаря многолетним и плодотворным исследованиям И. Т. Савенкова, Н. К. Ауэрбаха, Г. П. Сосновского, В. И. Громова и др. Наряду с поселениями Афонтовой Горы в районе Красноярска, характерные черты инвентаря которых стали нарицательными при характеристике сибирского палеолита вообще, все большее значение приобретают памятники в окрестностях дер. Кокорево в 230 км выше Красноярска.

В 1925 г. Г. П. Сосновский открыл здесь четыре палеолитических поселения и в 1925 и 1928 гг. произвел на них разведочные раскопки. С 1961 г. эти поселения стали объектом более широких и планомерных работ Красноярской археологической экспедиции.

Наиболее полно изучено в настоящее время поселение Кокорево I (Забочка), вскрытое за пять лет раскопок на площади 720 кв. м. По мнению Э. И. Равского и С. М. Цейтлина, занимавшихся геологическим изучением этого района, культурные горизонты Кокорева I располагаются в пойменной фации аллювия II надпойменной террасы и перекрыты аллювиально-делювиальными отложениями и лёссовидными покровными образованиями.

Здесь отмечено наличие шести культурных горизонтов, причем первый, пятый и шестой представлены очень слабо, в виде отдельных групп находок — разбитых костей животных и каменных отщепов, а второй, третий и четвертый горизонты свидетельствуют о довольно длительном обитании. Остатки фауны и инвентарь не различаются по горизонтам, видимо, все они незначительно отстоят друг от друга по времени и являются сезонными стоянками одной общины.

Фаунистический комплекс типичен для позднего палеолита Енисея. Преобладают северный олень и заяц-беляк, остатков которого особенно много в третьем горизонте, встречаются лошадь, зубр, благородный олень, архар, мелкий волк или собака, песец, в малом количестве птицы и грызуны. Костей мамонта нет.

Три основных горизонта насыщены культурными остатками, но следы жилища обнаружены только во втором горизонте. Жилище овальных очертаний, размером 3×6 м. Внутри находится очаг, сложенный из поставленных на ребро плиток песчаника. Такие очаги встречены во всех основных горизонтах и могут считаться характерным элементом кокоревской культуры.

Каменный и костяной инвентарь имеют весьма развитый облик и представляют единый комплекс. Нуклеусы главным образом крупные призматические, часто двуплощадочные, изготовленные из массивных галек, со следами околов пластинчатых отщепов. Наряду с ними имеются типичные для каменного века Сибири клиновидные нуклеусы (нуклеусы-скребки). Большинство орудий изготовлено из крупных пластин. Прежде всего, это совершенной формы остроконечники — впервые в палеолите Енисея хорошо представленная серия. Они обработаны тщательной ретушью и иногда имеют подтеску на плоскости откола для уплощения ударного бугорка. Из пластин изготовлены резцы срединные и боковые, также новый элемент для палеолита Енисея. В единственном экземпляре встречена тщательно обработанная пластина с подтеской обоих концов. Наряду с пластинчатыми орудиями многочисленны скребла, часто из массивных отщепов, всегда односторонней обработки, но изредка один узкий конец бывает подправлен и с противоположной стороны. Скребки изготовлены или из крупных, довольно массивных пластинок с овальным рабочим краем, иногда высокой формы, или из округлых отщепов. В одном экземпляре представлено двойное орудие — скребок-проколка, изготовленное из пластинки. Другие проколки из-

готовлены из отщепов и имеют тонкое вытянутое жальце. Разнообразную серию составляют долотовидные орудия из отщепов средних размеров. Отметим и небольшой топорик с двусторонней обработкой продольных сторон и расширенного лезвия.

В этом инвентаре нет ни следов архаизма (техника расщепления камня отнюдь не мустьерская), ни следов микроорудий. Единственные орудия, которые можно отнести к последним,— микропластинки правильной огранки, соответствующие клиновидным нуклеусам. Они использовались как вкладыши без дополнительной обработки, о чем свидетельствует обломка рогового наконечника копья с пазом, в котором сохранились на месте тончайшие микропластинки без ретуши.

Из костяных и роговых орудий привлекают внимание крупные мотыги и орудия типа «жезла начальника», для изготовления которых использовались стволы рога северного оленя. Любопытны наконечники копий или дротиков уплощенно овальных в сечении, имеющих заостренный конец и глубокий паз на одном из продольных краев для закрепления в нем кремневых вкладышей. Есть крупные широкие роговые орудия типа кинжалов, плосковыпуклые или вогнуто-выпуклые в сечении с глубоким и ровным пазом вдоль одного края. Найдены лощилообразные орудия, орудия непонятного назначения с концом треугольной формы, шилья, иглы, украшения в виде подвесок из зубов животных с просверлинами и бусы из кости и камня.

В целом инвентарь поселения Кокорево I настолько своеобразен, что кажется вполне возможным отнести его к особой культуре енисейского палеолита, называемой кокоревской. Для поселения Кокорево I в разных лабораториях получены радиоуглеродным методом по древесному углю две абсолютные даты: 12940± ±270 (РУЛ, ЛЕ-540) и 13300±50 (ГИН-91), что совпадает с геологической датировкой — вторая половина сартанского оледенения.

По мнению Э. И. Равского и С. М. Цейтлина, вторая стоянка этого района Кокорево II геологически одновременна Кокореву I. Это казалось бы, подтверждается и абсолютной датой, полученной для Кокорева II: 13330±100 (ГИН-90). Однако по инвентарю эти стоянки отличаются. Во время работ палеолитического отряда Кокорево II было вскрыто на площади 66 кв. м. Поселение находится в глубине долины на берегу пересыхающего летом ручья и имеет один культурный слой, толщиной в среднем 60 см, залегающий на глубине 5,40 м от поверхности, непосредственно под мощным слоем погребенной почвы. Условия залегания культурного слоя отличаются от условий залегания Кокорева I и свидетельствуют, как утверждал В. И. Громов, о значительно большей древности первого поселения.

Фауна поселения Кокорево II сходна с фауной поселений Афонтовой Горы и отличается от фауны других поселений коко-

ревской группы. Здесь представлен мамонт, много костей северного оленя и лошади, встречаются кости белой куропатки, зайца, зубра, аргали, волка, в небольших количествах благородного оленя, кулана и сайги, пещерного льва и медведя. Есть кости рыб.

В каменном инвентаре сочетаются крупные и мелкие формы, но архаических форм здесь нет. В отличие от Кокорева I почти нет крупных галечных нуклеусов и соответствующих им пластин и пластинчатых отщепов. Нуклеусы — мелкие, изготовленные преимущественно из кремневых желваков, отчетливо делятся на две группы: нуклеусы довольно бесформенных очертаний и нуклеусы со следами сколов правильных микропластинок (среди них имеются единичные нуклеусы-скребки). Им соответствуют небольшие правильных форм микропластинки. Единичные экземпляры микропластинок имеют ретушь по одному краю.

Наиболее многочисленную группу орудий составляют отщепы с ретушью. Они могли употребляться в качестве скребел, скребков, ножей. Большую группу составляют скребла из сравнительно крупных отщепов преимущественно овальной формы, изредка обработанные с двух сторон; одна сторона выпуклая, а вторая уплощена многочисленными сколами. Много скребков из отщепов, в том числе и миниатюрных. Не мало и долотовидных орудий из отщепов преимущественно небольших размеров с одним, слегка вогнутым рабочим краем. По сравнению с этими устойчивыми сериями орудий проколок очень немного. Они изготовлены из отщепов с маленькими симметрично расположенными жальцами. Резцов на стоянке нет. Остроконечники и острия единичны и маловыразительны.

Большой интерес представляют костяные орудия, ранее здесь неизвестные. Много наконечников копий и дротиков округлоовальных в сечении как с пазами, так и гладких. Один из наконечников достигает 35 см длины. Пазы прорезаны менее тщательно, чем на наконечниках Кокорева I, часто не на всю длину. Имеются наконечники и с двумя пазами по обоим продольным краям. Представлены лощилоподобные изделия, шилья, иглы, украшения. Из них любопытны два обломка налобных обручей или браслетов в виде тонких заполированных костяных пластинок с отверстием на конце, аналогичных изделиям из Мальты, и восемь бусинок-пронизок из трубчатых костей зайца, разделенных нарезками на две-три части. Такие пронизки известны из Афонтовой Горы II.

Как видно, инвентарь поселений Кокорева I и II, несмотря на кажущееся сходство, обладает и существенными различиями. Здесь возможны два предположения: если опираться на заключения Э. И. Равского и С. М. Цейтлина и абсолютные даты и считать эти поселения практически одновременными, следует признать сосуществование двух различных культурных традиций

в непосредственной близости друг от друга. Однако различие в фаунистических комплексах того и другого поселения опровергает эту точку зрения: в фауне Кокорева II хорошо представлен мамонт, в фауне Кокорева I его нет. Этот факт нельзя объяснить различным бытовым укладом. Отсутствие костей сайги и кулана в Кокореве I также не случайно. Второе предположение — о разновременности стоянок требует дальнейших геологических исследований и повторных анализов для уточнения абсолютных дат. О разновременности говорит, с одной стороны, более развитой облик инвентаря Кокорева I, более близкий к последующим эпохам (топорик отчетливо выраженной формы, вкладышевая техника с использованием необработанных пластинок), а с другой стороны, сходство Кокорева II с Афонтовой Горой II и III как по форме костяных орудий, так и по изделиям из камня.

Богатая коллекция из Афонтовой Горы II характеризуется скреблами различных типов и скребками преимущественно из отщепов. Встречаются проколки, провертки, долотовидные орудия, галечные рубящие орудия, пластинки с ретушью (среди них много пластинок с правильной огранкой). Остроконечники и резцы единичны и маловыразительны. Среди нуклеусов наряду с галечными представлены и клиновидные, многочисленны орудия из кости и рога: наконечники копий и дротиков, шилья, иглы, просверленные рога северного оленя. Представлены и украшения: бусинки и подвески из камня, кости, зубов животных.

Учитывая геологическую датировку этого памятника началом сартанского оледенения и абсолютную дату 19800±300 (ГИН-127), следует отнести его к самым древним на Енисее.

При сравнении инвентаря Афонтовой Горы II с инвентарем Кокорева II и I видно почти полное тождество первых двух памятников и их отличие от последнего. Пока на Енисее известен только один памятник, аналогичный Кокореву I по наличию очагов, сложенных из каменных плиток, и по инвентарю — это Кокорево IV, раскоп 4 (раскопки С. А. Астахова, 1963 г.). Тем более интересно полное несовпадение дат. Образец угля из этой стоянки, исследованный радиоуглеродным методом, дал результат (ЛЕ-540) 15460±320. Таким образом, если считать, что существовали две культурные традиции, то каждая из них была очень продолжительной, и кажется более правильным говорить о различных хронологических ступенях.

Третья из стоянок Кокоревской группы Кокорево III (Каменный Лог) относится к самой поздней ступени енисейского палеолита. Она вскрыта на площади 75 кв. м и имеет один культурный слой толщиной 15—20 см, связанный с отложениями конуса выноса и делювиального шлейфа, перекрывающими аллювиальные отложения II надпойменной террасы Енисея. Над культурным горизонтом видны два прослоя малиновой щебенки и гравия, совершенно аналогичные соответствующим отложениям

верхней части разреза Кокорева I. В культурном слое — тонкой углистой прослойке в буроватой рыхлой супеси, а также выше и ниже ее, располагались плитки песчаника, сползшие со склона, а между ними в большом количестве залегал расщепленный кремень и обломки костей животных. Фауна та же, что и в Кокореве I, но с преобладанием зайца-беляка.

Для каменного инвентаря этого поселения характерны миниатюрные клиновидные и других форм микронуклеусы, служившие для получения узких микропластинок, часто очень сработанные. Среди них особо нужно отметить нуклеусы по типу близкие к гобийским.

Орудия довольно многочисленны, но очень бедны типами. Много скребел и скребловидных орудий, часто довольно атипичных. Скребла преимущественно небольших размеров и нередко приближаются к крупным скребкам с поперечным рабочим краем. Рабочий край орудий выпуклый, иногда прямой, реже два рабочих края сходятся под углом. Большую группу составляют скребки, обычно изготовленные из отщепов бесформенных очертаний. Рабочий край скребков овальный, хорошо выраженный. Встречаются и миниатюрные скребки. Среди долотовидных орудий, изготовленных из некрупных отщепов, интересны два с глубоко вогнутым дугообразным лезвием. Многочисленную группу составляют отщепы и пластинчатые отщепы с ретушью. Единичны проколки из небольших отщепов.

Геологический возраст поселения — самый конец сартанского оледенения, согласуется с археологическим материалом. Как условия залегания, так и облик инвентаря свидетельствуют о более позднем возрасте Кокорева III по сравнению с Кокоревым I и II. В то же время инвентарь Кокорева III представляется уходящим своими корнями в культуру Кокорева II, о чем говорит не только набор орудий, но и их типы.

В общих чертах пути развития енисейского палеолита Г. П. Сосновским были намечены правильно. Те дополнения и уточнения, которые могут внести новые материалы, сводятся к следующему: наиболее ранний этап на Енисее — афонтовская культура, куда могут быть включены нижний горизонт Афонтовой Горы II, Афонтова Гора III, Кокорево II и, по-видимому, Таштык II. Следующий этап — кокоревская культура по эталонному памятнику Кокорево I. Имея те же генетические корни, она развивается обособленно от первой ветви и находит свое продолжение в таких памятниках, как Бирюса (палеолитический и мезолитический слои). Афонтовская же культура в конце палеолита представлена таким памятником, как Кокорево III.

Локальные особенности ангарского палеолита на ранней ступени особенно четко проявляются в материалах поселений Мальта и Буреть. На поселении Мальта, вскрытом на площади свыше 600 кв. м, сохранились остатки многочисленных жилищ. Фауна

представлена костями мамонта, шерстистого носорога, северного оленя, песца, реже лошади, быка, пещерного льва, волка и др. Основой для каменных орудий служила преимущественно пластинка средних размеров призматической формы. Часто очертания таких пластинок неправильные и грани неровные. Резцы изготовлялись из таких же пластинок с одним или двумя резцовыми сколами на конце. Многочисленны острия, проколки, резчики с прямым или асимметрично расположенным жальцем. Нуклеусы из небольших желваков кремня часто сработаны до предела и сохраняют следы сколов коротких и широких пластинок. Клиновидных нуклеусов и соответствующих им микропластинок правильной огранки нет, как нет и крупных скребел с овальным рабочим краем, столь характерных для более позднего времени. М. М. Герасимов отмечает наличие грубых скребловидных орудий и крупных ударных орудий из галек. Долотовидные орудия единичны, много скребков высокой формы. Вкладышевая техника неизвестна. Набор костяных орудий, украшений, произведений искусства, включающих широко известные фигурки женщин и птиц, уникален.

Полностью аналогична Мальте стоянка Буреть, расположенная от нее по прямой линии в 30 км, на другом берегу Ангары.

Своеобразная мальтинская культура отличается от других палеолитических культур Сибири. Но она не прошла бесследно — отдельные ее элементы можно встретить и на других памятниках. В частности, определенное сходство заметно с материалами недавно открытой Ачинской стоянки на Чулыме (полное отсутствие клиновидных нуклеусов, основа для орудий — ножевидная пластинка неправильных очертаний, обработанная ретушью по краям и на конце, отдельные формы орудий).

Материалы значительно более позднего поселения Красный Яр позволили утверждать его генетическое сходство с Мальтой. Это кратковременное поселение без следов углубленных в землю жилищ существовало в иной по сравнению с Мальтой географической среде, при полном отсутствии в фауне толстокожих.

В кремневом инвентаре Красного Яра обнаруживается сходство с мальтинским. Основой для орудий и в Красном Яру служила тонкая кремневая пластинка, часто неправильных очертаний, обработанная ретушью по краям, но типы орудий менее разнообразны. Концевые скребки имеют сходные формы, хотя в Красном Яру отсутствуют мелкие округлые скребочки и скребки высокой формы с овальным рабочим краем, напоминающие ориньякские, представленные в Мальте.

В Красном Яру характерно полное отсутствие следов первичного производства: нет желваков, заготовок, редки краевые отщепы. По-видимому, вся первичная обработка камня производилась на стороне, а на поселение приносились уже подготовлен-

ные заготовки. Этим объясняется наличие большого количества клиновидных нуклеусов и почти полное отсутствие нуклеусов других форм. Среди соответствующих им микропластинок имеются микропластинки с ретушью. Из орудий многочисленны долотовидные с подтеской прямого или вогнутого рабочего края с двух сторон. Встречаются проколки, орудия с резцовыми сколами, отщепы с ретушью, небольшие кремневые и кварцитовые скребла и ножи. Галечные рубящие орудия единичны и невыразительны. Таким образом, в инвентаре Красного Яра нет сочетания крупных и мелких форм — это единый своеобразный комплекс.

Материалы поселения Красный Яр можно сравнить с такими енисейскими памятниками как Таштык II. Наиболее характерный элемент орудий Красного Яра — piéces esquillées, представлен и в Таштыке II, где имеются также и мелкие проколки, из миниатюрных ножевидных пластинок, и тонкие костяные иглы с ушками. Основная форма нуклеусов Красного Яра — клиновидные, представлена и на енисейских стоянках, родственных Таштыку II. И тут и там встречаются в небольшом количестве скребла из отщепов.

Следующий этап развития ангарского палеолита представлен стоянкой Федяево, раскопанной С. Н. Астаховым. Малочисленность инвентаря затрудняет определение возраста стоянки, хотя С. Н. Астахов отмечает, что по «...геологическим условиям стоянка Федяево близка к небольшому комплексу верхнего слоя Мальты, но вероятно немного древнее его».

Инвентарь Федяева обнаруживает много общего с инвентарем Красного Яра, но имеет более поздний облик. Из енисейских стоянок Федяеву наиболее близко Кокорево III. Сходны и нуклеусы, и бедные типами орудия. В Федяеве, помимо клиновидных нуклеусов небольших размеров (от 1,5 до 2,8 см высотой), найдены лишь скребла и долотовидной формы орудия небольших размеров.

Слабо освещенная в литературе культура конца позднего палеолита Приангарья, включающая такие памятники как Бадай, Черемушник, верхний горизонт Мальты, обладает рядом признаков, отличающих ее от предшествующей ступени и от более поздней — Верхоленской Горы. В исследованных Л. М. Тарасовым палеолитических местонахождениях южнее с. Бадай обнаружено много отбросов производства: отщепы, осколки, нуклеусы грубых очертаний. Имеются нуклеусы призматические, карандашевидные и клиновидные. Из орудий можно отметить скребла и ножи с односторонней и двусторонней обработкой, скребки из отщепов, крупные скребловидные и рубящие орудия. Отщепов с ретушью больше, чем пластин.

Иной облик имеет культура Верхоленской Горы, существовавшая по утверждению Г. И. Медведева, в условиях голоцена и

непосредственно предшествовавшая эпохе неолита. Этот вывод основывается на данных геологии и фауны, которая включает лося, благородного оленя, северного оленя, косулю и волка. Техника обработки камня на Верхоленской Горе напоминает технику обработки Кокорева I, причем наблюдается и прямое совпадение некоторых форм орудий, заготовкой для которых являлась крупная пластина, снятая с призматического нуклеуса (в Верхоленской Горе и сам нуклеус, и снятая с него пластина более выработанной, правильной формы, более близкой к неолитической). Основное отличие материалов этих поселений в том, что на Верхоленской Горе найдены двустороннеобработанные лавролистные наконечники и гарпуны, не известные в палеолите Енисея. В этом сказываются, несомненно, локальные особенности развития ангарского палеолита, на поздней ступени близко связанного с палеолитом Забайкалья.

Палеолитические памятники Забайкалья А. П. Окладников подразделяет на пять хронологических стадий. К самой ранней относятся нижние слои поселения Санный Мыс на р. Уде с остатками носорога и мамонта. Здесь нет крупных скребел, но имеются микропластинки, которые скалывались с нуклеусов призматических или подобных форм. Это позволяет А. П. Окладникову связывать нижние слои Санного Мыса по времени с Мальтой и Буретью. Ко второй стадии относятся находки в пункте 3 Усть-Кяхты в виде больших скребел, аналогии которым Л. П. Окладников находит в нижнем слое Афонтовой Горы II. К третьей стадии относится средний слой Санного Мыса с остатками лошади и каменными орудиями типично сибирских форм (полулунные и овальные скребла). Четвертая стадия представлена поселением Ошурково. Фауна (заяц, лошадь, северный олень, благородный олень, лось, кабан) свидетельствует о сокращении открытых пространств и распространении лесов в низовьях Селенги по сравнению с предшествующей эпохой. Каменный инвентарь включает орудия, характерные для сибирского палеолита, особенно галечные скребла, изготовленные из расколотых поперек галек. Здесь появляются вкладышевые орудия развитого типа и гарпун, аналогичный верхоленским. В очажных скоплениях много костей рыб. Самый верхний культурный горизонт Ошуркова может быть отнесен к пятой стадии. Он лежит прямо под дерновым слоем, и скорее всего датируется мезолитическим или ранненеолитическим временем.

Имея много общего с енисейским палеолитом, забайкальский палеолит обладает специфическими особенностями.

К сожалению, об инвентаре такого опорного памятника забайкальского палеолита, как Ошурково, известно слишком мало, чтобы сопоставлять его с памятниками других территорий. Уже отмечались определенные соответствия Ошуркова и Верхоленской Горы. На Енисее Кокорево I кажется особенно близким

Ошуркову как по технике обработки камня, так и по типам нуклеусов и орудий.

Возможно, и забайкальский палеолит в своем хронологическом развитии не представляет единого целого, а имеет различные культурные традиции. Насколько известно, наиболее характерные для забайкальского палеолита листовидные двусторонне обработанные наконечники копий отсутствуют в Ошуркове. Возможно они характерны именно для юга Забайкалья (долина р. Савы, Ботойская Яма, Харанхой, Няньги), а на севере, в низовьях р. Селенги их нет.

В настоящее время выделить другие локальные варианты в палеолите Сибири не представляется возможным. На Лене А. П. Окладников открыл около 30 пунктов палеолитических находок. На одной из самых ранних стоянок — Частинской, среди каменных орудий особо выделяются скребловидные инструменты, изготовленные из довольно тонких и плоских кусков кварцитовых галек, что дает А. П. Окладникову основание сопоставлять Частинскую стоянку с Мальтой и Буретью. В то же время в инвентаре Частинской стоянки обнаруживаются черты, связывающие ее с более молодой группой палеолитических поселений Сибири. В более поздних палеолитических стоянках Лены присутствуют такие характерные элементы, как нуклеусы-скребки и полулунные скребла, но в то же время материала недостаточно для выделения локальных особенностей. Открытия последних лет: С. А. Федосеевой и Ю. А. Мочанова в Якутии, Н. Н. Дикова на Камчатке, А. П. Окладникова и Э. В. Шавкунова на Дальнем Востоке помогут расширить представления о путях развития и расселения палеолитических племен Сибири.

С. Н. Астахов

О ПУТЯХ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ЗАСЕЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕКОМ ДОЛИНЫ ЕНИСЕЯ

В настоящее время проблема первоначального заселения Сибири далека от окончательного решения. Наиболее приемлемой нам кажется гипотеза о слиянии в Сибири двух палеолитических культур: галечной, с изготовлением орудий на отщепах, и среднеазиатской, с пластинчатой техникой, мелкими формами инвентаря и нуклевидными орудиями. Область их смешения охватывала, вероятно, большой район, включающий Енисей на востоке и Алтай на западе. Примером далекого проникновения среднеазиатской культуры является Ачинская стоянка.

Енисейский палеолит представляет собой единую культуру, несколько обособленную и своеобразную уже на самых ранних этапах. Можно предполагать, что она появилась на Енисее, имея в основе сложившееся устойчивое ядро, определившее направление ее развития. Позднее она, несомненно, испытывала влияние соседних культур.

Чтобы правильно реконструировать пути передвижений и расселения первобытных коллективов, необходимо учитывать рельеф, особенности рек, климата, растительности и животного мира. Здесь рассматривается область, начинающаяся на севере с Красноярской лесостепи, на востоке — ограниченная отрогами Восточного Саяна, на юге — хребтами Западного Саяна и на западе — Кузнецким Алатау. Современный климат района резко континентальный. Климатические условия и рельеф способствовали развитию степной растительности с островами леса по долинам рек и оврагам. На равнинах Среднего Енисея паслись стада травоядных животных — северных оленей, мамонтов, бизонов, лошадей, куланов.

Теоретически существуют три направления возможного проникновения человека в эту область — юг, восток и запад. Сейчас наиболее древними памятниками Сибири считаются Филимошки в Приамурье и Улалинка на Алтае. Находки у Филимошек представлены грубо обработанными гальками, либо только с одной боковой выемкой, образованной чаще всего одним ударом, либо галькой с двумя выемками, создающими своеобразный носик, и наконец, галечными нуклеусами, с которых без всякой под-

готовки площадки скалывались отщепы и осколки. В Улалинке, расположенной на западе Сибири, представлены грубые крупные выпуклые скребла, сделанные из галек желтого кварцита. Лезвие скребел получено оббивкой, а не ретушью, причем край орудия — очень крутой, ступенчатый, над лезвием часто нависает карниз, получившийся из-за заломов коротких сколов. По предварительным данным, материал встречен над толщей перемытых моренных галечников, которые относятся к краснодубровской свите, т. е. к максимальному оледенению. Древность материала подчеркивается тем, что выше слоев, где он обнаружен, на самом верху террасы, залегает слой суглинка с изделиями позднепалеолитического облика.

Известны случаи существования подобных культур в непосредственной близости с более развитыми, поэтому не следует придавать слишком большое значение архаичному облику орудий из Улалинки и тем более считать их наиболее древними орудиями вообще.

Количество предметов не позволяет сделать широких обобщений, но раннее появление человека на Амуре и Алтае заставляет предполагать в позднем палеолите этих областей своеобразную и самобытную основу, существование которой может объяснить особенности палеолита Сибири.

Судьбы носителей этой примитивнейшей культуры на территории Сибири неизвестны, ибо следующая хронологическая ступень представлена стоянкой Усть-Канская на Алтае, не связанной генетически с Улалинкой: по фауне стоянка датируется теплой фазой, предшествующей последнему оледенению Алтая,— верхним плейстоценом.

К основному, довольно выдержанному, мустьерскому комплексу стоянки примешаны некоторые формы (скребло, проколка, несколько пластинок, может быть лавролистный наконечник, резак, несколько напоминающий ножи костенковского типа, и др.,— всего около полутора десятков предметов) позднего палеолита. Обработка коллекции по методу Ф. Борда дала следующий результат.

IL — 31,1 IF large — 40,5

IIam — 14,6 IF striskt — 32,2

Из 19 нуклеусов девять леваллуазских, два диска, шесть многоплощадочных и два атипичных.

Типологическая классификация по методу Ф. Борда отражена в следующих индексах.

IL_{ty} — 54,7 IC — 7,8

IR — 21,7 IA^{u}, IB, IA^{t} — 0,

I—54,7; II—23,5 ;III—8,7; IV—7,8.

Была сделана попытка выделить некоторые специфические орудия (семь скребловидных орудий, два высоких округлых скребка, три скребла поперечных выпуклых, одно из них с острием на узком краю, примыкающем к лезвию). Эта группа составила 10,4%, т. е. после леваллуазской и мустьерской стоит на третьем месте.

Если вычислить основные (essentiels) индексы, то получим IR — 47, IC — 16,3; I — 1,8, II — 50, III — 18,5, IV — 16,6, группа специфических орудий — 22.

Здесь уже явно, что специфические орудия занимают важное место в комплексе и стоят вслед за мустьерской типологической группой. Таким образом, Усть-Канская пещера относится к леваллуа-мустьерским памятникам. Уточнить ее возраст не представляется возможным, хотя нам кажется допустимым отнести комплекс к позднему мустье. Среди скребел имеется несколько близких по облику к позднепалеолитическим, например со стоянки Сростки на Алтае. С другой стороны, леваллуазская техника столь совершенна, что преодолевает грубые, вязкие и трудно расщепляемые породы, в основном сланцы и порфириты. Такая техника вряд ли могла развиться на местном сырье.

Следующий этап палеолита в Сибири представлен уже позднепалеолитическими памятниками. Они расположены группами, относясь к крупным географическим районам. Таковы стоянки на Дальнем Востоке, в Забайкалье, на Лене, на Ангаре, на Алтае и Енисее.

В последние годы интенсивно изучалась геология и стратиграфия четвертичных отложений Красноярской и Кокоревской групп стоянок. Радиоуглеродным методом было получено несколько абсолютных дат. В результате стало очевидным, что все позднепалеолитические памятники Енисея укладываются в рамки последнего, сартанского оледенения (W_3), в пределах 10—20 тысяч лет назад.

Памятники разделены на несколько ступеней, представленных в таблице 1.

Из наиболее ранних памятников археологически хорошо изучены Афонтова Гора II, слой C_3 (нижний) и Афонтова Гора III. К этому же времени, по мнению З. А. Абрамовой, относится и стоянка Кокорево II, близкая к Афонтовой Горе II по костяным орудиям и фауне. В Афонтовой Горе II (слой C_3) и III (пункт 3, нижний слой) основным сырьем служили гальки разных пород из отложений Енисея. Орудия изготавливались из отщепов, сколов с галек, расколотых и целых галек при малом использовании пластин как заготовок. С другой стороны, в афонтовских стоянках широко применялись вкладышевые орудия. В качестве вкладышей использовались микропластинки без притупляющей ретуши. Разнообразие приемов расщепления хорошо прослеживается при изучении нуклеусов. Одну группу их составляют

Таблица 1

Абсолютные даты	Сибирь	Европа, Америка	Красноярская группа	Кокоревская группа
10 тыс. лет тому назад	голоцен	голоцен	Ладейки	
			Бирюса С	
			Гремячий	
	позднесартанское время		Афонтова Гора IV	Кокорево III
			Кача I	
11 тыс. лет тому назад			Афонтова Гора II, слой B_1—B_2	Кокорево IV, раскоп 3, верхний слой
11 450±250 (Т-297)	кокоревский интерстадиал	Аллерод	Дружиниха	
		Ту-крик	Переселенческий пункт	
			Афонтова Гора I и III, сборы Севенкова	
12 940±270 (ЛЕ-526)			Афонтова Гора III, пункт 1, 2	Кокорево I
				Таштык
			Афонтова Гора II, слой C_1, C_2, C_0	Кокорево IV, раскоп 1—3, нижний слой
14 320±330 (М-469)	раннесартанское время			Кокорево IV, раскоп 4, нижний слой
15 460±2320 (ЛЕ-540)			Афонтова Гора III, пункт 3	
			Кача II	Кокорево II (?)
19 880±300 (ГИН-117)			Коровий Лог	
			Афонтова Гора II, слой C_3	
			Афонтова Гора III, пункт 3, нижний слой	
20 тыс. лет тому назад	каргинское межледниковье	Паудорф		
		Пламмойнт		

крупные, иногда очень грубые, иногда тщательно отделанные нуклеусы.

Имеются простые галечные нуклеусы, когда галька использовалась как ядрище без всякой или с очень незначительной обработкой. Часто такие нуклеусы похожи на чопперы. Более развиты одноплощадочные уплощенные нуклеусы. Изредка встречаются леваллуазские треугольные одноплощадочные нуклеусы и почти призматические. Вторую группу нуклеусов составляют миниатюрные клиновидные нуклеусы сибирского типа. Среди них много различных вариантов, но их объединяет специально подготовленная форма для получения микропластинок.

Орудия представлены несколькими типами. Наиболее многочисленны скребла — 45% общего числа орудий. Бóльшая часть их сделана на отщепах. Ретуширована чаще одна сторона, наружная или внутренняя. Обработка другой стороны применя-

лась в единичных случаях, для получения тонких и острых скребел-ножей. Обычно скребла относятся к простому выпуклому типу, но довольно много и поперечных. В общем же расположение лезвия зависит от формы отщепа. По форме лезвия скребла делятся на выпуклые, реже прямые и еще реже вогнутые. Наиболее обычным является выпуклое скребло на отщепе с чешуйчатой, иногда ступенчатой ретушью.

Встречаются скребла с двумя и тремя лезвиями. Среди двойных скребел особую группу составляют конвергентные или остроконечные скребла. Одно лезвие у них часто сделано менее аккуратно, но в целом типологически они трудно отличимы от настоящих остроконечников мустьерского облика. Число последних невелико.

Второй крупной группой орудий являются скребки — 21% всех каменных орудий. Большинство скребков сделано на отщепах разной величины и форм, хотя есть прекрасные экземпляры на концах ножевидных пластин. Самые крупные скребки приближаются к небольшим скреблам, самые маленькие — размером не более 6—8 мм. Форма лезвия скребка и крутизна ретуши зависит от формы края заготовки. В основном встречаются небольшие овальные скребки с выпуклым лезвием. Миниатюрные скребки обычно имеют круговую крутую ретушь.

Остальные формы орудий встречены в единичных экземплярах. Это двусторонне обработанные клинки ножей, приближающиеся по способу изготовления к тонким скреблам. Далее — группа нуклевидных орудий в виде овальных массивных изделий с крепким лезвием, образованным удлиненными фасетками. Есть единичные экземпляры небольших рабо, отщепов с чешуйчатой подтеской концов и желобчатыми лезвиями, похожих на pièces èaillées. К этой же группе примыкают миниатюрные вторичные ядрища с подтеской на конце.

Выразительна серия тесловидных орудий, сделанных как из целых галек, так и из крупных отщепов. В первом случае лезвие орудия получено либо подтеской конца гальки крупными сколами, либо двусторонней обивкой гальки с последующей обработкой краев ретушью и оформлением лезвия подтеской. При изготовлении тесел из отщепов края орудия формировались крутой ретушью, а лезвие — подтеской.

Среди небольших по величине орудий следует отметить проколочки с плечиками, сделанные на ножевидных пластинках, пластины и отщепы с выемками по краю и микропластинки со скошенным краем.

Между стоянками Афонтова Гора II и Афонтова Гора III есть некоторые различия, но пока не ясно, являются ли они хронологическими.

Наиболее часто встречающейся и развитой формой костяных изделий Афонтовой Горы II и III являются наконечники копий

из рога оленя и бивня мамонта. Они подразделены на варианты в зависимости: 1) от формы поперечного сечения — овальные и уплощенные; 2) от наличия паза для вкладыша — совсем без паза, с пазом только у острия, с пазом только по одной стороне, с двумя пазами; 3) от формы острия; 4) от формы черешка.

Часто встречаются довольно крупные наконечники длиной до 20—25 см, овальные в поперечном сечении (соотношение толщины к ширине менее 1 : 2). Паз для вкладышей бывает у острия наконечника (чаще на Афонтовой Горе II) или вдоль всего края их (чаще на Афонтовой Горе III). Реже встречаются крупные наконечники без паза. Острие наконечника шиловидное или овальное, менее острое. Черешок чаще уплощенный. Затем следует выделить серию крупных массивных наконечников, уплощенных в поперечном сечении (1 : 3). Они бывают без паза (чаще на Афонтовой Горе II) и с пазом для вкладышей по всей длине бокового края. Некоторые из них имеют пазы по двум краям и, возможно, были кинжалами. Встречено несколько экземпляров массивных коротких изделий из кости с пазом и без паза, видимо, служивших ножами. Имеются шилья из грифельных косточек, шилья в виде приостренных стержней, или сделанные из обломка костей и даже наконечников. Весьма компактную и типологически единую группу составляют иглы из кости с цилиндрической центральной частью, плавно уплощающейся к просверленному ушку.

Представляет также интерес обломок тесла из бивня мамонта (Афонтова Гора III). Встречен один экземпляр крупной овальной лопатки с отломанной ручкой из бивня мамонта, ближайшая аналогия которой известна в Костенках XII. Лопаточка меньшего размера есть в Афонтовой Горе III, в верхнем слое. В Афонтовой Горе найдены изделия типа «жезла начальника». Загадочными представляются пока пластинки из бивня мамонта с тремя отверстиями в них, шарики из бивня мамонта и изделие в виде уплощенного стержня с головкой. Наконец, уникальной является небольшая ступка из куска бивня мамонта со следами охры на дне.

Важную категорию изделий составляют украшения. Это обычные подвески из клыков песца, лисицы, зубов марала, костяных бус, пронизок из трубчатых костей птиц. Имеются круглые плоские бусы из агальматолита. Особенно интересны два небольших диска из агальматолита. Один из них просверлен (Афонова Гора II) и имеет нарезки по краям. Другой диск не просверлен, а на плоских боковых сторонах его процарапаны радиальные линии (Афонтова Гора III).

Некоторые изделия орнаментированы насечками. Это часть наконечников, где зарубки нанесены по узкому краю, аналогично мальтинским, но гораздо небрежнее и в меньшем числе. Встре-

чены нарезки и на плоской стороне наконечников. Один обломок ребра, приостренный к концу, на внутренней поверхности сохранил ряд параллельных насечек. К этому можно прибавить обломки бивней с параллельными насечками и обломок рога с насечками по одной стороне, а также изделия типа «жезла начальника» с поперечными насечками.

Кокоревские стоянки I, II, IV по общему облику близки описанному комплексу. Небольшие отличия не выходят за пределы вариантов енисейского палеолита. Исследования кокоревской группы в последние годы еще не закончены, но уже сейчас намечаются некоторые отличия между Кокоревым II и III, с одной стороны, и Кокоревым I (по З. А. Абрамовой), с другой.

Следующие две хронологические ступени палеолита Енисея относятся к позднесартанскому времени (от 10 до 12 тыс. лет назад). В красноярской группе они представлены наиболее типичными памятниками: Афонтова Гора II, слой B_1—B_2, Афонтова Гора I, Переселенческий пункт, Бирюса, слой С, в кокоревской группе — стоянками Кокорево III и IV (раскоп 1—3, верхний слой). Техника расщепления камня на этих памятниках остается прежней, но уже нет такого разнообразия типов нуклеусов.

В инвентаре этих памятников по-прежнему главное место занимают скребла и скребки. Появляется особый тип скребка с подтеской с брюшка, шире распространяется изготовление долотовидных орудий из гальки. Костяной инвентарь представлен наконечниками с пазом по краю и шильями. В целом прослеживается тесная связь с предшествующими памятниками как в технике изготовления орудий, так и в основном наборе их. Продолжается тот же образ жизни, что и в предшествующее время — сезонные перекочевки. В период голоцена эта культура переросла в неолит, сохраняя свои основные традиции.

Таким образом, енисейский поздний палеолит весьма своеобразен. Облик культуры его начальных этапов не имеет полного сходства ни с соседними, ни с отдаленными районами Азии. В то же время в афонтовской культуре имеются определенные черты сходства отдельных элементов с палеолитом других районов. Возьмем наиболее восточную по отношению к Енисею палеолитическую область — Приморье. Самая древняя культура каменного века в Приморье — осиновская. Начало ее относится к последнему межледниковью. В каменном инвентаре первое место принадлежит крупным изделиям, изготовленным из целой речной гальки, иногда расколотой вдоль или поперек одним сильным ударом, а чаще более или менее симметрично оббитой. Общая форма орудий более всего похожа на чопперы. Кроме них, в слое встречены каменные наковальни с выбоинами от употребления, отщепы, изделия типа ножей из широких пла-

стин и скребловидные инструменты. Облик вещей архаичен, но техника скола пластин весьма совершенна. Это позволяет А. П. Окладникову считать, что осиновская культура развивалась не позднее 10—15 тысяч лет назад.

Чрезвычайное своеобразие культуры не позволяет сравнивать ее с афонтовской в целом. Характерно как в той, так и в другой культуре лишь использование гальки как исходной формы нуклеуса или чоппера. Развитие хозяйства носителей осиновской культуры шло иными путями.

Палеолитические находки на Амуре пока еще редки. Как полагает А. П. Деревянко, дальнейшее развитие традиций Филимошек прослеживается в находках грубых чопперов и нуклеусов, несколько напоминающих нуклеусы у с. Кумары. Комплекс из Кумар, по А. П. Деревянко, древнее осиновской культуры. С другой стороны, в разных пунктах Среднего Амура есть отдельные предметы, продолжающие ту же линию развития на более поздних этапах и сближающиеся с характерными формами осиновской культуры. По-видимому, Приморье и Средний Амур можно, хотя бы предварительно, рассматривать как область с близкой (не уточняя пока степени этой близости) традицией в развитии материальной культуры. Эта традиция в самых общих чертах, отражающихся в галечной технике, сходна с афонтовской. Но в этом можно видеть лишь принадлежность к некоей огромной общности.

Между Амуром и Енисеем лежит Байкал. У юго-восточного его берега, по р. Селенге и ее притокам, известны многочисленные стоянки, которые обычно рассматриваются как особая Забайкальская провинция.

Наиболее древними памятниками Забайкалья являются два нижних слоя Санного Мыса. В списке фауны стоянки имеется носорог и мамонт. Удивителен состав инвентаря — микропластинки, как бы сколотые с призматических нуклеусов, миниатюрный одноплощадочный нуклеус (или округлый скребок высокой формы), скребочки на отщепах, обломок острокопечника (?). Совершенно нет скребел обычных для палеолита Сибири. К этому же памятнику примыкает местонахождение «125 километр» с микроскребками, включая округлый, с костяными веретенообразными наконечниками и обломками скорлупы яиц страуса, обработанными руками человека.

Следующая, более поздняя, ступень, представлена типичными круглыми скреблами из Усть-Кяхты, пункт 3. Эта же линия развития ярко выражена и позднее, особенно отчетливо в нижнем слое Ошуркова. Здесь широко применяется экономичный и эффективный способ выделки орудий из целых галек, хотя многие орудия изготавливались и из отщепов. Некоторые скребла подтесаны с брюшка, чего нет в Усть-Кяхте, пункт 3. В Ошуркове имеются прекрасные костяные наконечники, уплощенные в

сечении, с пазами для вкладышей по краям. В верхнем слое найден двузубый плоский гарпун. На одном обломке наконечника нанесен орнамент в виде растянутого зигзага, полученного из прямых нарезок, перекрещивающихся концами. Хронологически нижние слои Санного Мыса сопоставимы с Мальтой и Буретью, т. е. древнее Афонтовских стоянок. Следующая ступень, Усть-Кяхта, пункт 3, сопоставляется с Афонтовой Горой III. Более поздняя ступень Ошуркова, нижний слой, одновременна Верхоленской Горе на Ангаре и, следовательно, Афонтовой Горе II, слой B_1—B_2 (позднесартанское время).

Очевидно, Санный Мыс не имеет аналогий с енисейским палеолитом (зато прослеживается связь Санного Мыса и некоторых других памятников с монгольским палеолитом). Более поздний элемент в Забайкалье сходен с енисейским, по крайней мере, в традиции изготовления и использования скребел. Результат ли это генетической близости или результат возникновения большой палеолитической общности в самом конце палеолита, пока решить трудно.

Рядом с енисейским палеолитом находится ангарский. Его происхождение еще не выяснено. На Ангаре происходило смешение различных групп, различных традиций. Здесь развивалась наиболее близкая по облику к западным культура Сибири — мальтинско-буретинская. Хронологически она древнее енисейского палеолита (одновременна Санному Мысу). Это культура первобытных охотников на мамонта, живших в крупных поселках из долговременных жилищ. Техника расщепления камня характеризуется преобладанием пластинок как форм заготовки для орудий. На пластинках изготовлены острия со скошенным краем, пластинки с подтеской концом и проколки. Есть острия из пластин, уплощенные подтеской ударного бугорка. Много ретушированных пластин с выемками на одном или двух краях. Имеются скребки на пластинках и отщепах, некоторые небольшие округлые, высокой формы. Резцы представлены многочисленными и хорошо сделанными экземплярами. Скребел, аналогичных обычным сибирским, нет. Найдены округлые диски и полудиски более высокой формы, возможно применявшиеся как скребла (вторичное использование). Существенно, что в коллекции есть и грубые орудия из гальки типа чопперов.

Мальтинско-буретинская культура характеризуется чрезвычайно искусными поделками из кости. Это великолепные статуэтки, фигурки птиц, украшения, изделие типа «жезла начальника», наконечники копий, шилья, булавки и т. д. Наконечники копий, сделанные из бивня мамонта, не имеют пазов для вкладышей. Богатый орнамент изделий сводится к нескольким элементам: прямые насечки, круговые нарезки, ямки, полулунные углубления. На крупных наконечниках, кроме насечек на черешке, часто встречается ряд насечек вдоль одной грани.

Следующая ступень палеолита Ангары пока представлена лишь верхним слоем Красного Яра. Здесь уже появляются немногочисленные, но типичные скребла наряду с орудиями на пластинках, долотовидными орудиями типа piéces écaillées. Имеются и клиновидные нуклеусы сибирского типа, и соответствующие им микропластинки.

Последняя ступень палеолита на Ангаре представлена на нескольких стоянках — Верхоленской Горе, Усть-Белой, Федяеве и др. Они имеют очень много общего как между собой, так и с другими палеолитическими областями Сибири — с Енисеем и Забайкальем. Их объединяет наличие скребла как основного орудия, небольших скребков, долотовидных орудий, микропластинок. Некоторые черты сходства между Мальтой — Буретью и Афонтовой Горой (орнаментация насечками, изделия типа «жезла начальника») заставляют предполагать древние, но, видимо, эпизодические связи на ранних этапах, если не считать, что они происходят от одной основы.

Исследования последних лет в огромной области, лежащей к югу от Енисея, показали, что ранний палеолит этого района представлен двумя различными культурами.

Древняя Монголия, по последним данным, принадлежит к леваллуазскому кругу памятников. Характерно, что на поздних этапах развивается техника изготовления орудий из галек. Эти данные позволили В. Е. Ларичеву сделать вывод о заселении Монголии с запада, вдоль котловины Больших озер, в один из теплых и влажных периодов. Позднее, с наступлением сухого периода, произошел частичный отток «западного» населения. В последующий влажный период с востока распространилась галечная культура, смешавшись с «западной». К сожалению, пока еще нет данных по Северо-Западной Монголии, прилегающей к Алтаю и Туве. Правда, в последнем районе обнаружены единичные местонахождения изделий, по-видимому, мустьерского времени, собранные А. Д. Грачем на южных склонах Танну-Ола (р. Саглы), переходящих в равнины Северо-Западной Монголии. Он нашел отщепы и нуклеус леваллуазского типа. Из орудий наиболее интересен тонкий остроконечник, обработанный плоской ретушью с двух сторон.

Несколько севернее, на берегах р. Улуг-Хем (Енисей) в пределах Тувы, обнаружены отдельные пункты с обработанным кремнем. Пока нет уверенности, что встреченные здесь отщепы архаичного облика относятся к мустьерскому времени.

Памятники позднего палеолита в Туве изучены слабо. Известна стоянка на р. Хемчик, притоке Енисея. Она представлена коллекцией орудий, собранных на выдувах песков. Это — скребла, скребки, крупные пластины, ретушированные по краю, пластинка с заостренным концом. Мелкие формы представлены клиновидными нуклеусами сибирского типа. На склоне к р. Чаа-Холь

в 50-х годах была собрана небольшая коллекция обработанных кремней позднепалеолитического облика.

Наши работы позволили присоединить к этим двум стоянкам еще несколько пунктов с находками позднепалеолитического облика в долине рек Демир-Суг, Эйлиг-Хем и Куйлуг-Хем. Предварительное знакомство с ними показало, что не они являются истоками енисейского палеолита. С целью проверки возможности проникновения человека с юга за Саяны по самому, казалось бы, естественному пути — р. Енисею (в Туве — Улуг-Хем) — мы вместе с геологом-четвертичником А. И. Лаврентьевым обследовали долину р. Енисея от р. Хемчика до выхода его из каньона на просторы Минусинской котловины. Обследование было кратким, но показало, что передвижение летом вдоль реки по берегу невозможно ни сейчас, ни в средне- и позднечетвертичное время. Это позволяет предположить, что Центральная Тува являлась своеобразным «тупиком» при передвижениях человека. Кроме того, там не было крупных стад животных, на которых обычно охотился человек, поэтому возможно в палеолитическое время Тува была окраинной территорией первобытных охотников, населявших Северную Монголию, а не мостом, ведущим в просторы Среднего Енисея.

Таким образом, рассмотрение вопроса о путях проникновения человека на Енисей (речь идет о массовом, а не единичном, эпизодическом появлении одной-двух групп охотников) позволяет пока отбросить проникновение с восточного и южного направлений.

Остаются западное и юго-западное, которые кажутся наиболее вероятными. Во-первых, на Алтае есть древние памятники. Если верно предположение В. Е. Ларичева о заселении Монголии вдоль котловины Больших озер из Средней Азии, Ближнего Востока и Иранского плоскогорья, то Алтай — одна из территорий, на которую могло пойти «ответвление» от основного пути переселений. Коллекция Усть-Канской пещеры по своему облику близка среднеазиатскому палеолиту, тоже имеющему некоторое сходство с ближневосточным. Во-вторых, позднепалеолитические памятники на Алтае развиваются в том же направлении, что и енисейские, за исключением самых конечных этапов. Наконец, позднепалеолитическая культура на Алтае, видимо, слагалась в непосредственной связи с монгольским поздним палеолитом, известным в Мойльтын-Ам, с его чопперами и чоппингами, одно- и двуплощадочными призматическими нуклеусами и орудиями на пластинках.

Наиболее типичным памятником позднего палеолита Алтая, относящимся, судя по имеющимся данным, к позднесартанскому времени, является стоянка Сростки. Культурные остатки этого памятника залегают тремя горизонтами. Верхний — под гумусом в серой супеси, средний — в той же лёссовидной супеси, но глубже, нижний — в бурой более плотной супеси. Основная масса

предметов найдена в месте перехода лёссовидной супеси в бурую и в бурой. Для каменного инвентаря стоянки Сростки характерно применение леваллуазской техники. Нуклеусы совершенной формы все же редки. Применялись и грубые галечные нуклеусы, и небольшие клиновидные сибирского типа. Имеется один нуклеус гобийского типа. Заготовками орудий служили отщепы, леваллуазские отщепы и пластины. Из одной пластины ретушью края получено прекрасное острие. Наибольшую группу орудий составляют скребла. Часто они ретушированы длинными фасетками, так как заготовкой служили массивные отщепы. Форма лезвия обычно выпуклая. Выделяется огромное скребло с острым лезвием, аналогичное такому же орудию из Кокорево IV, раскоп 1 (наши раскопки). Вторая группа орудий — скребки. Сделаны на отщепах и редко пластинах. Форма разнообразная, иногда овальная. К ним примыкает небольшой скребок — рабо. Имеется несколько резцов, проколка, остроконечник, пластина с подтеской конца, тесловидное орудие.

В целом комплекс аналогичен енисейским стоянкам, особенно стоянке Кокорево I, и, с другой стороны, более отчетливо, чем енисейский, сохраняет леваллуазские традиции. Эти же традиции прослежены в ряде более поздних палеолитических памятников Алтая, изучавшихся в последние годы.

Гипотеза о заселении Енисея через Алтай не разрешает всех вопросов, но она позволяет понять присутствие среднеазиатских черт и леваллуазских элементов в палеолите Енисея. Появление на самых ранних этапах енисейского палеолита галечной техники не отрицает предлагаемую гипотезу, так как эта техника, так же как и леваллуазская, известна в палеолите Средней Азии и Казахстана и особенно отчетливо выступает в соседней Монголии. Что касается конкретного пути проникновения с Алтая на Енисей, то наиболее удобным и вероятным путем является долина р. Большой Абакан, где уже давно обнаружены позднепалеолитические стоянки.

Ю. А. Мочанов

ПАЛЕОЛИТ АЛДАНА

Для решения проблемы первоначального освоения человеком Якутии наиболее важные факты могут быть получены при изучении палеолитических памятников. До недавнего времени в распоряжении исследователей таких памятников почти не было. Отдельные палеолитические по облику изделия найдены в долине р. Лены. Большинство их происходит из подъемных сборов и не имеет четкого стратиграфического положения.

В 1965 г. работами Алданского археологического отряда Якутского филиала АН СССР обнаружены палеолитические стоянки с хорошо выраженным культурным слоем и четкой стратиграфией.

Все вновь открытые палеолитические памятники находятся в долине р. Алдана. Это стоянки Усть-Тимптон (IV—V слои), Усть-Сумнагин I (XV слой), Усть-Сумнагин III, Тумулуур, Белькачи I (VIII—XI слои), Билир (V слой), Усть-Миль (III слой) и Ихине.

Культурные слои стоянки Ихине залегают в позднеплейстоценовых отложениях. Культурные слои остальных стоянок относятся к голоценовым отложениям.

Наиболее древней стоянкой, судя по условиям залегания — аллювий 18-метровой надпойменной террасы, а также остаткам фауны (бизон и суслик, близкий к верхнеплейстоценовому), является стоянка Ихине. Это кратковременное охотничье стойбище, откуда происходит пока небольшой археологический материал, не позволяющий сделать определенные выводы о культуре оставивших его людей. В настоящее время оно важно как доказательство того, что долина Алдана была заселена уже в конце верхнего плейстоцена. Очень важно также, что стоянка Ихине в настоящее время самый северный палеолитический памятник (63° северной широты) из всех известных в Азии.

Подавляющее большинство стоянок относится к позднему (голоценовому) палеолиту. Культурные остатки этих стоянок в одних случаях залегают в нижних горизонтах пойменной фации аллювия, слагающего высокую пойму (стоянки Усть-Тимптон, Усть-Сумнагин I, Белькачи I), в других — в покровных суглин-

ках и супесях надпойменных террас (стоянки Усть-Сумнагин III, Билир, Усть-Миль). Почти все стоянки расположены на приустьевых мысах притоков Алдана.

Наблюдения, сделанные при расколках палеолитических памятников Алдана, свидетельствуют, что перед нами остатки сезонных стойбищ охотников и рыбаков. Люди жили в наземных жилищах типа шалаша или чума. Об этом свидетельствует отсутствие искусственных углублений в слое, связанных с конструкцией жилищ, и наличие выложенных гальками очагов, вокруг которых расположена основная масса орудий труда, оружия, а также костей животных и рыб.

Из костей животных наиболее часто встречаются кости лося, медведя и северного оленя, т. е. тех животных, которые в голоцене могли дать наибольшее количество пищи. Кости и шкуры этих животных использовались для различных бытовых и производственных нужд.

Каменный инвентарь на стоянках представлен клиновидными и призматическими нуклеусами, ножевидными пластинами и отщепами (некоторые из них обработаны краевой ретушью), проколками, остриями, долотовидными орудиями на отщепах и пластинах, угловыми и боковыми резцами, концевыми скребками (некоторые имеют у рабочего лезвия небольшие выступы — ушки). Все орудия изготовлены из кремня и кремнистых пород. Среди орудий нет ни одного двусторонне обработанного.

Вторая группа орудий изготовлялась из диабаза и кварцита. Это чаще всего массивные рубящие орудия типа ручных рубил и чопперов, а также скребла, иногда изготовлявшиеся и из кремня. К этой же группе относятся и тесла, которые появляются в конце позднего палеолита. Особенно много их в IV слое стоянки Усть-Тимптон. Рубящие орудия в большинстве случаев выделывались из целых или расколотых вдоль крупных галек. Из небольших галек делали и грузила для рыболовных сетей. Последние также появляются в самом конце позднего палеолита.

Особую группу орудий представляют абразивные инструменты — шлифовальные плиты песчаника, на которых, по всей видимости, обрабатывались костяные орудия. Ни на одном каменном орудии в палеолитических слоях следов шлифовки не обнаружено, из костяных — известны отшлифованные проколки и острия.

В целом каменный и костяной инвентарь стоянок Алдана представляет собой выразительный, устойчивый комплекс. Позднепалеолитический возраст его определяется как геологическими условиями залегания (ранние голоценовые отложения), так и сходством с археологическими комплексами многих позднепалеолитических памятников Северной Азии. К числу последних относятся, например, Афонтова Гора и Таштык на Енисее,

Красный Яр, Федяево и Верхоленская Гора на Ангаре, Алтен-Булак и Ошурково в Забайкалье, Макарово и Шишкино на верхней Лене, Кондон в нижнем Приамурье и другие. Все они относятся либо к самому концу верхнего плейстоцена, либо к началу голоцена. Этим памятникам, в незначительных хронологических и территориальных вариантах, свойственны те же черты каменного и костяного инвентаря, что и алданским стоянкам.

Нижняя граница абсолютного возраста стоянок позднего палеолита на Алдане определяется нижней границей голоцена — примерно VIII тысячелетием до н. э., верхняя граница определяется сейчас, пожалуй, значительно четче, чем в каких-нибудь других местах Северной Азии. Верхние палеолитические слои на большинстве стоянок Алдана перекрываются нижними слоями раннего неолита. Ранненеолитическая культура Алдана всеми своими корнями уходит в местный поздний палеолит. Значительного перерыва между ними нет. Это хорошо доказывается как археологическими, так и геологическими данными. Особенно наглядно взаимоположение позднепалеолитических и ранненеолитических слоев видно на стоянке Белькачи I, где VIII слой (позднепалеолитический) отделен от VII слоя (ранненеолитического) всего лишь двух-трехсантиметровой стерильной прослойки при продолжавшемся тогда непрерывном процессе накопления пойменного аллювия, формировавшего современную высокую пойму.

Нижняя граница раннего неолита Якутии (в частности Алдана) датируется концом V тысячелетия до н. э. Примерно V тысячелетием до н. э. можно датировать и верхнюю границу позднего палеолита Алдана.

Открытые на Алдане археологические памятники позволяют считать, что уже в эпоху позднего палеолита бассейн Алдана был широко заселен племенами, имеющими сходную культуру с племенами, населявшими обширные пространства Северной Азии.

Позднепалеолитические памятники Алдана заставляют по новому взглянуть на некоторые еще неясные вопросы древнейшей истории Северо-Восточной Азии. В частности, вряд ли следует по-прежнему объяснять сходство некоторых аляскинских и монгольских позднепалеолитических находок движением групп населения Центральной Азии через Амур к Америке. Ведь уже в позднем палеолите, как показывают алданские находки, значительные области Северо-Восточной Азии были обитаемы. Именно отсюда скорее всего и могли происходить миграции населения через древнюю Берингию в Америку.

Палеолитические материалы Алдана совершенно не соответствуют и гипотезе А. П. Деревянко (1965) о распространении «пластинчатой техники» из Прибайкалья, Забайкалья и Среднего Амура в Северо-Восточную Азию. Техника отделения ноже-

видных пластин от призматических и клиновидных нуклеусов существовала в Северо-Восточной Азии, судя по алданским находкам, по крайней мере с позднего палеолита, т. е. никак не позже искусственно созданной исследователями Среднего Амура «новопетровской (среднеамурской) культуры пластин». Для объяснения широкого распространения «пластинчатой техники» в неолите Северо-Восточной Азии совершенно излишней становится гипотеза А. П. Деревянко об «экспансии племен» Приамурья на Север.

Не убедительно и сравнение среднеамурских древних тесел из галек с хоабинскими тесловидными и скребловидными орудиями Юго-Восточной Азии. Подобные тесла бытуют во многих районах Северной Азии. На Алдане они залегают в четких стратиграфических условиях и, несомненно, принадлежат к позднепалеолитическому комплексу. Стоит ли искать аналогии среднеамурскому материалу во Вьетнаме и Индонезии, отдаленных от Благовещенска на многие тысячи километров. Значительно вернее и проще подняться по р. Зее, перевалить через Становой хребет и перед исследователем откроется область, где прототипы его орудий находятся в большом количестве, четко датированы и сопровождаются выразительным комплексом.

Г. Н. Матюшин

МЕЗОЛИТ УРАЛА

(тезисы доклада)

1. До недавнего времени на Урале не было известно ни одного памятника мезолита. Только в 1958—1965 гг. на Южном Урале было сразу открыто более 200 памятников каменного века. Большая часть их — неолитические поселения с керамикой и преимущественно двусторонне обработанным каменным инвентарем. На их фоне отчетливо выделяется около 40 стоянок с чисто микролитическим инвентарем, отличающихся от неолитических и гипсометрическим и стратиграфическим расположением. Третья группа памятников совмещает в себе черты как мезолитических, так и неолитических памятников и относится к переходному периоду. Более 15 памятников расположено в Предуралье, остальные в горных районах и Зауралье.

2. Инвентарь предуральских памятников весьма однообразен. Преобладают изделия из ножевидных пластин (пластинки с диагонально скошенным концом, с боковой выемкой, резцы на углу сломанной пластинки, острия, сверла, пластинки с притупленной спинкой и др.). Наиболее характерными изделиями памятников типа среднего слоя Ильмурзинской стоянки являются микрорезцы. Встречаются здесь и орнаментированные гальки. В памятниках более позднего этапа (верхний слой Ильмурзина, Романовка II и III, Старо-Мушта, Старо-Каинлыково, Давлеканово и др.) встречаются наконечники стрел на ножевидных пластинках. Весьма типичны для такого рода памятников и изделия из кости (гарпуны, наконечники стрел, ножи с пазами для вкладышей, острия и др.). В горных районах Южного Урала вместе с аналогичным инвентарем особенно выразительно представлены микрорезцы. Инвентарь мезолитических памятников Предуралья и горных районов Южного Урала имеет многочисленные аналогии в позднепалеолитических и мезолитических памятниках Восточной и Западной Европы.

3. Памятники мезолита Предуралья и горных районов характеризуются сходными геоморфологическими и стратиграфическими условиями. Они расположены на третьих (вторых надпойменных) террасах р. Белой, ее притоков и стариц. Памятники

типа нижнего слоя Ильмурзинской стоянки залегают в позднеплейстоценовых отложениях. Памятники типа верхнего слоя Ильмурзина, Романовка II и др. залегают в раннеголоценовых отложениях. Анализы пыльцы из культурного слоя памятников показывают, что они существовали в то время, когда здесь господствовала открытая холодная степь типа тундры с редкими участками лесной растительности. Учитывая, что Южный Урал находился в типично экстрогляциальных условиях, самое позднее время существования этих памятников — ранний голоцен.

В аналогичных геоморфологических и стратиграфических условиях находятся и памятники мезолита восточных склонов Южного Урала и Зауралья. Бóльшая их часть связана с бассейном р. Урал. Имея сходный с Предуральем по общему облику инвентарь, памятники Зауралья отличаются по характеру каменного сырья и некоторым формам изделий. Особенно заметное отличие — наличие здесь геометрических микролитов.

Геометрические микролиты обнаружены на стоянках Янгелька, Мурат, Чебаркуль I, Сайма I, Мысовая, Карабалыкты V и др. Подавляющая их часть — асимметричные трапеции с боковой выемкой. Так, на стоянке Мурат при раскопках 1963—1965 гг. обнаружено 15 изделий геометрического облика, из них — 12 трапеций, десять из которых имеют асимметричную форму с боковой выемкой. Симметричные трапеции также, как правило, имеют боковые выемки. Треугольники встречаются редко. Остальной инвентарь мезолитических памятников (микрорезцы, пластины с диагонально скошенным концом, пластины с затупленной спинкой, с выемками, острия, сверла, резцы и т. п.) также несколько отличен от предуральского. В позднем мезолите количество трапеций резко падает. Несколько меняется и состав инвентаря; появляются изделия, обработанные макролитической техникой.

4. Ни к востоку, ни к западу от Урала геометрические микролиты, микрорезцы и другие типичные для мезолитических памятников Южного Урала изделия не встречаются. Аналогии им можно найти только к югу от Урала; они характерны для Кавказа, Прикаспия и других областей Ближнего Востока. Геометрические микролиты Кавказа отличны от южноуральских. Здесь не встречаются асимметричные трапеции с боковой выемкой. Отличны и другие изделия. Немногочисленные изделия геометрического типа Нижнего Поволжья по своему облику ближе к кавказским, чем к южноуральским.

Наиболее близкое сходство с южноуральским имеет инвентарь позднепалеолитических и раннемезолитических памятников Средней Азии и южного Прикаспия. Это сходство прослеживается не только по форме геометрических микролитов, но и по другим типам изделий, сходно и их количественное соотношение в комплексах. Помимо геометрических микролитов, это сходство

прослеживается на примере микрорезцов, нигде в СССР, кроме Средней Азии и Южного Урала, не представленных.

5. Некоторые исследователи склонны объяснять сходство инвентаря различных памятников сходными природными условиями и однотипными формами хозяйства. Однако мелкие детали формы орудий и техника их изготовления (например, форма трапеций, наличие или отсутствие у них боковых выемок, размеры и т. п.) вряд ли имели решающее значение в хозяйственной жизни. Различия в инвентаре одновременных памятников Предуралья и Зауралья, расположенных в идентичных природных условиях и имеющих одинаковый характер хозяйства, убеждают в том, что сходство суммы мелких признаков инвентаря Зауралья и Прикаспия отражает реальные связи населения этих областей в эпоху мезолита.

6. Результаты палинологических исследований мезолитических памятников и аналогии с прикаспийскими позднепалеолитическими и раннемезолитическими памятниками позволяют отнести южноуральские стоянки с комплексом асимметричных трапеций с боковыми выемками к раннему мезолиту и синхронизировать их с нижним слоем (24—26 горизонты) пещеры Белт (Гари-Камарбанд). Можно предполагать, что территория между Уралом и Прикаспием была занята в мезолите населением близких культур, связанных общностью происхождения.

7. На Среднем Урале пока сколько-нибудь достоверные памятники мезолита неизвестны. Исключение составляет стоянка у Голого камня, исследованная В. М. Раушенбах; однако хронологическая и культурная характеристика памятника до сих пор весьма неопределенна. Костяные изделия, относимые некоторыми исследователями к мезолиту (Шигирский торфянник), к сожалению, не связаны с комплексами находок. Однако, учитывая сходство неолитических памятников Южного и Среднего Урала и генетическую преемственность южноуральских мезолитических и неолитических памятников, можно предполагать и общность мезолитической подосновы южноуральских и среднеуральских культур.

Н. Н. Гурина

КРЕМНЕДОБЫВАЮЩИЕ ШАХТЫ У КРАСНОГО СЕЛА В БЕЛОРУССИИ

Интерес к древним горным выработкам возник в середине прошлого столетия в связи с открытием шахт в Бельгии, Франции, Англии, Польше и в других странах. За последнее десятилетие число таких памятников заметно умножилось (открытие шахт в Венгрии, Чехословакии). На территории СССР исследование такого рода памятников до последнего времени не производилось. Работы русских археологов были посвящены лишь кремнеобрабатывающим мастерским, не связанным с местами добычи сырья.

В советской археологической литературе не существует точного понятия «мастерская». Этим термином обозначаются различные этапы производства орудий, начиная от пункта добычи сырья до рабочего места, где первобытный человек на поселении производил окончательную отделку орудий (шлифовку или ретуширование их). В целях упорядочения терминологии, мы предлагаем следующую схему (см. табл. 1).

Схема отражает процесс развития одного из важнейших разделов производственной деятельности человека — процесс добычи сырья от самого простейшего сбора валунного и галечного кремня до весьма сложного и совершенного — извлечение высококачественного сырья из глубоких недр земли. Однако это лишь отражение общего процесса развития. В пределах даже относительно узкой территории нередко наблюдаются случаи совмещения различных форм добычи — параллельное существование всех форм в пределах одного отрезка времени, правда, весьма продолжительного, каким является неолит.

Выбор того или иного способа зависел от естественно-географических условий. В тех местах, где пласты кремня выходили на поверхность или хорошо были видны в обнажениях и, следовательно, была возможность вести горизонтальную выработку, не было необходимости в глубоких шахтах. Пример тому — открытые выработки в верхнем течении р. Волги. В тех случаях, когда пласты кремня были скрыты внутри горной породы, но выступали в обрезе, разработка кремня производилась с помощью

Таблица 1

Места добычи сырья и производства каменных орудий

Горизонтальная разработка пластов камня, скрытых в иной горной породе—штольни	Открытые горные выработки поверхностно залегающих пластов камня	Глубинная разработка камня, залегающего в иной горной породе—штольни	Производственные мастерские на местах добычи сырья	Мастерские—сезонные поселки на время добычи сырья	Домашние мастерские. Рабочие места по изготовлению орудий на поселении
	Места массового сбора валунного и галечного материала	Горные выработки в открытых ямах (валунного материала или пластов кремня, перекрытых почвенными отложениями)			

горизонтальных выработок — штолен. Когда встречались большие скопления валунного кремня, сосредоточенного, например, в моренных отложениях, или пласты его залегали под толстым слоем песчаных или лёссовых отложений, применялся способ добычи с помощью открытых ям. Наконец, если кремень размещался внутри другой горной породы и на поверхность выступали лишь признаки его, приходилось закладывать шахты, и чем больше была потребность в кремне и шире возможность его обмена, тем сильнее было стремление к добыче высококачественного кремня даже при условии, что для этого требовалось копать шахты значительной глубины.

К настоящему времени на территории СССР известно несколько наиболее крупных мест добычи кремня. К числу их относятся Верхне-Волжские открытые выработки, горные разработки типа штолен на Днестре, ямы по добыче кремня — Средняя Азия, и шахты близ Красного Села на р. Росси в Гродненской области в Белоруссии.

Остановимся на исследовании белорусских шахт.

Еще в 1924 г. в процессе разработки мела в районе Красного Села, в карьерах были случайно открыты следы древних

горных выработок. В 1925 г. польский археолог З. Шмит подверг их частичному исследованию и раскопал восемь шахт и мастерских.

За истекшие 40 лет местность здесь изменилась до неузнаваемости. В связи с деятельностью цементного завода, оснащенного мощной техникой, была произведена очень широкая разработка меловых линз; сняты верхние пласты почвы, покрывавшие некогда мел (вскрыша), и естественная поверхность этих мест оказалась нарушенной на многие километры. Если учесть при этом отсутствие документации, которая могла бы указать место старых раскопок, то следует считать, что поиски шахт пришлось произвести заново. Их удалось обнаружить лишь в результате двухлетних разведок. Систематические исследования, проводившиеся с 1962 по 1965 г., позволяют уже теперь подвести некоторые итоги.

Местность здесь холмисто-моренная. Перпендикулярно течению р. Росси прослеживается несколько резко вытянутых меловых линз, расположенных строго параллельно друг другу и отделенных одна от другой возвышенностями, где меловая толща скрыта под мощным напластованием песка. Толщина почвенного слоя, перекрывающего меловой слой в линзах, в общем невелика; лишь в очень редких случаях она превышает 1 м, в основном же меньше — от 50 до 30 см, а местами (в средней части) мел нередко выходит прямо на поверхность.

На всем протяжении меловой линзы встречаются скопления конкреций кремня. Наблюдения над большим числом разрезов показали, что положение их в мелу различно. В подавляющем большинстве случаев они слагают цепочки, имеющие горизонтальное или наклонное по отношению дневной поверхности направление; реже конкреции залегают беспорядочной россыпью.

Шахты по добыче кремня встречаются преимущественно в средней и восточной частях линзы, где почвенный слой, перекрывающий меловую толщу, имеет наименьшую мощность.

На исследованной нами части меловой линзы зафиксировано свыше 350 шахт. Впервые их разрезы удалось увидеть в стенке действующего карьера. В дальнейшем, при подчистке верхней части мела выявились устья шахт в виде округлых пятен. Длительные и систематические обследования большого числа разрезов шахт, заметных в меловых линзах, и трехлетние широкие раскопки позволили уловить известную закономерность в расположении шахт и проследить их конструктивные особенности.

Обращает на себя внимание неравномерность распределения шахт, их концентрация на определенных участках линзы. В каждой такой группе не менее сотни шахт. Во всех случаях устья шахт располагаются близко друг к другу, вследствие чего

подземные коридоры — штреки имеют незначительную протяженность (редко более 3 м), вызванную мягкостью породы кремня, таящей в себе опасность обвала. Шахтер предпочитал делать не слишком глубокие подбои, имевшие вид не сплошных галерей, а чаще всего полукруглых ниш, отделенных друг от друга небольшими невыбранными участками коренной породы — «целиками», которые служили опорными столбами. Этим белорусские шахты существенно отличались, например, от шахт в Кшеменках, с их длинными штреками, вырытыми в твердой породе известняка.

Удалось уловить и отчетливую закономерность в форме шахт, находящуюся в полном соответствии с характером залегания кремневых конкреций. В той части линзы, где кремень образовывал горизонтальные цепочки или располагался россыпью, без особого порядка, шахты имели правильную округлую форму, размещаясь вблизи друг от друга (иногда толщина стенок равнялась всего 40 см). Как правило, в этом случае шахты имели глубокие подбои, опоясывающие их (хотя и разделенные на отдельные ниши), штреки шли в различных направлениях.

При расположении кремня в виде значительных цепочек, имеющих косое простирание, наблюдалась твердая устойчивость в расположении и конструкции шахт, находящихся в строгом соответствии с залеганием кремня.

Там, где прослеживается четкое расположение кремневых конкреций, образующих косолежащие параллельные цепочки, верхняя часть которых почти выходила на поверхность, все шахты следовали тому же направлению. Они вытянуты вдоль цепочки кремня. Единичные шахты, лежащие между ними, оказались очень мелкими и без подбоев — явно разведочного характера. Сами шахты в большинстве случаев имели резко удлиненные очертания и соединялись друг с другом штреками, проложенными вдоль цепочек кремня. Глубина шахт не превышала 6 м, а ширина 1,5—2 м. Округлые шахты нередко заканчивались суженной частью, диаметром не более 80 см. Здесь шахтер, не обнаружив кремня, заканчивал работу.

Подавляющее большинство шахт имело подбои и штреки. Ширина последних колебалась в пределах 60—70 см. Они пролегали на различной глубине, в соответствии с залеганием кремня, однако в отличие от подбоев не располагались один над другим в два этажа. В некоторых шахтах были небольшие окошечки для освещения.

При подчистке верхней границы мелового слоя удалось выявить устья шахт, отчетливо обозначавшихся в виде темных или белых пятен, отличающихся по своей консистенции от окружающего целостного мелового слоя. Меловая крошка, заполняющая верхнюю часть шахты, была плотной в результате того, что проникавшая через почвенный слой вода растворила мел, кото-

рый затем высох и сцементировался. Подбои и штреки заполняла значительно более рыхлая меловая крошка, так как они засыпались в процессе прокладки соседнего подбоя или штрека.

В течение раскопок были выработаны приемы очистки шахт от заполнения; обычно выборка крошки по горизонтали производилась сначала в средней части шахты с помощью мелкого инструмента, по форме сходного с кайлом древнего шахтера, а затем, чтобы не нарушить целостности стенок шахты, крошку выбирали с краев просто руками, так как она легко отслаивается от коренной меловой породы.

Помимо стволов шахт, штреков и подбоев, засыпанных меловой крошкой, осыпавшейся с краев шахты, встречались небольшие полые камеры с несколькими входами, освещавшиеся через отверстия, ведущие из соседних шахт. Некоторые из них имели форму навесов пещерного типа.

В заполнении шахт найдены орудия древних шахтеров, изготовленные из рогов благородного оленя. Обычно это рога с двумя или несколькими отростками, один из которых являлся рабочим концом, а второй служил рукоятью. Величина орудий невелика, так как малый размер штрека не допускал использования длинного инструмента. Некоторые орудия имели в расширенной части отверстия, указывающие на применение деревянной рукоятки.

Несколько особую форму имел третий тип орудия. Оно изготовлено из прямой части рога и по форме напоминает кинжал. Такие орудия найдены преимущественно в подбоях, что свидетельствует о применении их для работы в самых узких местах шахты. Там, где заканчивался подбой и потолок (обычно полуциркульной формы) смыкался со дном шахты, прослеживались очень ясные следы от конца орудия в виде коротких черточек.

Следы от других горняцких инструментов выступали повсеместно на стенах шахты (преимущественно в нижней части). В особенности их много на потолке подбоев и штреков. С исключительной отчетливостью длинные борозды от рабочего конца кайла покрывали все стены и потолок полых камер. Нередко, в особенности на дне шахты, они размещались группами под углом друг к другу, создавая узор «елочкой». Очевидно, здесь, в узкой шахте, шахтеру не раз приходилось менять направление ударов.

В заполнении шахт и в непосредственном окружении их найдено множество кусков кремня, сбитых с конкреций (конкреции преимущественно некрупные, сильно искривленные), и заготовки топоров, реже долот. Основная часть этого материала попала в шахту впоследствии вместе с осыпавшейся меловой крошкой, откинутой ранее на ее борта. Лишь в единичных случаях на дне наиболее широких шахт обнаружены «рабочие места» шахтеров. Здесь сосредоточены мелкие отщепы кремня,

свидетельствующие об изготовлении крупных орудий и их заготовок. В одном случае вместе с ними лежала большая костяная игла. Обычно же шахтер подавал наверх весь подходящий материал, отбрасывая лишь непригодные конкреции. Даже наиболее грубая первичная обработка кремня производилась на поверхности земли.

Последовательность обработки кремня устанавливается достаточно отчетливо. Прежде всего производилась сортировка конкреций по степени пригодности; мелкие, сильно изогнутые отбрасывались сразу, крупные раскалывались на куски, при этом первыми снимались сильно выступающие части — отростки. Больше всего ценились прямые по форме и подходящие по величине конкреции. Обычно с двух противоположных концов у них снимались площадки и далее крупными сколами, наносимыми с обеих сторон конкреции, производилась формовка орудия. При этом шахтер никогда не изготовлял нуклеус, орудие формировалось сразу из конкреций. Наибольшую завершенность имели заготовки топоров и долот, однако ни в одном случае на них нет следов зашлифовки.

Массовую обработку орудий человек производил в непосредственной близости от шахты. Для этих целей служили преимущественно верхние части полузасыпанных старых шахт. Удалось выяснить, что они в большинстве случаев группировались в определенной части линзы, ближе к ее краю. Внутри таких шахт, на глубине не более 1,5—2 м, прослеживается пол — очень плотный утрамбованный слой меловой крошки, на поверхности которого лежали один-два крупных камня, служивших наковальнями, судя по сильным следам от ударов, нередко также заготовки топоров и долот. В других мастерских находилось только скопление отщепов. В некоторых из них все предметы залегали в непосредственной близости от очагов, сложенных из камней. Среди углистого слоя встречались кости животных — остатки пищи шахтеров. В одной из таких мастерских обнаружены фрагменты сверленого топора.

Под «полом» мастерских располагалась нижняя часть шахты, обычно сравнительно неглубокая (до 3 м), без подбоев и штреков. На стенах некоторых из них сохранились следы от кайла; это свидетельствует о том, что они были засыпаны сразу, как только шахтер закончил работу. Чаще всего такие шахты-мастерские сосредоточивались у края линзы, вблизи «шахтерского поселка». Судя по незначительной глубине, отсутствию подбоев и штреков, они были разведочными.

В непосредственном соседстве с площадкой, занятой шахтами и связанными с ними мастерскими, за пределами меловой линзы, на песчаном всхолмлении, вытянутом параллельно ей, располагалась «мастерская-поселок», где жили шахтеры, по-видимому, в течение всего сезона, пока шла добыча кремня.

Здесь на распаханной поверхности поднято много отщепов кремня, кусков конкреций и несколько заготовок и орудий. Удалось обнаружить участок этого поселка, не затронутый пашней. Культурный слой здесь залегает непосредственно под почвой и до предела насыщен такими же отщепами кремня и конкрециями, со следами первичной обработки, и заготовками орудий. Устанавливалась локализация находок на определенных участках поселка. Обычно скопления располагались против участков меловой линзы, на которых прослеживалось и скопление шахт (мастерская 1, мастерская 2).

Найденный в поселке инвентарь значительно разнообразнее по составу, чем инвентарь из производственных мастерских и заполнения самих шахт; здесь встречаются крупные скребла и скребки; топоры и долота имеют большую завершенность обработки, некоторая часть их носит на себе следы использования.

На противоположном, правом берегу р. Росси, обнаружены остатки стоянки с отщепами из красносельского кремня и изготовленными из него орудиями; найден, в частности, топор, аналогичный по форме топорам из шахт-мастерских и шахтерского поселка.

Громадное количество шахт и мастерских по обработке кремня, сосредоточенных в пределах сравнительно небольшого пространства, разработанность их конструкции, единообразие приемов изготовления орудий и крайняя ограниченность их ассортимента не оставляют сомнений в том, что рассматриваемая территория служила специальным местом для добычи сырья. Найденный в шахтах кремень получал здесь первичную обработку (в производственных мастерских и рабочем поселке) и уносился людьми за их пределы. Как далеко шло распространение орудий, изготовленных из кремня, добытого в шахтах, можно будет сказать лишь после полного завершения исследования. В настоящее время заметно отсутствие такого кремня в мезолитических памятниках этой территории и наличие его в неолитических местонахождениях Литвы и Северной Белоруссии. Можно предполагать, что он проникал и в более северные районы Прибалтики.

Существенным вопросом, встающим при исследовании красносельских шахт, является определение времени их существования и связи с определенными этнокультурными общностями. На первый вопрос окончательный ответ может быть получен после завершения радиоуглеродного анализа углей и лучины, в большом количестве найденных в шахтах. Основываясь на аналогичных материалах кремнедобывающих шахт Западной и Восточной Европы, их, по-видимому, можно предварительно датировать поздним неолитом. Исходя из абсолютного возраста поселения Цмелев (связанного с кшеменковскими шахтами Польши) — 2725±110 лет до н. э. и венгерских шахт — 2720±160 лет

до н. э., красносельские шахты, по всей вероятности, могут быть отнесены примерно к началу II тысячелетия до н. э.

Определение этнической принадлежности древних горняков в большой мере затрудняется отсутствием керамики. Найден только один сосуд в погребении, обнаруженном в одной из шахт в процессе добычи мела. Несмотря на отсутствие точных стратиграфических данных, нельзя допустить большого хронологического разрыва между временем рытья шахт и актом захоронения. Сосуд, изготовленный из серой глины, небольшого размера (10 см высоты и 11 см в диаметре по венчику), плоскодонный, отчетливо профилированный, украшенный по венчику неглубокими нарезками, образующими елочный узор, не находит себе прямых аналогий. Ближе всего он стоит к сосудам Южной Белоруссии и Прибалтики, относящимся к культуре шнуровой керамики. С этим вполне согласуются также и каменные сверленые топоры, найденные в шахтах. Во всяком случае, можно считать, что племена культуры шнуровой керамики посещали древние горные выработки, хотя, возможно, не одни они были потребителями кремня. Изучение распространения красносельского кремня и типов орудий, найденных вместе с ним, не дает оснований считать шахты принадлежащими северным охотничьим племенам с их типичной ямочно-гребенчатой керамикой.

Л. Я. Крижевская

ПРОБЛЕМЫ НЕОЛИТА УРАЛА

(тезисы доклада)

1. До недавнего времени представление о неолите Урала складывалось на основании изучения главным образом памятников Среднего Зауралья и Прикамья. На Южном Урале долгое время были известны только два погребения, открытые С. Н. Бибиковым в 1938 г., и несколько пунктов, где были найдены каменные орудия и керамика. Систематические исследования были организованы только в начале 50-х годов.

Накопленный к настоящему времени материал позволяет более или менее полно охарактеризовать неолитическую культуру Южного Урала, занимающую преимущественно его лесостепную зону, и выявить ее своеобразие относительно Среднего Урала и других близко расположенных и соседних с ней областей.

2. Раскопки поселений в Предуралье и в Зауралье позволили выделить присущую Уралу каменную индустрию, характеризующуюся орудиями из отщепов, орудиями из пластин и приемами обработки краевой ретушью. Пластинчатая индустрия Зауралья и Предуралья различна. Первая характеризуется микроформами и вкладышевой техникой; для второй типичны крупные орудия, а вкладышевая техника отсутствует.

3. Керамика южноуральских поселений входит в круг волнисто-гребенчатой, имея, однако, специфические черты. В Зауралье преобладают некрупные, тонкостенные сосуды с острым и округлым дном, с прямыми стенками и прямым или слегка отогнутым в наружную сторону краем. Встречаются также реберчатые сосуды. В орнаменте большое место занимают равномерно прочерченные палочкой или двойной палочкой узоры. В то же время довольно разнообразна гребенчатая орнаментация, в которой представлена «шагающая гребенка», вертикальный зигзаг и протянутый штамп, создающий прочерченный узор. В Предуралье сосуды крупные, толстостенные, с загнутым внутрь верхним краем и острым дном. Орнамент, преимущественно сплошной, разделяется на накольчатый, гребенчатый и резной.

4. В каменном инвентаре и керамике южноуральских и особенно зауральских поселений наблюдается сходство с памятниками кельтеминарской культуры Средней Азии и Казахстана. Связь ее с Уралом отмечали многие исследователи. Но материа-

лы Южного Урала позволяют наметить различную степень влияния и, по-видимому, различный характер взаимосвязей ее со Средним и Южным Уралом.

Хотя южноуральский неолит, как показывает изучение палеолита и в особенности мезолита на Южном Урале, сложился, очевидно, на местной основе, однако под столь сильным влиянием юга, что должен относиться к кругу родственных казахстанских и среднеазиатских культур, в то время как на неолит Среднего Урала опосредствованное влияние юга было слабее и развивался он более независимо. Что касается неолита Южного Предуралья, то он наряду с развитием в нем зауральских элементов испытывал сильное влияние Прикамья и Волго-Камья.

5. Входя в обширную Урало-Казахстанскую этнокультурную общность, южноуральский неолит имеет в то же время некоторые особенности, связанные с его географическим расположением в области лесостепи со своеобразным животным миром и соответствующей формой хозяйства — области непосредственного контакта с культурами лесной зоны, куда, в частности, относится неолит Среднего Урала. Характерная для лесного неолита керамика и некоторые формы каменных орудий создают сходство южноуральского неолита с соседними лесостепными культурами Западной Сибири, занимающими бассейны рек Тобола и Ишима, и более широкое сходство с аналогичными культурами Европейской части СССР (Поволжье, Украина). Намечается, таким образом, закономерность, отличающая лесостепные культуры Евразии от культур лесной и степной зон.

6. В неолитическое время на территории Евразии можно проследить различные общности: широкие, как, например, область распространения ямочно-гребенчатой, гребенчатой, гребенчато-накольчатой керамики; более дробные — среднеурало-сибирскую, сейминско-турбинскую, югоурало-казахстанскую; последняя подразделяется на более дробные: южноуральскую, западносибирскую лесостепную, восточноказахстанскую, западноказахстанскую и т. д. Они отражают различные объединения человеческих коллективов и различные формы взаимосвязи.

7. Проблема хронологии южноуральского неолита очень сложна, так как стратиграфические, палинологические и радиоуглеродные данные отсутствуют. Основываясь на сравнительном материале, можно считать генетически более древним комплекс линейно-накольчатой керамики и пластинчатую индустрию, содержащую орудия, восходящих к мезолиту форм. Более поздними являются, очевидно, гребенчатая керамика и двусторонне обработанные орудия. Однако, периоды существования «чистых» комплексов на Южном Урале, как, впрочем, и на Среднем Урале, не прослеживаются.

Известные в настоящее время памятники Южного Урала следует датировать предположительно концом IV—III тысячелетием до н. э.

О. Н. Бадер

У ИСТОКОВ ФИННО-УГОРСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ВОСТОЧНОЙ И СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЕ

(тезисы доклада)

1. Территорией первоначального сложения финно-угорской языковой общности, входящей вместе с самодийскими языками в уральскую языковую семью, в свете современных научных данных является область Урала в самом широком понимании и области, прилегающие к нему с востока. Финно-угорское население распространялось по Северной Европе на запад предположительно с Урала и Приуралья.

2. Древнейшими на севере Европы достоверными следами связи с Уралом и вообще с востоком являются некоторые формы кремневых стрел на ножевидных пластинках и костяных наконечников стрел и гарпунов из памятников Латвии (например, Лубанское озеро) и более северных районов Прибалтики (например, Оленеостровский могильник, памятники каргопольской культуры), распространение керамики типа сперрингс и монголоидный тип некоторых скелетов из Оленеостровского могильника. Появление этих признаков на северо-западе следует относить к раннему этапу неолита (до появления здесь ямочно-гребенчатой керамики), а частью, возможно, и к мезолиту и связывать их этнически с протосаамским населением севера, близко соприкасавшимся на востоке с древнесамодийскими и палеоазиатскими группами.

3. Неолитическое население, создавшее культуру с ямочно-гребенчатой керамикой и двигавшееся на север и главным образом северо-запад в III тысячелетии до н. э., ошибочно считается многими исследователями финно-угроязычным. Ретроспективная связь его с древнефинским населением Волго-Окского края и смежных районов через так называемую текстильную керамику не доказывается. Более вероятно, что оно относится к населению доиндоевропейского и дофинно-угорского языкового пласта, прослеживаемого здесь лингвистами (Б. А. Серебренников, Б. В. Горнунг).

4. Зато у неолитического населения камской или волго-камской, приуральской историко-культурной области устанавли-

вается в материальной культуре преемственная связь с местными культурами удмуртов и коми в Прикамье и марийцев в Поволжье. Надо полагать, в это время уже произошло разделение древнего финно-угорского языка-основы, что находит свое археологическое выражение в существовании двух различных, но родственных, обширных историко-культурных областей неолита по обе стороны уральского хребта. Волго-Камскую область следует считать пермско-финской, восточноуральскую — угорской.

5. У грани III и II тысячелетий до н. э. на базе волго-камской неолитической культуры возникают две крупные культуры эпохи бронзы: турбинская на северо-востоке и волосовская на юго-западе. Они существуют на протяжении первой половины II тысячелетия до н. э. и отчасти его третьей четверти и имеют многие родственные черты.

6. Турбинская культура продолжает развиваться на месте, постепенно расширяет свой ареал на Северное Приуралье и образует ту основу, на которой в дальнейшем формируются пермско-финские культуры железного века.

7. Волосовская культура, вероятно под давлением появившейся в Среднем Поволжье индоевропейской балановской культуры, распространяется на запад, в область чуждой ей неолитической культуры с ямочно-гребенчатой керамикой и, постепенно ассимилируя ее, достигает Прибалтики, о чем свидетельствуют многие памятники Волго-Окского края, Калининской, Псковской, Новгородской и Вологодской областей, Латвии, Эстонии и Карелии. Памятники волосовского типа на указанной территории рисуют распространение древнефинского населения с востока. В процессе дальнейших исследований они, без сомнения, будут подразделены на несколько локальных культур, которые лягут в основу истории формирования различных западных и волго-финских этнических групп.

8. Процесс ассимиляции местным волосовским населением пришлых балановских, фатьяновских, поздняковских и других племен в Среднем и Верхнем Поволжье в итоге привел в конце II тысячелетия до н. э. к формированию новой культуры с «текстильной» керамикой. Эта культура в языковом отношении должна рассматриваться как волго-финская, будучи связана в своем дальнейшем развитии с культурой городищ дьяковско-городецкого типа и через нее с финскими культурами позднего железного века в лесном Поволжье.

Д. Я. Телегин

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ И ХРОНОЛОГИЯ СРЕДНЕСТОГОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЭПОХИ МЕДИ

(тезисы доклада)

Выделенная на Украине среднестоговская культура известна по материалам поселений и могильников (Средний Стог II, Стрильчая Скеля, у с. Волошское, Дереивка, Александрия, Молюхив Бугор), которые занимают территорию степного, а отчасти лесостепного Левобережья от Днепра до Дона. Родственные памятники известны и далее на восток, вплоть до Нижнего Поволжья.

Керамика культуры представлена высокогорлыми остродонными горшками и небольшими плоскодонными мисочками. В глине обильная примесь толченой ракушки. Узор состоит из горизонтальных рядов, зигзага, вертикальных полос, выполненных гребенкой, шнуром, наколами, и других элементов орнамента. Инвентарь: крупные кремневые ножи, скребки, наконечники стрел и копий, клиновидные топоры из кремня, камня и кости, боевые молоты-клевцы из рога оленя, медные украшения. Известна глиняная пластика: женские стилизованные статуэтки, фигурки животных (кабан) и др. Основное занятие населения — коневодство (из костей 60—70% костей лошади). Погребения бескурганные, одиночные, скорченные на спине, окрашенные охрой, иногда с сосудами и боевыми молотами-клевцами.

В развитии культуры выделяется два основных хронологических периода: «волошский» — дошнуровой и «дереивский» — шнуровой. На основании предметов импорта трипольской керамики (этапа В/I—В/II) и иных сопоставлений дата среднестоговской культуры — вторая половина IV — начало III тысячелетия до н. э. Это древнейшая культура шнуровой керамики в Европе. Ее носители первыми в Приазовских степях приручили коня. Вооруженные боевыми молотами-клевцами, копьями, луком и стрелами, они, несомненно, представляли мощную для того времени военную силу. Среднестоговскую культуру непосредственно сменяет древнеямная культура, генетически тесно связанная с нею.

Т. С. Пассек

НЕОЛИТ ПОДНЕСТРОВЬЯ

(V—III тысячелетия до н. э.)

В Преднестровье в V—III тысячелетиях до н. э. проходили границы нескольких групп древнеземледельческих племен — буго-днестровской, дунайской первой, культуры типа Боян, трипольской, гумельницкой. Многие годы советские археологи систематически изучали историю этих племен и выявили большую сложность исторического процесса в изучаемом районе, где еще совсем недавно, кроме памятников трипольской культуры, других поселений древних земледельцев известно не было. В результате археологических исследований, начатых в послевоенные годы на многослойных поселениях Поднестровья (Флорешты, Незвиска, Поливанов Яр, Солончены II, Новые Русешты, Сороки, Вулканешты и др.), удалось установить относительную хронологию памятников периода неолита и энеолита Днестровско-Дунайского междуречья.

Памятники первой дунайской культуры, исследованные в Незвиске, во Флорештах, Торском, Цыре и др., позволили характеризовать неолитическую культуру линейно-ленточной керамики с «нотным орнаментом» на территории СССР. Редчайшая стратиграфия поселения Флорешты в Молдавии позволила установить, что поселение древнейшей трипольской фазы (Ларга-Жижия) залегало на месте более древнего поселения первой дунайской культуры. Во Флорештах впервые был обнаружен и стал изучаться древнейший вариант трипольской культуры, связанный с придунайской группой памятников типа позднего Бояна (Ларга-Жижия). Стратиграфия Флорешт, таким образом, явилась решающей для понимания взаимоотношений культур древнего Триполья и первой дунайской.

Многолетние раскопки на поселениях Незвиска, Поливанов Яр, Солончены II осветили различные этапы развития трипольской культуры в Поднестровье и заметно углубили ранее созданную периодизацию.

Изучение позднетрипольского могильника у с. Выхватинцы позволяет судить о погребальном обряде в эту эпоху. По антро-

пологическим материалам могильника можно предполагать средиземноморский тип населения.

За эти же годы особое внимание советские археологи уделили поискам и открытию в Поднестровье (В. И. Маркевич) дотрипольской древней неолитической культуры, названной буго-днестровской, соответствующей по времени неолитической культуре балкано-дунайского круга типа Кёреш. С 1961 г. были предприняты исследования придунайской области Северного Причерноморья, где удалось открыть и частично раскопать поселения культуры Гумельницы, известные до сих пор только на территории Румынии и Болгарии (Т. С. Пассек, Е. К. Черныш).

Огромный археологический материал, накопленный в итоге всех этих исследований, позволяет осветить ранее неизвестные периоды из истории древнеземледельческих племен неолитического и энеолитического времени на юге СССР. В связи с этим перед учеными встали новые сложные вопросы.

Среди этих вопросов одним из наиболее сложных и очень важных явилась проблема соотношения буго-днестровского неолита с балканским. Раскопки В. Н. Даниленко по среднему течению Южного Буга выделили в этом районе новую группу ранненеолитических племен, остававшуюся до сих пор не известной на правобережной Украине. Культура этих племен заметно отличается от соседних с ней — накольчато-гребенчатой неолитической днепро-донецкой культуры, от неолитических культур Надпорожья и Приазовья. В. Н. Даниленко подразделил буго-днестровскую культуру отчасти стратиграфически, отчасти типологически на несколько фаз.

Позднее В. И. Маркевич на Среднем Днестре раскопками поселений у г. Сороки подтвердил выводы, сделанные в бассейне Южного Буга. На поселениях у г. Сороки обнаружены полуземлянки с очажными ямами. В них найдена своеобразная керамика — плоскодонная, в форме вытянутых горшков и чаш из глины с растительной примесью. Сосуды орнаментированы группами проглаженных полос, часто в сочетании с отпечатками штампов. Обычен ногтевой и щипковый орнамент.

В полуземлянках найдены также костяные инструменты, кости домашних животных, остатки культурных растений, богатый кремневый инвентарь микролитоидного характера.

Инвентарь этих поселений на Днестре аналогичен инвентарю с Южного Буга. И тот и другой чрезвычайно схожи с широко известным материалом с поселений культуры Кёреш из Периени, Вали-Лупулуй, Лец в Румынии, а также с многочисленных поселений из Венгрии (схожи формы, обработка и украшения поверхности сосудов, каменный и костяной инвентарь).

Ранненеолитическая культура Кёреш в V тысячелетии до н. э. занимала большие пространства к северу от нижнего Дуная, а на юге граничила с более древней культурой Старчево. Одно-

временны ей известные в Болгарии культура Кремиковцы и Караново I и II. Поселения типа Кёреш, известные в СССР, значительно расширили сведения о межплеменных связях этой культуры на востоке.

Открытая на Днестре и на Южном Буге местная своеобразная неолитическая буго-днестровская культура позволяет прийти к важному историческому выводу, что в междуречье Южного Буга, Днестра и Прута, в Северном Причерноморье, начатки земледелия и животноводства могут быть зафиксированы уже в V тысячелетии до н. э. Это период, когда приручение домашних животных и начало возделывания культурных растений стали распространяться с юга и юго-востока в дунайские страны. По уровню развития культура местных буго-днестровских раннеолитических племен соответствовала культуре северо-балканских племен того же времени. Интересно, что фаза буго-днестровской культуры, соответствующая по времени раннеолитической культуре типа Кёреш на западе, получила на территории СССР дальнейшее своеобразное развитие (фазы IV и V).

Именно это позволяет понять, каким путем многие традиции, например в изготовлении керамики (техника обработки поверхности сосудов импрессо и барбатин, рельефные украшения и т. п.), являются признаками, доживающими со времени Кёреша до ранних этапов Триполья. И на Южном Буге и на Днестре поздняя фаза буго-днестровской культуры предшествует Триполью и характеризуется чертами, сближающими ее с ранним Трипольем. Для хозяйства этой фазы уже характерно и земледелие и скотоводство.

Другой проблемой в изучении истории земледельческо-скотоводческих племен юга СССР явилась проблема взаимоотношения Триполья и дунайской культуры Гумельницы. В 1961 г. советские археологи, проводя поиски юго-западной границы раннетрипольской культуры, установили, что эта граница проходила в районах южнее Кишинева. Одновременно при уточнении южных пределов расселения трипольских племен выяснено, что на левобережье нижнего Подунавья трипольское население обитало только на поздних этапах своего развития (памятники типа Усатово). В раннетрипольское время здесь жили родственные трипольцам племена Подунавья. Таким образом, в нижнем Подунавье впервые выявлены ранее не известные на территории СССР памятники культуры Гумельницы.

При раскопках некоторых поселений у г. Болграда, у с. Озерное и Вулканешты собран большой археологический материал, показывающий, что и трипольские и гумельницкие памятники следует относить к единому балкано-дунайскому кругу. Е. Комша справедливо выделил в культуре ранней (А) Гумельницы северо-восточный вариант ее типа — Алдень II.

В процессе раскопок во всех трех поселениях в нижнем Подунавье обнаружены большие наземные глинобитные дома. Однако тип наземных домов своеобразен и отличается от хорошо изученных трипольских жилищ. Их следует сопоставить с жилищами культуры поздней Гумельницы из с. Кэсчиорреле в Румынии (Вл. Думитреску). Жилища Болграда и Вулканешт строились из дерева и глины, пол выкладывался очень крупными вальками глины с растительной примесью и хорошо обжигался. Вся основная масса керамических сосудов — черная, желтовато-коричневая лощеная посуда, орнаментированная графитным узором, белой и красной краской, четырехугольные сосуды на ножках, ампари, статуэтки и т. д.— принадлежит культуре ранней Гумельницы (облика Алдень II). Лишь отдельные сосуды с углубленным орнаментом находят аналогии в трипольских материалах.

Своеобразие этих памятников может быть понято лишь при учете контакта гумельницких племен с трипольскими. Все черты, близкие к трипольским, возникли на этой территории, безусловно, под непосредственным влиянием живших поблизости трипольских племен. В свою очередь некоторые особенности трипольских поселений, расположенных в зоне контакта этих племен (например, поселения Новые Русешты, Карбуна), свидетельствуют о проникновении влияния с Балкан через племена Гумельницы.

Именно через территорию Северо-Западного Причерноморья, занятую племенами Гумельницы, как и в раннем неолите, проникли к трипольскому населению наиболее ценные культурные достижения из балкано-дунайских стран; последние в то же время являлись связующим звеном Северного Причерноморья с Восточным Средиземноморьем. Ярким примером влияния Балкан является распространение сильно стилизованных антропоморфных гумельницких амулетов у трипольского населения в зоне контакта трипольских и гумельницких племен.

По данным радиоуглеродного анализа, гумельницкое поселение у Вулканешт относится ко времени 3860±150 лет. до н. э.

Результаты исследований последних лет свидетельствуют о существовании тесного контакта между древнейшими земледельческими племенами Северного Причерноморья и Балкан с эпохи неолита. Развитие племен начиная с этого периода шло схожими путями. Темп их развития был очень близок, поэтому уровень развития неолитических и энеолитических племен юга СССР был намного выше, чем соседних лесных и лесостепных племен. Об этом свидетельствует весь путь развития трипольских племен с их большими достижениями в хозяйстве и экономике. Как показывают новые исследования, носители трипольской культуры, даже на первых этапах ее развития, обладали значительно более высоким уровнем культуры, чем это представлялось до сих

пор. Племена, создавшие эту монолитную культуру, на протяжении всего своего развития сохранили большое единство. Даже расселившись по обширной территории и приобретя в различных районах локальные особенности, трипольские племена сохраняют тесную связь между собой.

Предполагаемый высокий уровень развития племен трипольской культуры находит свое подтверждение даже при рассмотрении отдельных частных вопросов, например при изучении металлических изделий Триполья. В настоящее время число найденных изделий настолько увеличилось, что можно уже характеризовать их по основным, начиная с древнего, этапам трипольской культуры.

В период расцвета культуры обилие изделий из меди заставляет видеть в Триполье культуру племен, переживших в тот период подъем производительных сил, и считать ее передовой среди раннеметаллических культур дунайско-балканского района. Этот подъем обусловил широкое развитие земледелия и животноводства, расселение племен на северо-восток в Среднее Поднепровье и на юг к побережью Черного моря, усиление межплеменного обмена с соседними странами и сделал возможным накопление общинных богатств. С накоплением богатств связано, прежде всего, появление относящихся к этому времени кладов, в составе которых большое количество изделий из меди. Изучение металлических изделий Триполья позволяет установить существование медного века (халколита), к которому следует относить ранние этапы Триполья (А и В моей периодизации), когда подготовлялось появление литых изделий из сплавов.

На основе этих признаков позднетрипольские племена следует относить к начальному периоду бронзового века. Новые спектральные и металлографические анализы Е. Н. Черных и Н. В. Рындиной убедительно это доказали. Это наблюдение подтверждается относительными периодизациями, созданными для культур Балкан и Подунавья. Там, как известно, также хорошо представлен медный век, сменяющийся бронзовым около 2000 г. до н. э.

С. Н. Бибиков

О ХРОНОЛОГИЧЕСКОМ РАЗДЕЛЕНИИ ПАМЯТНИКОВ ТРИПОЛЬЯ-А И ТИПА ГУМЕЛЬНИЦЫ (АЛДЕНЬ-II) НА ЮГО-ЗАПАДЕ СССР

Изучение трипольских памятников привело к разделению истории трипольских обществ на этапы, или ступени, развития. Позже других выявленный Т. С. Пассек ранний этап Триполья, в отличие от других, остался не расчлененным во времени, хотя некоторые исследователи и указывали на необходимость различать в рамках Триполья-А более ранние и более поздние фазы. С 1953 г. такие попытки делались применительно к материалам Поднестровья и Побужья.

Современное состояние изучения раннего Триполья позволяет расчленить раннетрипольские комплексы. Уже давно замечено, что землянки и площадки находятся на раннетрипольских памятниках в стратифицированном положении. Обычно площадки залегают на более высоких уровнях и нередко перерезают нижележащие землянки. В Луке-Врублевецкой трипольское наземное жилище с глинобитным очагом и расположенными вокруг него раздавленными сосудами находилось над раннетрипольской землянкой. Они были разделены почти стерильным в археологическом отношении слоем. Нет никаких оснований предполагать прямую культурно-историческую преемственность между этими двумя комплексами. В. П. Кравец, изучавшая вслед за М. Ю. Смишко раннетрипольское поселение Городница, подтвердила залегание землянок под площадками. То же отметила Е. К. Черныш при раскопках в Ленковцах. Таким образом, стратифицированное залегание землянок и площадок на одних и тех памятниках очевидно.

Столь же достоверно установлено, что археологический материал из землянок и площадок неоднороден и различается по некоторым признакам. Это отмечали: В. П. Кравец применительно к Городнице, Е. К. Черныш — к Ленковцам, В. Н. Даниленко и М. Л. Макаревич — к Сабатиновке II. Стратифицированное положение площадок над землянками исследователи исторически не осмысляли, а различия в инвентаре землянок и площадок с должной полнотой не аргументировали. И то, и другое объясняли

разновременностью комплексов, но в пределах двух строительных периодов, в границах одного хронологического этапа — Триполья-А.

На самом деле землянки и площадки представляют два этапа в развитии раннего Триполья, различающиеся по ряду существенных признаков. Чтобы показать различие и разновременность комплексов из землянок и площадок, приведем краткий анализ материала из Ленковец.

В Ленковцах раскрыто пять землянок и пять площадок. Общая площадь исследованных землянок составляет 73 кв. м, площадок — 284 кв. м. Принимая в расчет двухгоризонтность залегания культурных остатков в землянках, изученную площадь их следует удвоить и считать в пределах 140—150 кв. м.

В землянках и на площадках собран обильный археологический материал, в том числе и кремневые изделия. Ведущей формой кремневого инвентаря является скребок. Это орудие как массовый тип может служить наилучшим показателем для установления процентных соотношений в кремневом инвентаре раннетрипольских памятников вообще.

В Ленковцах в землянках найдено 224 скребка, что составляет 56% к общему числу орудий; на площадках — 44 скребка, или 34%. Напомним, что в Берново-Луке скребки составляют 55%, в Луке-Врублевецкой — 50% к общему числу орудий. На площадках число скребков и кремневых орудий значительно меньше (Солончены I, Лука-Устинская, Голерканы и др.) и не идет в сравнение с числом кремневых изделий из землянок. Исключением является Александровка, где на трех площадках найдено 83 скребка, т. е. 41% к общему числу орудий. Таким образом, большой процент скребков по отношению к другим видам орудий характерен для коллекций, собранных на углубленных в землю жилищах.

Наблюдаются различия и в керамике из землянок и площадок. Керамика из землянок более темных тонов, чем с площадок. В землянках преобладает каннелированная тонкостенная керамика, нарезные узоры редко содержат спиральные построения, реже встречаются образцы окрашенной керамики, углубленные орнаментальные линии несколько шире и т. д. Есть различия и в ассортименте посуды. Так, на площадке № 2 в Ленковцах обнаружен великолепный реповидный сосуд с цилиндрическим, несколько сужающимся книзу поддоном. Сосуд украшен нарезной спиралью в виде ленты с поперечными насечками. Этот же тип сосудов обнаружен в Солончена I, Александровке, Сабатиновке II и в Карбуне. В таком сосуде был также обнаружен карбунский клад. Все эти реповидные сосуды не только однотипны, но и близки по системе орнаментации. Главное же заключается в том, что все они найдены на площадках. Этот тип сосудов характерен именно для раннетрипольских площадок, но

бытует он и позже в поселениях типа Сабатиновка I. Аналогичные сопоставления можно привести и по другой группе сосудов — чашам на цилиндрических подставках, тоже встречающимся на раннетрипольских площадках.

Отмечаются различия и в количественном соотношении глиняных антропоморфных фигурок из землянок и площадок в Ленковцах: в землянках найдено 29 фигурок, на площадках — 10. Массовые находки терракот являются особенностью раннетрипольских землянок (Лука-Врублевецкая, Берново-Лука).

Наконец, имеются различия между процентными соотношениями в составе дикой и домашней фауны, собранной в землянках и на площадках. В Ленковцах найдено 1962 определимых кости млекопитающих. Из них в землянках — 992 кости и на площадках — 970 костей. В таблице, приведенной Т. С. Пассек, указано, что 58% костей принадлежит диким животным и 42% — домашним формам. Из раздельного подсчета по землянкам и площадкам по землянкам выявлено 51,21% диких животных и 48,79% домашних, по площадкам соответственно — 33,20% и 66,80%. Следовательно, состав фауны землянок сближает фауну из Ленковец с фауной из Луки-Врублевецкой и приближается к фауне Берново-Луки. Состав фауны с ленковецких площадок представляет более поздние комплексы Триполья. На это обращено внимание В. И. Бибиковой, хронологически разделившей собрания фауны из Ленковец.

Даже в характере залегания культурных остатков в землянках и на площадках наблюдаются отличия. Археологический материал, находящийся в землянках, располагается более хаотично, чем на площадках. На последних чаще встречаются комплексы целых сосудов, группирующихся у печей, что для землянок является большой редкостью.

Все перечисленные различия между основными категориями археологического материала из землянок и площадок нельзя относить за счет кратковременных преобразований, последовавших, как полагают, за два строительных периода на одном и том же поселении. Здесь налицо та же по выразительности трансформация культурного облика, которая наблюдается, например, между этапами В-II и С-I в Поднепровье.

Итак, сейчас можно четко разделить раннее Триполье на два этапа — А-I и А-II. К первому этапу (А-I) относятся раннетрипольские памятники с земляночным типом жилых сооружений и некоторыми другими признаками в облике культуры — Лука-Врублевецкая, Ленковцы (нижний горизонт — землянки), Берново-Лука, Городница (нижние горизонты — землянки), Сабатиновка (нижний горизонт — землянки), возможно Борисовка (землянки), Печеры на Южном Буге (землянка), возможно Красноставка (землянка). Ко второму этапу (А-II) — раннетрипольские памятники с еще примитивными глинобитными, наземными

ными сооружениями (площадками) — Ленковцы (верхний горизонт — площадки), Городница (верхний горизонт — площадки), Лука-Устинская (площадки), Солончены (площадка), Голерканы (площадки), Сабатиновка II (площадки), Греновка (площадки), Данилова Балка (площадка), Александровка (площадки), Красноставка (площадки), Карбун (площадка). Не ясен в смысле уточнения времени существования докукутенский слой Извоара 1, 2. В нем не встречено площадок, и Р. Вульпе предполагает наличие в этом слое домов, сооруженных из самана. Не исключено, что такой вывод является следствием несовершенства методики раскопок в Извоаре. Выявление углубленных в землю жилищ, особенно полуземлянок, с помощью шурфов менее надежно, чем площадок. По облику остатков культуры и стратиграфическому положению слой Извоара 1, 2 следует относить к Триполью А-I.

Помимо двух выделенных этапов в раннем Триполье, как будто намечается перспектива установления и третьего этапа — А-III. В этот этап, возможно, войдут памятники типа Сабатиновки I, площадок на поселении Березовской ГЭС и нижнего слоя Поливанова Яра, где проявляется больше сходства с раннетрипольскими памятниками типа А-I, чем с развитым Триполье м типа В-I.

Аналогичную картину расчленения на два хронологических этапа можно привести и для памятников типа Гумельницы (Алдень II), распространенных в междуречье Днестра и низовий Дуная. Здесь известно более десяти поселений этого типа, причем на некоторых из них велись стационарные раскопки (Озерное, Болград, Вулканешты).

Т. С. Пассек и Е. К. Черныш, более всех сделавшие для изучения памятников типа Гумельницы, определили примерную границу между гумельницкими и раннетрипольскими племенами на юго-западе СССР. Они же установили общность многих культурно-исторических элементов у тех и других племен. Т. С. Пассек и Е. К. Черныш, отмечая большую близость глинобитных площадок поселений Болград и Вулканешты с Триполье м, сообщают, что «все приемы строительства его (глинобитного дома.— *С. Б.*) совпадают с известными в трипольской культуре», или «в памятниках Гумельницы, расположенных по соседству с трипольской культурой на левобережье нижнего Подунавья, тип жилищ оказался чрезвычайно близок к трипольским глинобитным домам». Исследователи полагают, что глинобитное строительство домов у гумельницких племен было результатом заимствования у трипольцев. Кроме того, Т. С. Пассек и Е. К. Черныш установили и другие факты, подтверждающие взаимоотношения между гумельницкими и раннетрипольскими племенами — проникновение плоских костяных антропоморфных фигурок гумельницкого типа до Сабатиновки II, общие черты

в керамическом производстве. В частности, они приводят наблюдение, что «только в раннетрипольских поселениях и ранних поселениях культуры Гумельницы широко распространена хорошо лощеная посуда, покрытая каннелюрами. Из всех племен, живших по соседству с трипольскими, кроме племен Гумельницы, такой посуды ни у кого не было». Примеры эти можно умножить и показать, что многие черты являются общими для памятников раннего Триполья и Гумельницы. В обоих типах памятников встречаются одинаковые приемы обработки кремня, основанные на выработке призматических пластинок как ведущей формы заготовок. Набор кремневых орудий включает концевые скребки, сверла, пластинки с угловой заполировкой (вкладыши для серпов), т. е. общие для обоих типов памятников формы кремневого инвентаря. Каменный инвентарь в раннетрипольских и гумельницких поселениях изготовлялся из мягких пород камня и типологически близких форм. Наблюдается общность некоторых типов посуды — горшочков, мисок и деталей орнаментики (употребление мелкозубчатого штампа и т. п.). Должны быть отмечены общие черты и в коропластике, где господствует образ женщины, причем статуэтки разделяются на неорнаментированные и украшенные врезным узором. Даже в очень еще незначительном использовании меди в быту и в производстве (в Болграде найдено медное колечко и четырехгранное в сечении шильце) проявляются признаки одинакового уровня развития раннетрипольских и гумельницких племен. Другими словами, сходство между раннетрипольскими и гумельницкими памятниками так велико, что позволяет говорить не столько о стадиальном соответствии между ними и простых соседских связях, сколько о родственных взаимоотношениях и синкретичности культур. Т. С. Пассек и Е. К. Черныш, основываясь на типологических различиях в керамике из трех обследованных поселений культуры Гумельницы, располагают их в следующем релятивно хронологическом порядке: Озерное — Болград — Вулканешты соответственно этапу А — В-I Триполья.

Однако вслед за этим общим построением оказывается возможным более детализированное хронологическое расчленение гумельницких памятников. Подобно тому, как шел процесс перехода раннетрипольской культуры этапа А-I и А-II, отмеченный таким принципиально важным признаком, как смена форм домостроительства, такой же процесс происходил и в культуре Гумельницы на юго-западе СССР. На гумельницких поселениях, располагающихся на таких же уровнях рельефа, как и раннетрипольские, тоже разысканы землянки и остатки глинобитных наземных построек (площадки). На поселении у с. Озерное Одесской области прослежена четкая стратиграфия в залегании землянок под площадкой. Исследователи установили здесь три строительных периода: 1) ямы-землянки, 2) горизонт расположения

«ровным слоем» зернотерок, сосудов и пр., 3) горизонт с глинобитной постройкой. Е. В. Бесфамильная приводит данные о поселении у Болград, на берегу оз. Ялпух, где обнаружены землянки и площадки.

Нужно прежде всего отметить определенное сходство конструкций у гумельницких и трипольских землянок этапа А-I. В обоих случаях землянки состоят из сгруппированных комплексов очажных ям, объединенных, вероятно, под одной крышей. Глинобитные площадки по архитектуре и использованному для возведения их строительному материалу аналогичны трипольским площадкам.

Таким образом, положение площадок над землянками и конструктивное тождество гумельницких и раннетрипольских землянок и площадок не вызывают сомнений.

Уже само по себе расположение землянок и площадок в Озерном указывает на разновременность двух типов жилищ. Эти различия еще больше подчеркиваются материалами, собранными в землянках и на площадках. Описывая материал поселения у с. Озерное, исследователи различают керамику из землянок и площадок: «уже при предварительном ознакомлении с ней (керамикой.— *С. Б.*) заметно преобладание в окраске посуды с площадки более светлых тонов (желтых), а из землянки — темных (серых, черных). Кроме того, следует отметить большую развитость форм посуды с наземных жилищ». Все изложенное целиком соответствует тому, что наблюдалось и на раннетрипольских памятниках этапов А-I, А-II. Очень вероятно, что гумельницкие землянки будут соответствовать по времени Триполью А-I, а площадки — этапу А-II. В целом же культуру Гумельницы юго-запада СССР следует рассматривать, как культуру смешанного типа — Триполья А-I и А-II и собственно Гумельницы. Таким образом, культура Гумельницы (Алдень II) в междуречье Днестра и низовий Дуная представляется как периферийный смешанный вариант культуры Триполья А и Гумельницы, т. е. двух соседствующих, родственных культур.

Сказанное о двухслойности памятников культуры Гумельницы на юго-западе СССР нуждается в дальнейшей конкретизации, в том числе в наименовании отдельных фаз. Е. Комша верно подметил своеобразие выделенной им культуры Алдень II, отличающейся и от культуры классической Гумельницы. Он говорит о двухэтапности в развитии этой культуры (фаза Стойкани и фаза Дрэгунэшты — Текуч) и устанавливает основные культурно-исторические слагаемые, приведшие к образованию культуры Алдень II. Главные элементы, участвовавшие в сложении культуры типа Алдень II, по мнению Е. Комши, состоят из Гумельницы А-I (по Берчу), слившейся с элементами протокукутенского типа (для поздней фазы Алдень II), а для ранней культуры — Петра — Рареш с докукутенской (Ларга-Жижия и фаза

Извоара). Нечто подобное действительно наблюдается в так называемых гумельницких памятниках юго-запада СССР, однако с более подчеркнутыми признаками участия в сложении их раннетрипольской культуры.

Таким образом, раннеземледельческо-скотоводческая культура на юго-западе СССР, занимающая площадь между Днестром и низовьями Дуная, прилегающая к Северо-Западному Причерноморью, является культурой синкретичной. Памятники этой культуры хронологически разделяются на два отчетливо прослеживаемых этапа. Первый этап культуры связан с сооружениями жилищ земляночного типа и соответствующим обликом археологического материала, содержащегося в землянках, второй этап — с постройкой глинобитных наземных жилищ со специфическими чертами археологического инвентаря. Оба типа памятников расчленяются и стратиграфически.

Следовательно, предложенное Т. С. Пассек и Е. К. Черныш хронологическое членение памятников культуры Гумельницы на юго-западе СССР, в частности сопоставление их с этапом А Триполья, нуждается в уточнении. Они должны рассматриваться в рамках двухэтапного хронологического разделения, так же как рассмотрена принадлежность раннетрипольских памятников. Что касается отнесения гумельницких поселений юго-запада СССР к этапу В-I, как предлагают Т. С. Пассек и Е. К. Черныш, то этот вопрос требует дополнительных доказательств. Не исключено, что тот самый поздний гумельницкий комплекс поселения Вулканешты со сложной конструкцией глинобитного пола, оставленный, как и многие раннекукутенские поселения, внезапно, и с иной, чем в Болграде, более совершенной керамикой, орнаментированной многоцветной росписью, и будет представлять протокукутенскую культуру. Комплекс этот, возможно, окажется синхронным Кукутени А-I или Сабатиновке I. Время его бытования можно сопоставить с заключительной фазой Триполья А-III или с переходным периодом к В-I.

Принимая во внимание, что раннеземледельческо-скотоводческие памятники, именуемые на юго-западе СССР гумельницкими, или Алдень II, представлены комплексами археологических материалов, отличающимися от памятников собственно Гумельницы, а по ряду признаков и от раннетрипольских и Алдень II, их следует выделить в особую культурно-историческую группу.

Желательно сохранить за ними название культуры по местонахождению у Болграда и именовать культуру этих племен — болградская I и болградская II в соответствии с залеганием культурных слоев, представленных в Озерном и других памятниках землянками и площадками и содержащих разновременные археологические комплексы.

I

Е. К. Черныш

ОРУДИЯ ТРУДА ТРИПОЛЬСКИХ ПЛЕМЕН

Поселения и могильники племен трипольской культуры, населявших в IV—III тысячелетиях до н. э. Северо-Западное Причерноморье, изучены довольно хорошо. Среди многочисленных предметов, найденных при раскопках, значительную группу составляют орудия из камня, кости и других материалов. Набор и характер этих инструментов позволяет составить представление об уровне развития экономики трипольских племен.

Первый перечень и краткое описание изделий из камня, кости и металла с трипольских поселений сделал Ф. Волков в 1900 г. в отчете на Международном археологическом конгрессе в Париже. С тех пор время от времени в археологической литературе появлялись небольшие статьи об отдельных типах орудий, а в последнее время и о мастерских по их изготовлению (О. Кандыба, С. Н. Бибиков, Т. С. Пассек, С. А. Семенов и др.). Единственной сводной работой об орудиях труда трипольской культуры в целом до сих пор остается монография Б. Л. Богаевского «Орудия производства и домашние животные Триполья», изданная в 1935 г. За истекшие годы в музеях Украины, Молдавии, Румынии и Польши накопился обширный материал из хорошо документированных памятников. Исследование его позволяет создать классификацию орудий и проследить эволюцию изделий каждого типа на протяжении всей трипольской культуры.

Работы последних лет свидетельствуют о том, что трипольским племенам на территории Северо-Западного Причерноморья предшествовали земледельческие неолитические племена бугодністровской культуры (некоторые фазы которой соответствуют культуре Криш). У местных неолитических племен в раннетрипольских поселениях найдены многочисленные, уже вполне сложившиеся типы орудий для ведения различных отраслей хозяйства. Все дальнейшее развитие трипольских орудий сводилось к их усовершенствованию по мере возрастания техники обработки камня, вызванной насущными потребностями хозяйства.

В поселениях раннетрипольского времени обнаружены наборы инструментов для самых различных отраслей хозяйства.

Инструментами для изготовления орудий являлись: каменные и кремневые отбойники (часто из использованных нуклеусов), роговые отжимники, кремневые ретушеры (иногда из использованного нуклеуса), кремневые резцы для работы по кости, рогу, дереву, шлифовальные камни для полировки топоров и других инструментов, точильные камни.

Деревообделочные инструменты: топоры, долота и тесла из мягких пород камня, от миниатюрных — величиной в 5—6 см до огромных — длиной в 17—18 см (в меньшем количестве эти же инструменты делались из кости), кремневые сверла, кремневые скобели. Очень редко встречаются медные долота и топоры.

Охотничьи и рыболовные принадлежности и оружие: кинжалы костяные и роговые, кремневые ножи для вспарывания и разрезания шкур, кремневые наконечники копий, дротиков и стрел, боевые каменные сверленые топоры, костяные замки от капканов, рыболовные крючки костяные и медные, глиняные грузы для сетей, костяные наконечники острог, роговые гарпуны.

Инструменты для обработки земли: роговые кирки и мотыги.

Для срезания растений — жатвенные кремневые ножи и составные серпы с небольшими кремневыми зубцами-вкладышами.

Для растирания зерна — каменные зернотерки (часто нижний камень имел ладьевидную форму).

Инструменты для выделки шкур животных: кремневые ножи, скребки, костяные лощила.

Инструменты для плетения и вязания; костяные иглы и спицы, костяные кочедыки.

Предметы, связанные с изготовлением одежды: пряслица из глины от веретен, глиняные грузы вертикального ткацкого станка; костяные шилья и кремневые проколки с тонким жальцем для проделывания отверстий в шкурах при сшивании их.

Инструменты для изготовления керамических изделий: кремневые песты для дробления примесей к глине (шамот), гальки для лощения, штампы из кости, рога, раковины для нанесения гребенчатого штампа и костяные лопаточки для прочерчивания углубленного узора, каменные терки с курантами для растирания красок.

Набор инструментов свидетельствует о сложившемся земледельческо-скотоводческом хозяйстве, в котором большую роль продолжали играть охота и рыболовство.

Эволюция орудий стимулировалась нуждами экономики. При сопоставлении отдельных видов инструментов различных этапов трипольской культуры можно проследить, какие из них были наиболее усовершенствованы в самом начале расцвета трипольской культуры (этап В-I, по классификации Т. С. Пассек, или время Кукутени А). Это был период, когда трипольские племена переходили к сооружению крупных поселков, состоящих из больших глинобитных домов. Поселения раннетрипольского времени со-

стояли в большинстве случаев из землянок или полуземлянок; позднее наряду с ними стали сооружать еще очень примитивные дома с земляным и глинобитным полом. Среднее число землянок и наземных домов в таких поселках не превышало 20. В период расцвета Триполья в поселках насчитывалось иногда по нескольку сотен крупных глинобитных домов, на постройку которых требовалось большое количество дерева. Строительство землянок и полуземлянок в это время почти прекращается. Это отразилось и на внутреннем убранстве жилищ. Очевидно, с распространением глинобитных домов распространяется и деревянная мебель. Интересно, что в жилищах раннетрипольского времени (и в землянках, и в глинобитных домах) глиняные идолы сидели на плоских тронах со спинками, но без ножек. В период развитого Триполья они восседали уже на стульях и тронах с узорчатыми спинками и на четырех ножках. Вероятно, в домах в это время были и столы, и скамеечки, и лавки, и полки, и прочая мебель.

Топоры, долота и тесла из мягких пород камня продолжали существовать наряду с кремневыми на протяжении всей трипольской культуры. Они не претерпевали существенных изменений, а кремневые топоры все время совершенствовались: контуры делались более четкими и увеличивалась площадь полировки. Дальнейшее развитие кремневые топоры получили в бронзовом веке, когда стали полностью отшлифовываться боковые их плоскости.

По мере развития техники обработки кремня инструменты, которые изготовлялись из пластин и отщепов, делались все крупнее, а ретушь значительно ровнее. Это относится к таким инструментам, как ножи, скребки, сверла, вкладыши серпов. В позднетрипольское время величина некоторых орудий в два-три раза превышала размеры таких же инструментов раннетрипольского времени. К позднему Триполью выработались и более стандартные формы орудий. Это можно проиллюстрировать на примере серпов. В раннетрипольское время насчитывается до семи вариантов вкладышей, вставлявшихся в деревянную оправу (контуры ее хорошо видны по линии заполировки кремневого вкладыша). Некоторые из них надо считать жатвенными ножами, как определил С. А. Семенов, другие — зубцами составного изогнутого серпа. Постепенная эволюция этих инструментов и стандартизация размеров и форм привела к тому, что в позднетрипольское время в употреблении остались два близких между собой типа крупных тонких пластин, длиной в 15—20 см с острым отретушированным лезвием, выступавшим из оправы на 0,3—0,8 см.

Наименее существенные изменения наблюдаются в формах оружия из камня и кости. При сравнении кремневых наконечников стрел и копий следует отметить только то, что к позднетри-

польскому времени ретушь на них становится более ровной, а преобладающей формой делаются наконечники с выемкой в основании. В раннее время преобладали наконечники с плоским и даже с выпуклым основанием, они доживают до конца Триполья, но в небольшом количестве. Это вполне естественно, так как охотничье оружие и рыболовные снасти были усовершенствованы уже в период неолита и при той технике обработки материалов, которой владели трипольские племена, существенных изменений претерпеть не могли.

Что касается боевых сверленых каменных топоров, то по мере усовершенствования техники обработки твердых пород камня возникали новые формы, существовавшие наряду с древними. Прекрасно отполированные топоры с плечиками и нервюрами появились на этапе В-I, но развились и распространились лишь в позднетрипольское время.

Костяные и вырезанные из рога кинжалы в процессе эволюции существенных изменений не претерпели. В большинстве случаев они изготовлялись из расколотой трубчатой кости, и острый конец хорошо пришлифовывался. Лишь в районе Среднего Поднестровья под влиянием распространившихся к позднетрипольскому времени бронзовых кинжалов возник тип плоских костяных кинжалов (иногда с нервюрами) с резной рукоятью, напоминающей стилизованные костяные изображения трипольских идолов. Это — местный вариант кинжалов, не известный в других районах.

Существование местных вариантов различных изделий позволяет выделять отдельные группы трипольских поселений и могильников, соответствовавших различным племенам. С развитием экономики между этими племенами налаживался и расширялся обмен: например, из мастерских по обработке кремня на Среднем Днестре законченные изделия и заготовки их распространялись по всей территории трипольских племен, вплоть до Днепра. Нужда в хорошем кремне была велика. Очевидно, из-за отсутствия его в Поднепровье население было вынуждено изготовлять деревообрабатывающие инструменты из кости и рога, чего не делало население Поднестровья. Богатые и легко доступные для добычи залежи хорошего кремня на Днестре привели к тому, что трипольское население этого района стало специализироваться на производстве кремневых инструментов и сбывать его остальному населению. Петрографический анализ, произведенный геологом В. Ф. Петрунем, подтвердил существование такого обмена Днестра с Южным Бугом даже в раннетрипольское время. Развитие обмена с соседними племенами трипольской культуры заставило владельцев мастерских на Днестре расширить район добычи кремня. Судя по карте размещения поселков на различных этапах развития трипольской культуры, именно жители Среднего Поднестровья одними из

первых начали расширять территорию своих владений. Они продвинулись вверх по Днестру, а несколько позднее и на Горынь, где также наладили добычу и обработку высококачественного волынского кремня.

Сравнительно недавно начал изучаться вопрос об изготовлении кремневых орудий трипольскими племенами. Сейчас этот процесс представляется нам следующим образом. Добыча кремня производилась в местах его выходов в оврагах, например, в Поливановом Яру (с. Молодово Черновицкой области, где Т. С. Пассек впервые обнаружила трипольскую мастерскую). Обычно на мысу между оврагами (если поселок был далеко) или в поселке (если он был основан у выходов кремня) устраивалась обширная общественная мастерская. На площади ее производилось изготовление грубых заготовок и нуклеусов. Бракованный материал и обломки кремня вместе со сломанными заготовками орудий из года в год накапливались в этом месте. Пригодные для дальнейшей обработки заготовки уносились в помещение. Кроме заготовок и орудий, идущих на обмен и являвшихся достоянием всех жителей поселка, многие заготовки выделывались жителями для личного пользования. Поэтому в жилищах имеются определенные рабочие места для дальнейшей обработки всевозможных изделий из кремня. На этих участках в огромном количестве скопились осколки кремня, испорченные пластины и отщепы, и чешуйки, отскочившие от кремневого изделия во время нанесения ретуши. Небольшие запасы сырья и участки, на которых выделывались инструменты, имеются в жилищах еще раннетрипольского времени, но крупные общественные мастерские известны лишь с периода расцвета культуры (этап В-I), когда у трипольских племен вошли в обиход кремневые топоры.

Весь комплекс орудий указывает на продолжающееся у трипольских племен развитие неолитических традиций обработки камня и кости. Начавшееся в то время развитие металлургии не оказало большого влияния на общий характер индустрии трипольских племен. В поселениях раннетрипольского времени найдено не много кованых медных изделий (шилья, рыболовные крючки, реже долота и т. п.). В поселениях периода расцвета трипольской культуры медных изделий больше. Металлургия в это время делает значительный шаг вперед: у трипольских племен появляются сплавы и литье. С этого времени повсеместно распространяются не только мелкие изделия, но и крупные: ножи, кинжалы, плоские и проушные топоры. Наибольшее количество вариантов металлических орудий встречается в самом конце существования трипольских племен, в период ранней бронзы.

Изучение трипольских металлических изделий в последние годы Н. В. Рындиной и Е. Н. Черныхом позволило перестать счи-

тать трипольскую металлургию примитивной и проследить эволюцию и этой отрасли хозяйства.

По орудиям трипольских племен можно судить не только об уровне развития их хозяйства. Они отражают, кроме того, и особенности отдельных племен. Выделение комплексов орудий каждого из этапов трипольской культуры позволяет проследить определенные закономерности в развитии индустрии. В настоящее время по сочетанию различных инструментов и по технике их обработки можно устанавливать относительный возраст отдельных поселений и погребений так же, как это делалось до сих пор с помощью керамики.

Б. А. Рыбаков

РЕЛИГИЯ И МИРОПОНИМАНИЕ ПЕРВЫХ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

(IV—III тысячелетия до н. э.)

1. Анализ первобытного матриархального искусства очень важен для понимания всей истории религии. Особый интерес представляет тот коренной переворот в мировоззрении первобытных людей, который был вызван переходом от охоты к земледелию, от присваивающего хозяйства к производящему.

В священных гимнах Ригведы, в Авесте и во всем индоевропейском фольклоре уцелели фрагменты туманных и давно забытых представлений первых земледельцев о строении мира и о силах, управляющих им. Но эти представления перепутаны с позднейшими напластованиями, и датировать наиболее архаичные пласты очень трудно. Относительно Ригведы расхождения ученых в датировке первоосновы доходят до огромной цифры — в 3000 лет.

Единственным путем к познанию первоначальной сущности и дальнейшей эволюции первобытного мировоззрения является изучение богатых и ярких археологических материалов того времени, когда зарождалось и развивалось земледелие, т. е. эпохи неолита и энеолита (V—III тысячелетия до н. э.).

Доклад ставит своей задачей посильную расшифровку сюжетов пластики и росписи земледельческих племен юго-востока Европы и выявление глубоких корней той земледельческой идеологии, которая в дальнейшем послужила основой так называемых мировых религий.

Широким фоном являются археологические культуры Дуная, Балкан и Украины, а основой более детального анализа — трипольская культура, самая богатая в Европе предметами искусства.

2. Первые земледельцы Европы оставили как бы два разных вида искусства, на первый взгляд резко разнящихся один от другого. Во-первых,— это многообразный мир глиняных пластических изображений, воспроизводящих в миниатюре жизнь неолитических людей. Здесь изображены дома с затейливой рос-

писью стен, круглыми окнами, двускатными крышами. Иногда дом показан в разрезе и видна печь, крестообразный жертвенник и посуда на скамьях. Есть глиняные изображения плетеных телег, в которых увозили снопы с поля, и «кошей» — корзин для зерна.

Неисчислимы скульптурные изображения женщин в самых разных видах. Одни из них показаны растирающими зерно, другие — просто сидящими на небольших стульчиках, третьи — в позе адорации. Часты изображения беременных женщин. В подавляющем большинстве женские фигурки связаны с ритуалом; они обнажены, нередко их тела покрыты магической татуировкой, иногда они держат в руках священные сосуды. Кроме женщин, выполняющих магические обряды, в неолитической пластике встречаются и богини, выполненные в более условной манере.

Вторым разделом земледельческого искусства является орнамент на керамике. Сосуды для воды и зерна использовались как поверхность для создания сложнейших композиций. Разгадке их и посвящено дальнейшее изложение.

Следует оговориться, что изолированное рассмотрение какого-либо одного элемента всегда сопряжено с возможностью ошибки. Необходимо рассмотреть весь комплекс, всю систему представлений для того, чтобы гармонией целого проверять построение отдельных частей.

3. Проникать в сложный и загадочный мир религиозно-магических и космогонических представлений земледельцев эпохи матриархата нам поможет образ женщины. Нить Ариадны окажется в руках тех неолитических статуэток, которые в глазах первобытных людей символизировали важнейшую и таинственную часть земледельческого процесса — размножение зерна. Женский образ был символом земледелия, плодородия. Женщина, «понесшая во чреве своем», уподоблялась земле, точнее вспаханному полю, в которое брошены семена.

Важную роль в искусстве первых земледельцев играли реальные семена древнейших злаков — пшеницы и ячменя.

С. Н. Бибиков установил, что раннетрипольские ритуальные женские статуэтки лепили из глины с добавлением муки и зерен. Установлено (наблюдения А. А. Бобринского), что орнамент на сосудах гумельницкой культуры образован отпечатками настоящих зерен. Зерна злаков применялись и в орнаментике эпохи бронзы (Закавказье).

Очень вероятно, что точечная пуансонная техника орнаментации, известная уже в самых ранних неолитических земледельческих культурах, а впоследствии ставшая господствующей во многих местах, является или такими же отпечатками подлинных зерен пшеницы и ячменя, или умелым воспроизведением таких отпечатков. Если это так, то мы должны как бы удвоить магическое значение такого «зернового» орнамента; во-первых,

самый способ выполнения орнамента был связан с магией плодородия, а во-вторых, магический смысл мы вправе искать и в сюжетах, исполненных зерновой или псевдозерновой техникой.

Смена на этой территории в бронзовом веке зерновой техники отпечатками веревки (шнуровая керамика) свидетельствует о перемещении внимания от зерен хлебных злаков к стеблям волокнистых растений (льна, конопли), что может быть связано с новым более подвижным бытом. Но и в этом случае орнаментика связана с растениями.

4. В трипольском орнаменте часто встречается изображение семян, лежащих в земле между двумя горизонтальными линиями, изображающими почву, или под маленьким куполом. Иногда на семена направлены струи дождя, а сами зерна показаны прорастающими. Поверхность земли иногда показана вспаханной или поросшей молодой зеленью. Иногда на ней рисуются условные растения.

Особый интерес представляют схематичные изображения поля. Это четырехугольники или ромбы, всегда поставленные углами вверх (т. е. так, как видит поле земледелец, находящийся на его краю, в углу). Иногда такой ромб густо покрыт зерновыми ямками, но чаще бывает заштрихован вдоль и поперек, т. е. так, как обрабатывается поле: пашется в одном направлении, а боронуется в перпендикулярном.

На керамике тех областей, где существовало ирригационное земледелие, такие заштрихованные ромбы-поля обычно бывают со всех сторон окаймлены волнистой линией воды — каналов (например, в Средней Азии).

Ромбы-поля можно назвать пиктограммой, довольно реалистично воспроизводящей вспаханное и засеянное поле. Земледельцы энеолита перешли уже к идеограммам, выражая идею засеянного поля незаштрихованным квадратом, или ромбом с точкой (семенем) посредине, или большим квадратом, разделенным крестообразно двумя линиями на четыре квадратика, каждый с точкой (семенем) в центре. Эта идеограмма прошла через шесть тысячелетий, встречаясь в самых разнообразных культурах, и дожила до XX в. н. э., например в русской свадебной женской одежде.

Начиная с неолита в орнаментике прочно утверждаются крест и крестообразные композиции. Крест обычен на ритуальных сосудах, крест изображался на солнечном диске, крестообразны трипольские жертвенники, строго ориентированные по всем четырем странам света. Надо полагать, что фигура четырехконечного креста и устойчивость четырехчастных композиций в орнаменте связаны, во-первых, с повседневной практикой земледельцев, обрабатывающих свои поля крест-накрест, а во-вторых, с появлением понятия основных географических координат: полдень — полночь, восход — заход. Именно поэтому крест оказался в орнаменте на солнце, основном определителе стран света. Впоследствии к этому добавилось представление о четырех фазах солнца, игравшее важную роль в годичном ритуальном цикле.

Четырехчастность композиций, стремление расположить основные элементы по четырем сторонам предмета встречаются на протяжении всех последующих тысячелетий как проявление желания обезопасить «со всех четырех сторон» или обеспечить такое же всестороннее распространение благ.

5. Прямая ассоциативная связь рождения урожая землей («земля уродила...») с рождением ребенка женщиной нашла широкое отражение в пластике, графике и росписи неолита и энеолита. Магия плодородия полей была тесно переплетена с магией человеческого плодородия вплоть до XIX в. н. э., когда фаллические обрядовые действия производились непосредственно на вспаханном поле. В символике неолитического искусства фаллического элемента еще нет. Здесь все матриархально: часто изображались беременные женщины, на животах женских статуэток то оттискивали (или втыкали) зерно, то изображали спелый колос, то писали традиционную идеограмму обсемененного поля — четырехчастный квадрат с четырьмя точками-зернами. Идеограмма поля входила нередко в состав татуировки на чреслах женщин.

Большой интерес представляет найденный в Подбабе (Прага) сосуд ленточного типа с изображением трех сидящих фигур с поднятыми руками. В отличие от большинства исследователей, называющих эти фигуры лягушками, следует вслед за Ю. Неуступным трактовать их как изображения женщин в процессе родов. В сильно стилизованном виде подобные изображения есть и на других сосудах этой культуры. На следующем же этапе точечно-зерновой керамики этот мотив становится господствующим. Обычно художники изображали только нижнюю часть женского тела, иногда обозначая рельефом и рождающееся существо.

Сложная композиция с роженицей в центре представлена на уникальном сосуде из Стрелицы (Моравия), где наряду с человеческими фигурами (одна женская и три мужских) той же зерновой техникой изображена ромбическая идеограмма, правильно расшифрованная А. К. Амброзом как знак плодородия. Идея земли, отождествляемой с роженицей, здесь подчеркнута четырьмя рельефными человеческими ступнями. В верхней, «небесной» части вылеплены четыре фигурки быков.

На этом сосуде конца III тысячелетия до н. э. есть все атрибуты христианской легенды о рождении Иисуса: быки в яслях, рожающая женщина и трое мужчин в позе адорации (волхвы). Нельзя не вспомнить, что в позднейшем славянском фольклоре божества плодородия назывались «рожаницами», т. е. рождающими женщинами, и культ их сливался с культом богородицы. Все это подтверждает давно известную по фольклорным данным тесную связь представлений о плодородии земли с плодородием женщины.

6. После комплекса «семя—поле—женщина» рассмотрим другой важнейший элемент древнего мировоззрения, повлиявший на религиозные представления всех последующих эпох. Это — вода и связанные с ней магические обряды. Отношение к воде, без которой немыслимо земледелие, было разным у племен, знавших искусственную ирригацию, и у племен, зависевших только от дождей. В первом случае, как это было на Востоке, вода, прорытие каналов и распределение воды становятся фактором социальных отношений, в малой степени влияя на формирование религиозных представлений.

Неолитические земледельцы Европы в своем большинстве не знали искусственного орошения, созданного руками человека, и поэтому находились в полнейшей зависимости от природы. После вспашки земли и посева семян древний земледелец вынужден был с тревогой смотреть на небо и на протяжении трех месяцев вызревания урожая дожидаться дождя в благоприятное время.

Вегетативный период древнейших злаков — пшеницы и ячменя — равен трем лунным месяцам. Быть может, троекратное повторение фигуры рождающей женщины на сосуде из Подбабы является отражением трех календ троекратных молений, обращенных к трем «лунам».

Не отсюда ли идет архаичное представление о трех богинях, присущее самым различным земледельческим племенам Европы? Три грации Гесиода первоначально были тремя богинями плодородия. Три богини, спорившие о первенстве на горе Иде, почти в равной мере были связаны с основой земледельческого культа. Гера — повелительница туч, дарующая людям урожай. Афина — также в основе своей повелительница туч и богиня плодородия. Афродита — тоже первоначально богиня плодородия и тоже связана с небом (Афродита Уранос).

Первобытный земледелец, в отличие от Париса, не отдавал предпочтения ни одной из богинь, а, очевидно, чествовал их по очереди в апреле, мае и июне, стремясь выпросить у них небесную воду, обеспечивающую урожай.

Устойчивость тройственного женского образа в древнем земледельческом искусстве, вероятно, связана с тремя месячными празднествами в честь покровительниц плодородия.

Образ трех женских божеств лишен, однако, черт великих небесных богинь. Легче всего его сопоставить с грациями-харитами, находившимися в свите Афродиты или Диониса. Быть может, они действительно являлись нимфами тех трех весенне-летних месяцев, когда происходило рождение урожая?

Моления о небесной воде, судя по историческим и этнографическим данным, производились всегда около земной воды: у ручья, у «святого» озера, у родника. Естественно, что посуда, предназначенная для воды, должна была нести на себе орнамент, семантически связанный с водой. Многообразие форм такого орнамента очень велико: вода изображалась волнистой линией, зигзагом, меандром, линией точек-капель. Дождь изображался вертикальными волнистыми линиями, косыми параллельными линиями, вертикальными рядами капель.

Тучи и облака в трипольском орнаменте рисовались в виде рядов черных, обращенных вниз полукругов (тучи?) и гирлянд,

образованных дугами, тоже обращенными вниз (облака?), расположенных в верхней части рисунка.

Некоторые сосуды дают нам почти реалистическое изображение дождя: наверху черные полукруглые тучи; от них идут косые полосы дождя; внизу на холмиках земли растут ожидающие этого дождя растения. Иногда дождь как плодоносящая влага показан падающим не только на растения, но и на животных.

Очень часто в керамике самых различных культур в верхней части сосуда, над всеми изображениями видна волнистая линия. Это, очевидно, следует понимать как небесную реку, запасы небесной воды, из которой тучи берут воду для дождя.

В древнейшей орнаментике солнце, в противоположность воде, не играет самостоятельной роли в орнаментальных композициях.

7. Основными символами воды в древнейшем искусстве являлись змея и женская грудь, точнее грудь небесной богини, напояющей землю своим молоком-дождем.

Связь змеи с водой непосредственная: змеи гнездятся у воды, обязательно выползают на поля после дождя. Культ змей очень устойчив у многих народов. Чаще всего почитается уж, безобидная неядовитая змея, поедающая вредных грызунов. Ужи становятся почти ручными, их держат в домах, поят молоком и считают покровителями всего хозяйства, называя «ужом-господариком».

Змеи изображались на раннетрипольских сосудах как охранители их содержимого, обвивая места скрепления крышки с туловом сосуда. Следовательно, змеи считались добрыми божествами. На неолитических моделях домов змеи-охранители, нарисованные на внешних стенах, стерегут окна.

Связь ужа с дождем делала его как бы посредником между земной водой и небесной. Есть рисунки, изображающие поле с ростками, облака, собаку, стерегущую посевы, и змею, соединяющую землю с небом.

8. Самым важным в семантике змеиного орнамента являются клубки змей, сцепленные в непрерывный спиральный узор, опоясывающий весь сосуд. Ключом к разгадке является то, что на более поздних сосудах место свернутой в клубок змеи неожиданно занимает солнце. Прямой связи солнца со змеями нет.

Единственное, что может помочь в расшифровке данной группы сюжетов,— это строгая сезонность жизни змей: ровно полгода, от осеннего равноденствия до весеннего, змеи спят зимней спячкой, свернувшись клубками. Весною они выходят из гнезд и полгода живут на земле. Фольклор отмечает даже специальные праздники змеиной спячки и змеиного пробуждения.

Солнце и змеи объединены фактором времени; годичный цикл земледельца одинаково хорошо рассекается надвое и солнечными фазами и сроками перемен змеиной жизни. Только поэтому

и могла произойти такая неожиданная замена змеиного гнезда солнцем.

Змеиный орнамент появляется очень рано — в Каранове I, Бутмире, линейно-ленточной керамике, в раннем Триполье и т. п.— и широко распространен во всех земледельческих областях.

Спиральный (в основе змеиный) орнамент выражал одновременно несколько важных для первобытного земледельца идей: во-первых, идею земной воды, тех самых священных источников, около которых производились моления о дожде; во-вторых, идею небесной воды, самих дождей — ужи, расползавшиеся по земле после дождя, символизировали удачный результат молений. В-третьих, змеиные клубки выражали идею времени, смену зимы летом. В-четвертых, змеям приписывали охранительные функции (они охраняли зерно от мышей).

Динамичность змеиного узора подчеркивалась изображением соприкасающихся змей; иногда это две змеи, свернутые в спиральный клубок с прижатыми друг к другу головами, иногда это волнообразная ритмичная цепь змей, как бы ползущих одна за другой, огибающая весь сосуд. Иногда этот второй вариант превращается в меандр. Первый мотив архаичнее, а второй долговечнее; он выходит из рамок энеолита и широчайшим образом представлен в культурах бронзового и железного века. Устойчивость и повсеместность, вероятно, связаны с тем, что в такой непрерывной змеиной цепи слились понятия воды и времени, а это уже подводило к более отвлеченному и обобщенному понятию — «река жизни» или «житейское море».

Боковым ответвлением образа змеи является древний образ ящера, связанного с землей и водой, а тем самым и с идеей плодородия. В искусство и фольклор европейских племен ящер проникает позднее.

9. Большой интерес представляет сочетание змеиного узора с изображением женщины, наблюдаемое в пластике. Две змеи (иногда с выпущенным жалом) вычерчивались на животе или на бедрах статуэток; они охраняли чрево.

Некоторые трипольские статуэтки несут на себе более содержательный узор-татуировку: на животе изображалась идеограмма засеянного поля, а на груди — свернувшийся уж-охранитель, оберегающий на этот раз не живот, а грудь как источник питания (Кукутени).

Женская фигурка из Кукетени — это целая космогония. Женщина уподоблена вселенной: чрево, вынашивающее плод,— земля с посеянными в нее зернами, грудь — небо, питающее поля молоком дождя. Уж охраняет верхний ярус этой космогонической скульптуры, семантически связанный с небесной живительной влагой. На многих сосудах мы видим змей, как бы сосущих грудь великой небесной богини.

10. Потребность земледельческого хозяйства в небесной воде породила сложный и разветвленный ритуал вымаливания дождя у неба. Обязательной принадлежностью христианских молебнов о дожде являлся сосуд с освященной водой; эту святую воду разбрызгивали по полям, стремясь вызвать дождь. В неолитической и энеолитической пластике отражены многие формы молений о воде, заклинания воды в сосудах.

Известен целый разряд скульптур, изображающих группу из трех или четырех обнаженных женщин, вздымающих к небу сосуд. Сосуд иногда украшался крупными рельефными изображениями женских грудей, которые в этом случае, при наличии более мелких женских фигур, должны рассматриваться как груди какой-то богини, вероятно Небесной Матери, могущей даровать дождь из своих сосцов (Греновка).

Второй тип заклинания воды представляет статуэтка из Бечея (Югославия): на узорчатом стуле сидит обнаженная женщина, держа на коленях большую чашу, обращенную к небу. В трипольской пластике есть все элементы этой композиции: стульчики, фигурки сидящих женщин, уменьшенные пропорционально их росту расписные чаши и ковши с узорчатыми рукоятками (Незвиски).

Древнерусское наименование колдуньи — «чародейка» — обозначает магические манипуляции с широким большим сосудом (чарой). Такого типа сосуды применялись еще в XIX в. при новогодних гаданьях.

11. Сказанное выше дает право считать большие миски-чары ритуальными сосудами для священной воды. Это в свою очередь объясняет богатство и семантическую насыщенность орнаментики этих мис на Балканах и в Триполье. Орнамент расположен на внутренней поверхности, обращенной к небу, и содержит почти всегда по краю идеограмму облаков или туч.

Наиболее естественно подходить к расшифровке композиций с мыслью о том, что чаша воспроизводит небесный свод, но в очень условном понимании. В позднее время (I тысячелетие до н. э.) на подобных чашах давалась более реалистическая картина неба: по краям рисовали холмы с пашнями и растения (колосья), в центре — солнце, от него на поля спускались потоки дождей, а между холмами помещали три светила: солнце (еще раз), луну с перечеркнутым диском и небольшой кружок с точкой, обозначавший, очевидно, Венеру, почитавшуюся как покровительницу плодородия. В неоэнеолитическое время чаши украшаются более запутанными композициями. Здесь встречаются изображения луны, дождевых потоков, гигантского змея, огромного вымени (есть чаши с отростками-сосцами, воспроизводящими вымя) и разные формы четырехчастных композиций.

Одним из наиболее архаичных сюжетов, унаследованным от предшествующей стадии охотничьего хозяйства, следует считать

изображение двух стилизованных оленей, как бы мчащихся по небу в круговом беге; их тела переходят в дождевые потоки. Под телами оленей нарисованы холмики земли с заштрихованными верхом (пашни!). В индоевропейском фольклоре сохранились следы связи оленя с вызыванием дождя, а у охотничьих народностей Сибири зафиксирован ряд сказаний о том, что миром правят две небесные хозяйки — полуолени, полуженщины. Возможно, что в трипольской росписи отразились древние, еще мезолитические, представления. Культ оленя в раннем Триполье был сильно развит.

Представление о двух оленихах-важенках (у северных оленей они тоже рогаты) как хозяйках мира не единственный сюжет, унаследованный земледельцами от древней охотничьей эпохи. Самым архаичным элементом неолитического орнамента следует считать своеобразный ромбический меандр, не вытянутый в одну волнистую линию, а покрывающий всю поверхность сплошным меандровым узором. Он встречается в качестве фона на особых ритуальных сосудах (иногда с изображением сцены рождения богов), на стульях жрицчародеек, в татуировке женских статуэток.

В. И. Бибиковой удалось сделать замечательное открытие, определив происхождение палеолитического меандро-зигзагового узора из структуры дентина мамонтовых бивней. В то отдаленное время у охотников на мамонтов этот узор должен был выражать идею благополучия, силы, удачи.

Неолитические земледельцы мамонта не знали и бивней его не использовали. Удивительное совпадение меандрового узора разных эпох можно объяснить только предположив существование промежуточного звена, через которое передавался древний магический символ, на не дошедшем до нас материале, например на плетеных циновках или одеждах из лент коры. Именно рогожное плетение позволяло легко воспроизвести сложный меандровый узор. С появлением культа воды, графически выражаемого посредством клубка змей, угловатый меандровый узор в некоторых случаях стал сливаться со змеиным и приобрел округлость и плавность, характерные для спирального орнамента неолита. Старый ромбический меандр нередко утрачивал свою четкость и геометрическую правильность, превращаясь в беспорядочное нагромождение угловатых линий.

12. Рассматривая отдельные элементы раннеземледельческого орнамента, мы не раз ощущали за ними более широкую и стройную систему, охватывающую разные стороны вселенной, важные для выращивания урожая. Такая система действительно есть. Она ощущается в керамическом орнаменте разных культур уже в IV тысячелетии, но четче всего она выражена в росписи трипольских сосудов.

Обычным для этой росписи является членение орнаментируемой части сосуда на три горизонтальные зоны: 1) верхняя (обычно узкая) зона заполнена волнистой линией или зигзагом, реже — линией точек-капель; 2) средняя (наиболее широкая) зона заполнена обычно широкими светлыми изогнутыми лентами, круглыми знаками солнца и косыми полосами дождя и гирляндами облаков; 3) нижняя зона (узкая) ограничена двумя параллельными линиями, между которыми иногда помещаются

семена; поверх верхней линии иногда рисуют растения и помещают фигуры людей.

Эта трехъярусная схема является как бы вертикальным разрезом мира, где нижний ярус означает землю, средний — небо со светилами и облаками, а верхний ярус — «верхнее небо», находящееся за предполагаемой голубой твердью небесного купола, где должны быть запасы небесной воды, проливающиеся время от времени по чьей-то воле в виде дождя. Трехъярусная схема мира существует в двух вариантах, поздний вариант более понятный, ясный, но статичный, и ранний вариант, представляющий наибольший интерес.

Поздний вариант представлен трипольским сосудом из раскопок В. В. Хвойки (Киевщина). Запасы небесной влаги обозначены линией точек-капель у горловины сосуда. От нее свисают вниз три дугообразных облака. Земля традиционно показана узкой полосой из двух линий в широкой части сосуда. На земле растут огромные растения, доходящие вершиной до облаков. Посередине, между небом и землей, находятся три светила: солнце, луна (полумесяц) и звезда, очевидно Венера, игравшая важную роль в фольклоре как богиня ярой силы и плодородия.

Эта картина мира тождественна той, которая имеется на чаше из Силезии, с той разницей, что здесь дан вертикальный разрез, а на более поздней, лужицкой чаше использована сферическая поверхность.

Ранняя схема представляет философский интерес. Трехчленность мира выражена там более четко и определенно; «верхнее небо» с волнистой линией воды резче отделено от простого неба. От верхнего неба к земле идут широкие косые полосы с продольной штриховкой внутри. Их можно истолковать как дождь, падающий с неба.

Важной особенностью является то, что солнце здесь играет вспомогательную роль. Обычно трипольские художники рисовали четыре солнечных диска, связанные друг с другом широкими светлыми изогнутыми полосами. Это — знаменитый спиральный «облегающий» орнамент, идущий вокруг сосуда и образующий замкнутую непрерывную композицию. Светлые полосы идут снизу направо вверх так, как движется солнце по небосклону. В зените этих линий — солнечный диск, как бы отмечающий полдень. Светлая полоса от диска поворачивает направо вниз к закату, а там начинается уже новая полоса, отмечающая новый путь восходящего солнца.

Древним художникам удалось гениально выразить идею Времени, показав в непрерывном круговом рисунке на сосуде бег солнца, непрерывную смену одного дня другим.

Эта идея прочно владела умами первобытных земледельцев, нашедших для нее два выражения: во-первых, змеиный спиральный орнамент, связанный с тем, что змеи полгода спят, полгода

живут (в это время змеи ночью спят, свернувшись в спираль, а днем ползают), а во-вторых, изображение непрерывного бега солнца по небосклону, его восход, зенит и закат.

13. Трехчленное деление мира отражено в древнейших индоевропейских религиозных текстах — священных гимнах Ригведы.

Время их сложения, к сожалению, сильно колеблется, по мнению разных исследователей. Индийские ученые относят Ригведу к III тысячелетию до н. э., другие — к более позднему периоду.

Схема вертикального разреза мира в гимнах Ригведы такова: 1) «Свах» — верхнее небо с запасами воды; 2) «Бхувах» — «воздушное пространство» с солнцем, луной и звездами; 3) «Бхух» — земля, почва. Эта трехчленность существенно отличается от позднейшей, где небеса сливаются воедино, но зато появляется подземное царство Аида.

Для понимания идеологии земледельцев важно, что особо выделено придуманное ими (по незнанию механики образования дожденосных облаков) «верхнее небо», насыщенное водой.

Подземного мира, подобного Аиду, нет ни в трипольской росписи, ни в гимнах Ригведы в их древнейшей части. Вся картина мира ведической космогонии совпадает с трехчленным делением мира в древнейшем земледельческом искусстве. Роспись на трипольском сосуде — это гимн Ригведы, записанный на глине системой хорошо разработанных идеограмм.

Быть может, археология поможет индологам уточнить время если не кодификации гимнов, то, по крайней мере, возникновения тех представлений, которые сохранились во фрагментах в Ригведе. Разбираемая схема охватывает все земледельческие племена; трипольские варианты взяты лишь как наиболее полные и четкие.

14. Земледельческое искусство раскрывает перед нами не только представления древних пахарей о структуре мира, но и о силах, управляющих этим миром. Несмотря на большое внимание ко всему земному (семена, колосья, поля, женщина как символ плодородия), не подлежит сомнению, что главные силы природы первобытные земледельцы помещали на небе. К небу протягивали руки глиняные статуэтки, к небу, дарящему дождь, вздымали они сосуды.

Для земледелия без искусственного орошения дождь является основой урожая, основой жизни всех членов племени. Главным божеством мира должно быть то, которое может оросить засеянную землю дождем. Однако неолитические земледельцы были еще очень далеки от представлений о Зевсе, орошающем землю. В матриархальном обществе, у людей, ум которых был полон сопоставлений семени и земли с женщиной, и божество неба было женщиной. Ригведа сохранила имя этой верховной богини — это Адити, «Бесконечная», мать всех богов и всего мира.

Археологический материал различных культур V—III тысячелетий позволяет заглянуть в еще бо́льшую глубину, чем та, которую донесли до нас гимны Ригведы. Повсеместно во всех балкано-дунайско-днепровских культурах неолита и энеолита распространены сосуды с рельефным или графическим изображением четырех женских грудей. Они иногда заменяют собою (или соединяют с собой) четыре солнца в ритмическом спиральном орнаменте или совмещаются со змеиными спиралями. От них иногда исходят дождевые потоки.

Такое устойчивое и широкое бытование мотива четырех грудей заставляет предполагать наличие древних представлений о двух хозяйках мира. Эти две хозяйки вселенной древнее Адити; мы находим их в виде пережитка мезолитической старины на ритуальной чаше из Старой Буды с изображением двух самок оленя (об их поле свидетельствует специальный символ на подобной чаше), занимающих весь небосвод, но упирающихся ногами в землю. В мифах, известных этнографам, эти хозяйки неба и земли — полуолени, полуженщины. В неолитическом искусстве происходил перелом: двух хозяек мира изображали или важенками оленя или женщинами, но как символ того, что было важнее всего в образе небесных богинь — подательниц влаги,— изображали только груди.

Большие сосуды для зерна и ритуальные сосуды жертвенники на поддонах с самых ранних стадий земледельческого искусства обязательно украшены четырьмя сосцами двух матерей мира. Вполне возможно, что наиболее сложно расписанные большие сосуды с крышками и ушками для привязывания крышек наглухо, служили для неприкосновенного семенного запаса зерна. Ушки, выполнявшие роль замков, охранялись змеями и в то же время зачастую завершали собой рельефное изображение грудей. Предположение о семенном запасе подтверждается всем комплексом трипольской росписи: на сосуде-зерновике изображалось все, что могло обеспечить этим семенам хороший урожай: вселенная с небесной водой, солнцем и благодатными дождями, с землей, вынашивающей семена, и, кроме того, было изображено время, такой важный элемент земледелия. Весь комплекс выражал идею вселенной в четырех измерениях.

Антропоморфизация этих сложных представлений началась с изображения на сосудах символов двух богинь мира — четырех грудей. Если вспомнить о трехъярусном членении мира, то груди двух богинь придутся на средний ярус, тот, где находятся тучи, облака, солнце, откуда идет на землю дождь. Иногда рельеф груди совмещается с рисунком. Этот мотив очень устойчив в первобытном искусстве и доживает до бронзового века.

15. Изображения двух хозяек мира в пластике редки. К ним можно отнести женскую статуэтку с архаичным меандровым узором и двумя головами (Румыния, Раст).

Интересен глиняный алтарик из Трушешти — две женские фигуры, образующие его, предельно стилизованы и могут быть опознаны лишь по ожерелью. Головы богинь завершаются чашами.

Переходную форму от двух матерей мира к одной представляют сосуды среднего Триполья, где вселенная изображена не в динамике, а в статике и так, что с каждой стороны сосуда виден гигантский лик Великой Матери. Солнечные диски образуют ее глаза, «верхнее небо» изламывается в форме бровей, художник дорисовывает нос, ушки сосуда образуют уши богини (Петрены). Лик опирается на землю, занимая собой все небесное пространство. Это уже — Адити, прародительница всего, бесконечная Мать богов. Существуют уменьшенные изображения женского божества, рядом с которым реалистично изображен дождь, идущий из тучи.

На некоторых сосудах сложная древняя композиция упрощается до новой схемы: небесная вода (горизонтальная волнистая линия) двумя потоками (грудь одной небесной богини) проливается вниз, на землю. Иногда в земле в этих случаях изображают прорастающие семена. Время рождения единого женского божества мира, Великой Матери (Адити, Кибелы), следует относить в Европе к III тысячелетию. На Ближнем Востоке это произошло значительно раньше.

16. Одновременно с появлением представлений о единой Матери Мира возникают и боги отдельных частей вселенной. В трипольской росписи появляются мужские и женские фигурки очень условные, трехпалые, всегда внутри заостренно-овальной рамки. Фоном для них иногда является архаичнейший ромбическо-меандровый узор.

Мужское божество, окаймленное потоками дождя (или находящееся над потоком) можно сопоставить с Варуной, сыном Адити, богом воды и небес по Ригведе. В Европе он известен под именем Урана. Его трехпалость может быть объяснена связью с птицами, летающими и водоплавающими, объединяющими мысли о воде и о небе. В другом случае Варуна окружен не только потоками, но и змеями. Женское божество, окруженное семенами или стоящее на семенах, вероятно, следут считать прообразом Геи, богини земли и плодородия.

17. Одновременно с антропоморфизацией частей вселенной появляется и продолжение этого хода мыслей — перенесение на небо земных явлений, связанных с жизнью человека. В небесной зоне трипольской росписи появляются поля, колосья, псы, стерегущие посевы, и целые стада животных, ходящих рядом со вспаханной землей. Все это еще раз приводит к мысли о том, что сосуды с богатой космогонической росписью предназначались для семян — ведь все эти весенние сцены связаны с судьбой семян (пахота, сев, всходы). Дополнительным признаком сезона

является изображение гусеницы (Крутобородинцы) и семян, как бы заглубляемых в землю (Варваровка). Интересны собаки, охраняющие небесные посевы, летающие вокруг древа жизни. Они заставляют вспомнить о священном псе Авесты — Сэнмурве, которому Агурамазда поручил охрану священного дерева всех семян, «от которого постоянно произрастают все виды растений». Сэнмурв — крылатый пес, покровитель растений, посредине между небом и землей, защищает своими зубами и когтями добро от посягательства.

В одном случае (Петрены) поверх ликов Великой Матери изображены небесные собаки. Быть может, перед нами прообраз Гекаты, великой владычицы вселенной, трехглавой богини, атрибутами которой были собаки и змеи?

Еще одним видом посредников между небом и землей были мифические сирены, полудевы, полуптицы. Далекие прообразы их найдены в балкано-дунайских культурах земледельческих племен на рубеже энеолита и бронзового века. В пецелерской культуре есть погребальные урны в виде пернатых женщин с рудиментарными крыльями. В античное время сирен часто изображали на надгробиях в апотропеических целях.

18. Археологические аналогии с Ригведой могут быть продолжены. В Петренах есть сосуд с интереснейшей росписью: во всю ширь «воздушного пространства» среди дождевых потоков и солнечных дисков изображены два титана. Ноги титана увязают в земле, а голова упирается в небесную твердь. Тело составлено из нескольких туловищ, поставленных одно на другое. От каждого туловища идут вниз огромные длинные руки с пятью, а не тремя (как у богов) пальцами.

Облик таких многоруких титанов известен греческой мифологии — это гекатонхейры, сторукие великаны, дети Урана и Геи. Но еще бóльшую аналогию дают гимны Ригведы, воспевающие титана Пурушу, вросшего в землю ногами и упирающегося головой в небо. В ведах рассказывается о том, как вещие сказители:

Из семерых Пуруш
«Сделали одного единственного Пуруша,
В то, что выше пупа,
превратили они двоих».

Петренская роспись дает совершенно точную иллюстрацию к ведическому тексту — верхняя часть тела титана («то, что выше пупа») составлена именно из двух туловищ, каждое с плечами и руками. Пуруша Ригведы связан с Митрой-Солнцем, и на росписи рядом с титаном изображен солнечный диск.

19. Глиняная пластика и орнамент на посуде неолитическо-энеолитических земледельческих племен с достаточной полнотой отражают их мировоззрение и его эволюцию. Можно наметить следующие этапы развития.

I. Древнейший орнаментальный слой — это меандрово-ромбический узор, воспроизводящий узор на мамонтовых бивнях. У земледельческих племен он встречается на священных сосудах, идолах и в росписи, иллюстрирующей рождение женского божества (Геи?). Основной элемент этого узора — ромб — в дальнейшем обособляется в особый устойчивый символ плодородия. Можно допустить, что исходным моментом послужили ромбы и меандр на палеолитических «Венерах». Промежуточным звеном между палеолитом и неолитом могли служить узоры на плетеных изделиях эпохи мезолита.

II. Первая стадия земледельческого мировоззрения (V—III тысячелетие) характеризуется развитым представлением о трехъярусном членении вселенной на «верхнее небо» (вода), просто небо и землю. Художники умели вводить в свои росписи движение времени. Миром управляют две хозяйки мира, выступающие в виде или двух самок северного оленя (что указывает на глубокую мезолитическую архаику), или бесформенных женщин, у которых обозначены только груди. Господствует представление о тождестве и магической связанности двух процессов: рождения ребенка женщиной и рождения колосьев землей из семени. Главным объектом магии является вода, дождь. С этим связан мотив доброй змеи (ужа) и мотив женской груди.

III. Вторая стадия (примерно с III тысячелетия до н. э.) характеризуется постепенным упрощением картины вселенной, ослаблением интереса к комплексу «зерно-поле-женщина», а также «змея-вода». Появляется единое женское божество мира, Великая Мать, сопоставляемая с Адити, «Бесконечной» (Ригведа). Поэтому одновременно в росписи сосудов появляются сцены рождения богов: Варуны-Урана (сына Адити), Геи-Деметры и следующего поколения — детей Урана и Геи — титанов. В это же время появляется представление о «небесной земле», дублирующей земные явления. Вторая стадия находит много соответствий в древнейших слоях индоевропейского религиозного фольклора: в Ригведе, Авесте и греческих мифах. Все энеолитическое искусство матриархально и укладывается в период, предшествующий в греческой мифологии появлению Зевса и Олимпийцев, начавших войну с титанами. Возможно, археологический материал позволит уточнить время возникновения наиболее смутных, неясных архаических пластов индоевропейского фольклора и мифологии.

И. Г. Нариманов

ДРЕВНЕЙШАЯ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ЗАКАВКАЗЬЯ

За последние десять лет в Закавказье выявлен ряд памятников культуры, предшествующей куро-араксинской энеолитической культуре III тысячелетия до н. э.

В Восточном Закавказье эти новые памятники охватывают значительный ареал: они зафиксированы в Мильской, Карабахской, Муганской степях и в правобережной зоне р. Куры, в западной части Советского Азербайджана. Памятники расположены группами, преимущественно на берегах давно высохших речек, русла которых покрыты земляным слоем, вполне пригодным для выращивания культурных растений. Встречаются эти памятники и в местностях, где отсутствуют признаки водных артерий.

А. А. Иессен, основываясь на изучении керамического материала, содержащего растительную примесь в составе глины и немногие расписные черепки, объединил памятники Мильской степи и нижний слой холма Кюль-тепе на Араксе в одну культуру, отнеся ее к IV тысячелетию до н. э.

Выявленные нами новые памятники на Мугани и в Карабахской степи включают такую же керамику. Однако среди нее нет расписных черепков. Кроме того, в орнаментации керамики на некоторых памятниках Карабахской степи обнаружены совершенно новые приемы — вдавленные ямки, покрывающие всю наружную поверхность сосуда. Возможно, что в дальнейшем в этих районах будут выделены группы, разделяющиеся по географическому и хронологическому признакам. Этот керамический материал позволяет выделить новую археологическую культуру на правобережье р. Куры. Мы называем ее шомутепинской — по имени одного из раскопанных холмов.

Поселения шомутепинской культуры в настоящее время представляют собой искусственные холмы разной величины, иногда около 10 м высотой, на сравнительно узкой полосе длиною около 100 км, между Малым Кавказом и Курой.

В раскопанных поселениях этой культуры (Шому-тепе, Тойре-тепе и Бабадервиш) встречается довольно однообразный археологический материал. Круглые в плане жилища и хозяйственные

помещения сложены из сырцового кирпича, имеющего выпуклую сторону (размер кирпича: 50—55×22—25×8 см; 36×16×8 см). На поселении Бабадервиш, расположенном на большом естественном холме, остатки кирпичных сооружений и культурный слой смыты дождевыми водами и выветрились. Но на более чем 500 кв. м раскопанной площади этого поселения выявлены четыре круглые в плане землянки, а также погребение со скорченным на боку костяком, врытое в твердый грунт. В этом единственном погребении шомутепинской культуры обнаружен пластинчатый скребок с наклонно ретушированным концом и два крупных речных камня в виде колотушек. Вторично поселение Бабадервиш было заселено в эпоху ранней бронзы (III тысячелетие до н. э.). Культурный слой эпохи ранней бронзы представлен керамикой куро-араксинского типа и другими материалами.

Древнейший четырехметровый культурный слой поселения Тойре-тепе содержит четыре последовательных пласта кирпичных построек шомутепинского типа, перекрытых небольшим слоем рубежа II — I тысячелетий до н. э. Слой этого же периода имеется и на поселении Шому-тепе. Образец угля из этого позднего слоя был подвергнут анализу радиоуглеродным методом в Бомбейской лаборатории. Возраст его определен в 3000±100 лет до современности. Выявленные на одном горизонте Шому-тепе кирпичные постройки расположены на материке и хорошо сохранили свои черты.

По сравнению с Тойре-тепе поселение Шому-тепе было недолговечным.

Раскопки поселения Шому-тепе дали не только обильный материал, но и выявили характер и планы расположения жилых и хозяйственных помещений. Кирпичные постройки здесь или вплотную примыкали друг к другу, или между ними были выложены стены, образующие как бы отдельные дворы, которые сообщались между собой через проемы небольшого размера (около 0,5×0,5 м). Видимо, проникнуть в поселение можно было через эти проемы. Такие же проемы на высоте 0,2—0,3 м от уровня пола образуют проходы между домами и расположенными рядом с ними небольшими хозяйственными помещениями. Примечательно, что один из домов имеет два проема, один из которых сделан на уровне пола и предназначен, вероятно, для детей.

Один из так называемых дворов на Шому-тепе состоит из двух круглых жилищ и двух хозяйственных помещений. Вне жилища найдены не только каменные зернотерки для размола зерна, но и очаги. Можно думать, что каждый такой «двор» служил местом жизни группы людей, возможно составлявших отдельные парные семьи.

Древнейший культурный слой Шому-тепе, состоявший из одного горизонта кирпичных построек, не свидетельствует, одна-

ко, что жизнь этого поселения относится к одному строительному периоду. Видно, что хозяйственные постройки ремонтировались, а жилища, после того как разрушались их верхние части, использовали для отбросов мусора, иногда только золы. Входной проем плотно замуровывали. Новый дом сооружали рядом. Следовательно, этот горизонт мог образовываться за время существования не одного, а двух или трех разновременных кирпичных жилищ.

Один из памятников шомутепинской культуры — Гаргалартепеси, находящийся недалеко от Шому-тепе, содержит материалы только этой культуры и культурный слой здесь имеет мощность около 10 м. Очевидно, культура Шому-тепе охватывает довольно большой период. Для определения абсолютного возраста памятников шомутепинской культуры большое значение имеет результат анализа радиоуглеродным методом образца, взятого из средней толщи четырехметрового слоя этой культуры на поселении Тойре-тепе. Полученные в Бомбейской лаборатории данные определили абсолютный возраст памятников 4295±125 лет до н. э.

Керамика культуры Шому-тепе отличается не только от местной, но и от керамики культурных очагов Ирана, Месопотамии и Малой Азии. Видимо, развитие шомутепинской культуры протекало в известной мере самостоятельно.

Керамика шомутепинской культуры сделана от руки, стенки сосудов неровные, утончаются к верхнему срезу, дно плоское, сравнительно массивное. Иногда венчик слегка загибается наружу, образуя как бы слив. В отдельных случаях весь венчик отогнут наружу, что придает сосуду форму горшка. Большинство сосудов имело бочкообразную, баночную форму или форму чаш. Верхняя часть сосудов украшена редкими рельефными налепами геометрического характера и пуговкообразными выступами. Как правило, орнаментированные сосуды имеют примесь дресвы, шамота и песка. На днище их часто встречаются отпечатки плетений или тканей спиралевидной структуры, использованных при формовке.

Сосуды этой группы имеют темный или буроватый цвет. Таких сосудов значительно больше, чем сосудов другой группы, имеющих красно-коричневый цвет и растительную примесь в составе глины. Последние отличаются слабым лощением. Все эти признаки керамики шомутепинской культуры наблюдаются с удивительным постоянством во всем четырехметровом слое Тойре-тепе.

Внутри жилых помещений, около стен, иногда располагались необожженные сосуды для хранения припасов. Как известно, такой порядок был и в древнейших слоях Хассуна. Добавим, что, так же как в Хассуне, сосуды украшались пуговкообразными выступами.

Сосуды частично окрашены, однако признаков росписи совершенно нет.

Каменные орудия культуры Шому-тепе представлены зернотерками, нередко использованными с обеих сторон, массивными ступками, пестами, терками, полированными топорами, изделиями из обсидиана, кремня и кремнистых пород.

В качестве сырья пользовались также кремневыми орудиями палеолитического человека, собранными в ближайших окрестностях. В целом носители культуры Шому-тепе при изготовлении орудий труда использовали местное сырье.

Пластинчатые вкладыши серпов изготовлялись преимущественно из кремнистых пород. Пластинки для вкладышей отделялись от ядрища ударом, направленным под углом к его продольной оси, в результате чего отколотые пластинки получались тонко-острые лишь с одной стороны, служившей рабочим краем. Такие же пластинки получались и в результате несимметричного удара по площадке нуклеуса.

Среди материалов нет микролитических орудий труда. Но встречаются большие широкие пластинки, в том числе ножи с небольшим черенком.

Часто встречаются круглые камни с гладкой поверхностью, размерами несколько больше грецкого ореха. Иногда они попадаются кучами. Не исключено, что эти круглые камни были предназначены для пращи, которую исследователи обычно относят к охотничьему оружию. Эффективность этого оружия значительно слабее, чем эффективность лука. Поэтому вызывает недоумение отсутствие наконечников стрел. Подобное же положение в Хассуне.

Обильно представлены орудия труда, связанные с земледелием. Мотыги изготовлены исключительно из трубчатых и лопаточных костей крупного рогатого скота, а также из рогов оленей. Однако кости оленей встречаются редко.

Среди прочих костей почти нет лопаточных и трубчатых костей крупных домашних животных. Это показывает, насколько утилитарно относились к этим костям.

Костяные мотыги, подобные шомутепинским, известны в более южных памятниках — на Кюль-тепе на Араксе и на Пиждели-тепе около оз. Урмия. На этой же территории распространены серпы, подобные шомутепинским, вкладыши которых установлены наклонно к их продольной оси. Известно, что вкладыши серпов Хассуна налегают друг на друга. Такого же типа серпов много в энеолитических памятниках Центральной и Юго-Восточной Европы.

В культуре Шому-тепе техника обработки кости достигла высокого уровня. Такой обширный ассортимент костяных изделий (мотыги, ложки, шилья, гребенчатые предметы, лощила и т. д.) в одной какой-либо культуре в Закавказье неизвестен.

Из кости делали фигурки людей; одна из них изображает женщину с массивными бедрами. Интересна фигурка из глины, от которой сохранилась средняя часть туловища. Передняя его сторона разделена на две части врезной, идущей от правого плеча к левому боку, линией, очевидно изображающей перевязь. Подобные перевязи встречаются также на статуэтках людей разных энеолитических культур. Ниже перевязи тело шомутепинской фигурки окрашено красным, как, вероятно, окрашивали живое тело.

На раскопанных участках поселений нет следов металла. Однако это пока не дает оснований считать, что в период культуры Шому-тепе металл не был известен.

Характеристика шомутепинской культуры основана на материалах трех раскопанных поселений ее северо-западной группы. Керамика этой группы украшена росписью, характерной для восточных областей Передней Азии, и не имеет врезного орнамента, типичного для ее западных районов. В шомутепинской культуре не обнаруживаются также связи с известными более ранними памятниками Восточного Закавказья. Примером их может служить неолитическая стоянка № 133 в долине Ганджачая. Там остродонная и круглодонная керамика имеет овальные и круглые углубления или зарубки на верхнем краю сосудов. В одном случае там отмечен ямочный орнамент, венчик сосудов не утолщен и не загнут, а среди изделий из камня заслуживают внимания уплощенные кремневые нуклеусы и пластинчатые концевые скребки, которые совершенно отсутствуют в культуре Шому-тепе. Перед нами — разрыв, соответствующий определенному отрезку времени.

Юго-восточная группа шомутепинской культуры в бассейнах рек Таузчай и Шамхорчай отличается деталями керамики. Так, на поселении Тойре-тепе II (недалеко от железнодорожной станции Дзегам) найден венчик сосуда с примесью соломы в глине, опоясанный снаружи рельефным пояском. Венчик другого сосуда с примесью песка имеет плоский верхний срез. Черепки сосудов с плоским верхним срезом из поселения Ментеж принадлежали кувшинам с примесью песка или соломы в тесте. На верхнем плоском срезе одного из таких черепков техникой штампа нанесены парные ямки. В сосудах этого типа переход от горловины к плечику выражен заметным перегибом. Привлекает внимание врезная орнаментация на поверхности черепка из глины с примесью песка и украшения из параллельных линий, нанесенных зубчатым предметом. Такая орнаментация отмечена также на нескольких черепках из Рус-тепеси с примесью соломы в глине. Один из них, кроме того имеет пуговкообразный выступ.

Кажется, есть основание считать, что в юго-восточной группе культуры Шому-тепе преобладает керамика с примесью соломы

в глине. Возможно, эта группа отражает более развитый этап культуры Шому-тепе, в котором появляются сосуды новой формы и нарезные украшения, если эти явления не отражают влияния извне. Врезные украшения хассунской керамики несколько отличны от шомутепинских. Аналогии последним обнаружены в керамике поселения около Еревана, раскопанного А. А. Мартиросяном в 1964 г. Там же найдены образцы керамики халафского типа и четырехгранное бронзовое шило. Врезные украшения того же типа имеются на керамике Кобыстана недалеко от Каспийского моря, в 60 км от Баку. Она была обнаружена на глубине 1—2 м вместе с орудиями труда типа микролитов. Ниже двух метров там обнаружены микролиты без керамики. Пока еще трудно синхронизировать кобыстанские материалы с шомутепинскими. Не исключено, что, когда на плодородных землях Восточного Закавказья развивалась культура земледельцев, в зоне Кобыстана в силу природных условий еще обитали охотничьи племена.

Своеобразная культура Шому-тепе отражает сложившееся хозяйство раннеземледельческих племен Закавказья. В ней представлено несколько видов хлебных злаков. Остатки обуглившихся злаков собраны в Шому-тепе и в Тойре-тепе. Специальное исследование акад. И. Д. Мустафаева показало, что жители шомутепинских поселений выращивали культурный многорядный ячмень, двурядный ячмень и ячмень двурядный дикий, а также твердую пшеницу, мягкую пшеницу, английскую пшеницу и полбу. В раскопочных материалах пшеница и ячмень были смешаны; встречались семена сорняка из семейства бобовых (?) и дикой вики. В одном случае найдены семена обыкновенного татарника без примеси других злаков.

Результаты определения остеологических остатков, произведенного палеонтологом проф. Д. В. Гаджиевым, не оставляют сомнений в том, что кости домашних животных (быка, свиньи, мелкого рогатого скота) количественно значительно преобладают над костями диких животных (оленей, кабана, джейранов и др.).

Несмотря на своеобразие культуры Шому-тепе, ее развитие, вероятно, протекало не изолированно от переднеазиатского культурного мира. Некоторые культурные и технические достижения последнего (кирпичные строения, круглые в плане, серпы и др.) имеют сходство с закавказскими.

Т. Н. Чубинишвили

КУРО-АРАКСИНСКАЯ КУЛЬТУРА В ЗАКАВКАЗЬЕ в III тысячелетии до н. э.

Территория закавказского двуречья (Куры и Аракса) являлась областью формирования одной из древнейших оседло-земледельческих культур Кавказа. При изучении ее решающую роль играют многослойные поселения с четко выраженной стратиграфией — Тетрицкаро, Хизанаант-гора, Квацхелеби, Гудабертка, Амиранис-гора в Грузии, Шенгавит и Элар в Армении, Кюль-тепе, Бабадервиш в Азербайджане и др.

Однако далеко не все эти поселения уходят в глубь V—IV тысячелетий до н. э., когда на Кавказе складывается наиболее ранняя оседло-земледельческая культура. О ней свидетельствуют пока лишь единичные памятники на территории двуречья Куры и Аракса — Кюль-тепе, Шому-тепе, Тойре-тепе, Бабадервиш, Шулаверы I, Цопи, Амиранис-гора и Дагестана — Гинчинское поселение. За южными пределами Кавказа близкие по облику памятники известны из Приурмийского района Ирана (Геой-тепе, Яник-тепе, Пиждели-тепе) и Восточной Анатолии (Караз, Пулур и др.). Эта энеолитическая культура в восточных областях характеризуется небольшими поселениями с круглыми домами, «саманной», в том числе привозной, расписной керамикой и первыми медными изделиями.

Приблизительно тогда же определяются две сферы влияния переднеазиатского мира, теснейшим образом связанного с Кавказом. Первая сфера — восточная, охватывавшая восточные области Закавказья и Северного Кавказа, вторая — западная, включавшая большую часть Западной Грузии и ту территорию, где в первой половине III тысячелетия до н. э. начала складываться майкопская культура.

В восточной части двуречья Куры и Аракса, куда в IV тысячелетии до н. э. из ирано-северомесопотамских центров проникали отдельные элементы ранних земледельческих культур, в начале III тысячелетия до н. э. формируется новая по существу культура, относящаяся уже к эпохе ранней бронзы.

Эта так называемая куро-араксинская культура, определившаяся к началу III тысячелетия до н. э., распространилась не

только по всей зоне Северо-Западного Ирана и Малого Кавказа, но также и на Северо-Восточный и Центральный Кавказ, а к югу — в Восточную Анатолию. Позднее отдельные ее элементы встречаются в Северной Сирии и даже в Палестине.

В Закавказье куро-араксинская культура существует в различных гео-климатических условиях (от 300 до 2100 м над уровнем моря), сохраняя свои главные признаки, которые вытекают из одной, существовавшей повсеместно хозяйственной основы — сочетания земледелия и скотоводства.

Ниже мы коснемся некоторых вопросов, связанных с изучением поселений и могильников.

Поселения этой культуры, состоящие из круглых или четырехугольных домов, располагаются в наиболее удобных местах по берегам водоемов, на естественных и искусственных возвышенностях и даже в пещерах. По большей части под такие поселения занимались не заселенные ранее места; дома в них тесно лепились друг к другу, на склонах гор они располагались террасами.

Исключение составляют некоторые поселения (Гудабертка, Амиранис-гора), где в центре поселения расположены либо хозяйственные хранилища (ямы) и амбары (Яник-тепе), либо загоны для скота, либо культовые сооружения.

В этот период редко возводились оборонительные сооружения, которые встречались уже в предшествующее время (Гинчинское поселение). Исключение составляют поселения Шенгавит и Квацхелеби: первое — обнесено каменной стеной, второе — глубоким рвом.

Большинство поселений в междуречье Куры и Аракса существовало до конца III тысячелетия до н. э., хотя некоторые из них пришли в упадок значительно раньше; причем жизнь здесь, за редким исключением, не возрождалась вплоть до эпохи поздней бронзы (конец II тысячелетия до н. э.).

Добытые материалы позволяют разделить куро-араксинскую культуру эпохи ранней бронзы на три хронологических периода. Данные, полученные радиоуглеродным методом, относят верхние или промежуточные слои куро-араксинской культуры к первой половине III тысячелетия до н. э. Так, на глубине 8,3 м II слоя нахичеванского Кюль-тепе возраст определяется в пределах 4880±90 лет, «медолитейная мастерская» нижнего (II) строительного периода на Амиранис-горе в 4835±180, C_1 слой Квацхелеби — 4760±90, верхний (I) строительный период (XXIX помещение) на Амиранис-горе — 4625±170 лет до современности.

В первой половине III тысячелетия до н. э. естественно орошаемые земли уже обрабатывали примитивными земледельческими орудиями с применением тягловой силы (быка); сохой при этом служили, судя по находке в Квацхелеби, оленьи рога с

длинными отростками. Урожай с обработанной пашни, по-видимому, снимали в течение нескольких сезонов, после чего истощенную землю забрасывали, а под новую выжигали новые угодия. Так в Восточном Закавказье, где имелись обширные лесные массивы, происходило быстрое освоение свободных земель.

Население этого периода сеяло смешанные ячмень и пшеницу, так как таким образом можно предохранить пшеницу от засухи, поскольку ячмень, взрастая быстрее и выше, загораживает ее от палящих солнечных лучей. Практика этого метода подтверждается находками перемешанных зерен в Шенгавите, Квацхелеби, Гудабертке, Хизанаант-горе, Кюль-тепе и Мингечауре.

Рост посевных площадей и самого урожая, естественно, влекли за собой совершенствование земледельческих орудий. Известно, что на первом этапе развития куро-араксинской культуры местное население пользовалось бронзовыми серпами (Кюль-тепе, Гарни, Хизанаант-гора, Амиранис-гора), найденными также в виде костяных имитаций (Квацхелеби). Но ни сравнительно более усовершенствованные земледельческие орудия, ни повышение урожайности пашен не могли удовлетворить потребностей быстро растущего населения, поэтому уже в первой половине III тысячелетия до н. э. жители группами начинают покидать свои обжитые поселения и неподалеку друг от друга основывают новые, главным образом по долинам рек.

При сосуществовании двух форм сельского хозяйства — земледелия и скотоводства, процесс освоения земель в междуречье Куры и Аракса проходил интенсивно. Площади под пастбища стали резко сокращаться; но так как истощенные и залежные земли были пригодны под выгоны мелкого скота, стало развиваться и овцеводство. О росте в этот период поголовья мелкого рогатого скота свидетельствуют многочисленные кости, обнаруженные в культурных слоях древних поселений, а также глиняные фигурки овец и баранов. Овечьи отары охранялись уже в то время собаками, о чем свидетельствуют фигурки собак и их кости, найденные на поселениях. При раскопках в Шенгавите, Каразе, Дидубе, Эларе и Квацхелеби найдены также кости лошади и скульптурные изображения лошадей. Обнаруженные в культурных слоях глиняные модельки тележных колес подтверждают, что уже в этот период население куро-араксинского двуречья пользовалось для перевозки сельскохозяйственных продуктов колесным транспортом.

В силу экономической необходимости в начале III тысячелетия до н. э. в Закавказье происходит интенсивный рост поголовья мелкого рогатого скота, дававшего древнему населению много прибавочного продукта, с одной стороны, и способствовавшего использованию в качестве пастбищ залежные и истощенные земли — с другой. Именно в этот период начинает складываться

единый хозяйственный уклад — новая ступень в развитии культуры племен Кавказа.

Чрезвычайно важным фактом представляется распространение в этот период очажных, или «подковообразных», глиняных подставок, которые изображают сидящего с раздвинутыми ногами над очагом мужчину, оплодотворяющего очаг. Это изображение мужского начала, идола-фетиша, предводителя, патриарха, снабженного иногда даже атрибутами божества — рогами или чашей для возлияний, знаменует собой начало такого исторического этапа, когда в силу развития скотоводства намечается переход к патриархату. Последнее подтверждается не только памятниками материальной культуры, но и самим циклом проводимых в то время полевых работ. Как известно, движение небесных тел (солнца и луны) или появление перелетных птиц (журавлей) в древности определяло начало тех или иных полевых работ и сопровождалось ритуалами почитания этих природных явлений. Отголоски этого нашли отражение в изображениях на керамике Закавказья начала III тысячелетия, где сочетаются фигурки перелетных птиц (журавля или аиста) с биспиральными (Кикети, Озни) или с астральными знаками (Амиранис-гора); последние иллюстрируют, очевидно, семантическую связь, основывающуюся на ассоциации между парящей птицей и движущимися в небе светилами, и являются ее символическими изображениями.

Не менее символичны так называемые пиктограммы и лепные «лицевые» изображения оленя, жертвенника и хлебного колоса на больших глиняных сосудах, а также на глиняных крышках, которые вместе с лунницей, спиралью и меандром составляют иногда очень сложные рисунки. Такие знаки встречаются у некоторых сосудов под ручкой, что подтверждает их особое магическое значение. Не исключено, что все эти знаки в то же время являлись либо апотропеическими символами, либо своего рода запретным знаком — «табу» на припасы, хранящиеся в сосудах; не случайно, например, крышка от сосуда из кура-араксинского слоя Геой-тепе имеет оттиск цилиндрической печати. Правильность такого истолкования значения «орнаментов» и «печатей» подтверждается тем, что «запечатывались» главным образом большие сосуды для хранения зерна — наиболее ценного продукта; особенно много их найдено в святилищах Амиранис-горы.

Итак, в первой половине III тысячелетия до н. э. в бассейне рек Куры и Аракса сложилась высокая культура, характеризующаяся не только пиктограммами, но и знаками, отражающими астральные циклы, а также знаками — «табу». Любопытно, что местной посуде не чужды мотивы тех же приносимых в жертву птиц (Меджаврис-хеви), а также слитые воедино изображения птиц и спирали — меандра (Бешташени и др.), и отдельные сим-

волы, напоминающие священное древо жизни (Караз), которые входят в число вышеупомянутых пиктограмм (Озни).

В середине III тысячелетия до н. э., возможно в связи с усилением роли скотоводства, в некоторых областях отмечается постепенный отход от символики, присущей ранним оседло-земледельческим культурам. Эти изображения утрачивают свой первичный, реалистический смысл, превращаясь в стилизованные (Шулаверы, Шрешблур и Кюль-тепе Араратской долины, Бешташени и др.).

Именно в этот период взамен старых, чисто древневосточных земледельческих мотивов ирано-месопотамского мира — появляются новые, соответствующие более высокому уровню общества. Характерны фаллические и другие символы; каменная стела (Бабадервиш), усложненные изображения рогов, стилизация фигур животных (оленя, быка, барана) и птиц, которыми украшались очаги, керамика, металлические и культовые предметы.

Вслед за появлением первых признаков формирования культуры эпохи ранней бронзы и усилением роли скотоводства в жизни племени — создателей куро-араксинской культуры, либо в отдельных районах стали скрещиваться между собой старые восточные земледельческие культы с «новыми» — более западными, либо по всей зоне распространения этой культуры происходило постепенное перемещение культурных центров с востока на запад.

Могильники куро-араксинской культуры довольно многообразны. Это — явные погребения, курганы, склепы и каменные ящики. Захоронения в них подразделяются на два основных вида: коллективные, парные и одиночные. К первому относятся курганы, в центре которых обычно находится первичное погребение, а вокруг расположены более поздние (Тквиави, Степанакерт). Групповые или парные погребения встречаются также в склепах (Кикети, Ардисубани, Тамариси, Амиранис-гора) и в грунтовых погребениях (Кикети, Амиранис-гора).

Ямные погребения с коллективными захоронениями занимают промежуточное положение между ранними и поздними группами. Большие курганы с одиночными захоронениями относятся к более позднему периоду и располагаются в тех местах, где было развито скотоводство (Триалети, Самгори, Уч-тепе). В Грузии самыми древними одиночными грунтовыми могилами следует считать погребения Кикети, Абелиа, западного участка могильника Дзагтна, Квацхелеби и Урбаниси. Склепы с одиночными захоронениями найдены на Амиранис-горе; здесь в одном из склепов обнаружены медный кинжальчик, пряслице и глиняный сосуд с пиктограммой. Не менее интересны одиночные скорченные мужские захороненения или парные погребения в каменных ящиках, открытые в могильниках на том же поселении. В них, как и в более поздних глубоких подкурганных ямах Триалети

или впускных погребениях сачхерских курганов, содержится не только различная утварь но главным образом оружие и украшения, изготовленные из «меди», свинца и серебра. Характерно, что кости крупного рогатого скота встречаются только в мужских погребениях; число его порой достигает четырех голов (Амиранис-гора).

Могильники III тысячелетия до н. э. в редких случаях находятся на территории самих поселений. Но иногда в древних поселениях, между стенами хозяйственных строений, а иной раз в домах, обнаруживаются скорченные впускные погребения младенцев, не содержащие погребального инвентаря и, по-видимому, являющиеся жертвоприношениями божеству плодородия. Подобный же жертвенный характер носят захоронения обезглавленных людей, которых хоронили вместе с нетронутыми трупами (Степанакерт, Кикети). Еще более интересны захоронения, в которых наряду с глиняными сосудами найдены одни только черепа (Амиранис-гора). Большинство родовых могильников (Озни, Нацар-гора, Кулбакеби, Квацхелеби, Элар, Мингечаур и др.), как правило, располагалось невдалеке от древних поселений или на обжитых, но уже покинутых к тому времени жителями участках, где они группировались отдельными гнездами. Иногда более ранние могильники сверху перекрыты культурными слоями поселений той же культуры.

Таким образом, в погребениях III тысячелетия до н. э. можно проследить не только различные способы захоронения, но и явную тенденцию к усложнению погребального обряда. Даже наиболее древняя группа погребений, с «богатым» и разнообразным инвентарем, относящаяся к раннему этапу куро-араксинской культуры (курганы в Тквиани, Амиранис-гора и грунтовые погребения Квацхелеби), свидетельствует о первых признаках распада первобытнообщинного строя в это время.

Ведущим объединяющим признаком куро-араксинской культуры является глиняная посуда ручной лепки с черной лощеной до блеска поверхностью и «розовой подкладкой» внутри. Керамика эта имеет лепной выпукло-выемчатый или тонконарезной орнамент.

Согласно периодизации Б. А. Куфтина, всю керамику можно разделить на три хронологические группы: I и II группы относятся к I и II периодам ранней бронзы (т. е. к первой половине III тысячелетия до н. э.); III группа керамики должна быть датирована III периодом ранней бронзы, т. е. второй половиной III тысячелетия.

Для первой группы керамики характерна массивная посуда округлой формы; в отдельных случаях лицевая часть сосудов украшена крупным лепным орнаментом. Формы — широкодонные сосуды с широким горлом, парными ручками или шаровидными выступами, а также с тройными ручками полусферической

формы. Керамика преимущественно буролощеная, но иной раз встречается и чернолощеная с «розовой подкладкой».

Вторая группа включает в себя посуду, в основном более совершенных образцов, прототипом которых является посуда первой группы. Однако другая ее часть — узкодонные сосуды — менее связана с формами ранней керамики. Ее характерные признаки: сильно вдавленное донышко, биконическая форма корпуса, резко отогнутый венчик и широкое горло сосуда: орнамент желобчатый и выпуклый, более усложненный. Эта посуда преимущественно черного цвета: сосуды с широким горлом имеют «розовую подкладку». На чашках, кувшинах и другой посуде имеются шаровидные ручки, но более совершенной формы, чем на сосудах первой группы. На материалах Геой-тепе хорошо прослеживается совершенствование некоторых форм керамических изделий.

Третья группа является как бы завершающей. Керамика здесь в основном сохраняет свои очертания: преобладает биконический или округлый корпус, но характерный изгиб при переходе от плечика к широкому горлу еще более очерчен. В последний период появляются и другие формы — сосуды с резким вздутием в центральной части корпуса и сосуды правильной яйцевидной формы.

Меняется и способ нанесения орнаментальных мотивов; уже во втором периоде весь орнамент состоит из неоднократных повторений одного и того же рисунка (журавли, спирали, меандры, завитки и т. д.). На чернолощеной посуде чаще появляется ленточный резной орнамент сирийско-анатолийского типа, перемежающийся с отрывочными старыми рисунками, по-видимому, окончательно утратившими изначальное сюжетное значение. В куро-араксинском двуречье встречается немного расписной керамики, при этом орнамент состоит в основном из геометрических фигур и только одна часть представлена мотивами животных и птиц (Квацхелеби).

Высокий уровень культуры ранней бронзы в целом определяют и другие элементы материальной культуры — орудия, оружие и украшения из меди, двустворчатые литейные формы, тигли, металлические шлаки, остатки печей и очагов и пр., а также литые и резные украшения из белоцветной мышьяковистой бронзы, свинца, серебра и золота, различные бусы из металлического шлака, стекловидной пасты, местного агата, сердолика и горного хрусталя.

Эти новые элементы, определяющие скорее уровень культуры, а не техники, появились, по-видимому, не одновременно, однако древнейшие из них уже свидетельствуют о значительном росте культуры в первой половине III тысячелетия до н. э. Образцы металлических изделий указывают на развитие здесь в это время «сознательной» металлургии, что в корне меняет прежнее

представление об уровне металлургической техники на Южном Кавказе в начале III тысячелетия до н. э. Судя по достоверно датированным образцам металлургического производства, все важнейшие новшества металлургии заключены в наиболее ранних слоях куро-араксинской культуры. Это подтверждается положением бронзового серпа на поселении Кюль-тепе (глубина 10,75 м), литейной формы для отливки проушного топора (глубина 12,5 м) и бронзового штыковидного орудия относительно поздней формы. Более совершенный тип подобного орудия считается основой для датировки III периода ранней бронзы (вторая половина III тысячелетия до н. э.).

Сплав, из которого отлиты местные изделия, содержит высокий процент мышьяка (от 4 до 25%) и с полным основанием может быть назван мышьяковистой бронзой. Важно, что, по сравнению с периферийными областями распространения куро-араксинской культуры, в Закавказье найдено наибольшее количество предметов, отлитых из мышьяковистых сплавов. Металлические предметы и литейные формы, найденные в районе месторождения окисленных вторичных медных руд, и привозные бронзовые слитки-заготовки (Малаклю, Гудабертка) и литейные формы, найденные в тех местах, где нет рудных месторождений, свидетельствуют о том, что в III тысячелетии в Закавказье изготовлялась массовая металлургическая продукция и уже, по-видимому, раздельно существовали добывающая и обрабатывающая ветви металлургического производства (меднолитейная мастерская на Амиранис-горе).

Любопытно одновременное появление в Закавказье местной металлургии и керамики с черной поверхностью. Установлено, что черный цвет поверхности сосудов достигался путем задымления в закрытых печах, в которых, с целью создания восстановительной среды, температура регулируется уже после предварительного обжига готовой продукции. Этот способ чередования обжига и неполного сгорания, создающий в закрытой печи нужную среду, мог быть выработан только при определенных производственных навыках, приобретенных во время выплавки металлической руды, где копоть играет немаловажную роль в восстановительном процессе. Поэтому одновременное появление в Закавказье медномышьяковистых изделий и чернолощеной посуды необходимо рассматривать в тесной взаимосвязи.

И действительно, в эпоху ранней бронзы на Ближнем Востоке, где начиналась выплавка бронзы, население со временем отказывалось от обычая расписывать керамику и на первых порах начинало пользоваться простой серой или красной посудой, изготовленной с помощью гончарного круга. С древнейших времен в восточных областях наряду с расписной керамикой изготовлялась и серая керамика, а в рассматриваемый период в Анатолии появилась простая красноглиняная керамика, тогда как

в Северо-Западном Иране серые и черные гончарные изделия на некоторое время вытеснили расписную керамику убейдского типа (урукский период). Такой процесс происходил в Месопотамии, в Египте и на Кипре.

Таким образом, отнесение всех известных памятников куро-араксинской культуры III тысячелетия до н. э. к эпохе ранней бронзы является новым решением, определяющим роль развития металлургии на Кавказе и в некоторой мере уточняющим значение взаимоотношений Кавказа со странами Древнего Востока. Уровень материальной культуры бассейна Куры — Аракса в свете новых исследований представляется столь высоким, что он исключает односторонность передневосточного влияния на северную «отсталую» страну, богатую залежами меди. Правильнее предполагать, что и сам Кавказ мог в свою очередь оказывать некоторое культурное влияние на соседние южные страны.

Ни в Малой Азии, ни на Северном Кавказе, ни в Закавказье нам пока не известна область, в которой можно было бы проследить все переходные формы или типологическую связь между чернолощеной керамикой эпохи ранней бронзы и керамикой предшествующего периода. Однако незначительная группа керамики, найденная в различных районах Закавказья (Кюльтепе I, Абелиа, Згудрисгверда, Дзагина, материала из Амиранисгоры 1965 г., Сиони и др.), дает возможность проследить изменение форм части чернолощеной керамики по сравнению с более древней местной посудой.

Еще Б. А. Куфтин усматривал в закавказской самобытной культуре два компонента: первый он связывал с северомесопотамско-эламской и иранской областями, а второй — с сирийско-малоазиатско-средиземноморским кругом, в который, по данным и других авторов, входила в целом древнейшая культура двуречья Куры и Аракса. Однако все компоненты этой культуры, восходящие к эпохе Джамдет-Насра, т. е. к самому началу III тысячелетия до н. э. (дома, круглые в плане, с пристройками, проушной топор, чаши и пиктограммы, крышки с выступом посредине и др.), уже представлены в наидревнейших памятниках эпохи ранней бронзы и, видимо, проникали из восточных областей Передней Азии. Вторая группа в основном некерамических предметов характеризуется сирийско-малоазиатскими развитыми формами (поздним типом топоров, наконечниками копий, булавками и т. п.), отражавшими связь с малоазиатско-средиземноморским миром, где металлургия и скотоводство, по-видимому, развивались позднее.

Путем изучения орнамента на керамике и других материалов удается проследить общую линию развития куро-араксинской культуры. Все добытые факты свидетельствуют о том, что древнейшие черты этой культуры в наибольшей степени увязываются

с древнейшими элементами культуры, имеющими в основе восточные контакты и связи. Это относится и к характерным изображениям спирали — древа жизни, солнца, луны — в виде молодого месяца, а главное к журавлям (на древнейшей посуде из Кикети, Озни и Амиранис-горы), внешне поразительно сходным с изображениями перелетных птиц, представленными на расписных сосудах Сиалка III (Иран).

Значительным сходством обладают также роспись и резные узоры, в том числе букраний (Квацхелеби), а также вылепленные из глины фигурки мужчин, одетых на древнешумерский лад (волосы у них закручены на затылке в пучок или в косичку). Некоторые из черт прослеживаются на домашних идолах, изображенных на полукруглых очажных подставках, которые позднее, в хеттское время, в Анатолии украшали общеродовые алтари. В том же аспекте следует рассматривать и сходство некоторых пиктографических знаков, нацарапанных на керамике из Озни и Амиранис-горы с известными протоэламскими знаками. На Амиранис-горе обнаружен плоский очаг, по типу сходный с месопотамским и среднеазиатским.

Обычай хоронить младенцев в домах характерен для горного Ирана и Анатолии, а круглые дома с четырехугольными пристройками — традиция домостроительства, присущая в ту эпоху исключительно Северной Месопотамии. Та же традиция прослеживается на Северном Кавказе, в Армении, в Азербайджане, Восточной Грузии, равно как в Северо-Западном Иране; в этих областях позднее распространяется малоазиатская традиция строить дома зального типа — дарбази, или же типа мегарона — с портиком. Характерно, что и размеры сырцового кирпича (36×18×10; 43×17×11; 56×28×14 см и т. д.), из которого сооружались дома в Закавказье, соответствуют традиционному стандарту, существовавшему в Северной Месопотамии (Тепе-Гавра) и Иране (Сиалк).

И, наконец, появление на Кавказе древнейших специфических металлических предметов, знаменующих развитие местной металлургии, связано с теми формами проушного топора и петлевидной булавки, которые являются типичными для древнего ирано-месопотамского круга.

Все эти соображения противоречат тому взгляду, что эта культура и, в частности, металлургия занесены в Закавказье пришлыми племенами из Анатолии или же сначала должны были быть более тесно связаны лишь с малоазиатскими культурами. Общепризнано, что многие памятники Сирии и Палестины, относящиеся к середине и ко второй половине III тысячелетия до н. э., содержат вместе с расписной керамикой (Амук H) и характерную закавказско-восточноанатолийскую керамику, свидетельствующую о появлении в этих краях каких-то северо-восточных племен.

Вопрос о этногенезе этой культуры еще далек от своего окончательного решения. По памятникам Азербайджана и Северо-Западного Ирана преемственность развития культур IV—III тысячелетий до н. э. пока не прослеживается. Наличие между слоями Кюль-тепе I и II стерильной прослойки скорее указывает на то, что между этими двумя поселениями существовал хронологический разрыв. Однако не исключено, что этот разрыв, так же как на Яник-тепе, прослеживался только на обследованной площади данного поселения. На Кюль-тепе эта прослойка имеет незначительный наклон, объясняемый ее положением на склоне. Бóльшая часть поселения до начала раскопок была полностью разрушена, поэтому некоторые исследователи считают, что истоки культуры эпохи ранней бронзы могут быть найдены здесь же — в более древнем, подстилающем слое развитого энеолита. Фактом, подтверждающим обоснованность подобного мнения, может служить и красноглиняный сосуд, характерный по форме для эпохи ранней бронзы, найденный в самом нижнем слое Яник-тепе вместе с позднеэнеолитическими расписными сосудами.

Принимая во внимание такие факты, как переход некоторых элементов украшений керамики эпохи энеолита (Иран) на керамику эпохи ранней бронзы (Закавказье), красноглиняный сосуд эпохи ранней бронзы, обнаруженный в комплексе позднеэнеолитического слоя поселения Яник-тепе, кости лошади и скульптурные ее изображения, равно как и ранние металлические изделия месопотамо-иранского типа в древних поселениях куро-араксинской культуры, мы приходим к заключению, что первоначальные очаги этой культуры следует искать не только в Закавказье и Восточной Анатолии, но и в западных районах Ирана, где по соседству с лулубеями к началу III тысячелетия до. н. э., по-видимому, бытовали хурритские и другие племена, создавшие столь обширную культуру.

Исходя из предполагаемого направления развития и распространения куро-араксинской культуры с востока на запад, можно допустить возникновение этой культуры на большой территории, занимаемой племенами, постепенно создававшими те особенности (в частности, чернолощеную керамику и др.), которыми в целом характеризуется куро-араксинская культура.

И. Р. Селимханов (СССР), Ж. Р. Марешаль (Франция)

О РАННИХ ЭТАПАХ ДРЕВНЕЙ МЕТАЛЛУРГИИ МЕДИ НА ТЕРРИТОРИИ ЕВРОПЫ И КАВКАЗА В СВЕТЕ НОВЫХ ПОНЯТИЙ И РЕЗУЛЬТАТОВ АНАЛИЗА

Произведенные за последние годы работы по исследованию изделий металлургического производства из археологических раскопок на территории Европы и особенно на Кавказе приводят к некоторым новым выводам о начале возникновения и развития древней металлургии меди.

К числу важнейших вопросов истории древней металлургии, требующих разрешения, относятся следующие:

1. Когда и в каких местах Европы появились первые металлические поделки и каков характер их химического состава и источники сырья для их производства?

2. Была ли чистая медь действительно первым металлом, из которого человек впервые начал изготовлять нужные ему орудия труда и быта?

3. Из каких минералов и руд изготовлялись древнейшие медно-мышьяковые и медно-мышьяково-никелевые сплавы, предметы из которых бытовали как в Европе, так и на Кавказе?

4. Откуда шло олово для снабжения ряда металлургических районов, в которых не было местных месторождений?

Кроме того, важно выяснить происхождение древнейших металлических изделий, найденных в локальных археологических памятниках различной хронологии.

Группа ученых из Штутгарта недавно проанализировала 2302 древних предмета из меди и ее сплавов, относящихся к эпохам «меди» и «ранней бронзы». На карте Европы были выделены области, в которых частота групп металлических предметов в это время представляла определенную однородность. Нельзя не указать на недостатки этого исследования.

Прежде всего деление меди на сорта должно быть осмыслено геохимически и металлургически. Известно, что состав древних медных сплавов характеризуется присутствием таких элементов — металлов и металлоидов,— как олово, свинец, цинк, сурьма, серебро, золото, висмут, никель, кобальт, железо, мышьяк и сурьма.

Перечисленные элементы, которые важны для выяснения происхождения меди, могут присутствовать как в макро-, так и в микроколичествах. Поэтому выбор лишь пяти примесей из обычных 12—14 недостаточен. Целесообразно разбить предметы на группы, характеризующиеся количественным содержанием большого числа элементов-примесей, особенно золота, кобальта, цинка и даже железа, что весьма важно для исследования происхождения древнего металла Европы.

Среди предметов, анализированных штутгартской группой, часть содержит значительные примеси олова, превышающие 10—15% и безусловно являющиеся преднамеренными. Известно, что олово в качестве легирующего элемента медных сплавов на территории Европы и Кавказа стало применяться относительно поздно. Поэтому необходимо выделить медно-оловянные сплавы с высоким содержанием олова из общего числа анализированного материала и отнести их к группе предметов позднего бронзового века.

Распределение групп предметов по районам без более строгого учета их возраста также представляется неправильным, ибо различные стадии эксплуатации медных залежей и развитие металлургии не могли не быть в хронологической зависимости.

Для успешного развития исследований в области древней металлургии необходимо иметь представление о процессах формирования минералов медного месторождения, изучить эволюцию металла, начиная с его присутствия в минерале до полупродукта — металла и получения готового металлического предмета в том виде, в каком он дошел до нас в материалах из археологических раскопок. Следует учесть, что медные месторождения, разрабатывавшиеся в древности, не были тогда такими же, какими мы их застаем сейчас. Образование месторождений медных и других минералов является динамическим процессом, развивающимся в пространстве и времени, в результате которого образуются три основные зоны: I. Зона окисления; II. Зона цементации; III. Зона первичных (неизменных) минералов (см. табл. 1).

I. Зона окисления. Медные месторождения первоначально были представлены сульфидными минералами, главным образом халькопиритом, затем борнитом, энаргитом и т. п. Под влиянием атмосферных и поверхностных вод, содержащих кислород, углекислый газ и др., эти минералы подвергаются изменению. Сульфатные растворы, образующиеся в результате окисления сульфидных минералов, могут быть вынесены из пределов верхних горизонтов. Обычно медь халькопирита, перешедшая в сульфат, в подходящих условиях, например при испарении раствора, осядет в нижележащих горизонтах в виде сульфатного минерала халькантита ($CuSO_4 \cdot 5H_2O$). Последний при изменившихся условиях влажности вновь перейдет в раствор в виде сер-

нокислой меди. Образованный раствор, перемешиваясь, может встретить кальцит, который осадит медь в виде минерала малахита — $CuCO_3 \cdot Cu(OH)_2$. Малахит, подвергаясь впоследствии действию кислотных вод, опять дает сернокислую медь или, обмываясь водами, несущими кремнекислоту (SiO_2), перейдет в силикат меди — хризоколлу ($CuSiO_3 \cdot H_2O$).

В нижних горизонтах зоны образуется и самородная медь — ранний продукт изменения сульфидных минералов, главным образом халькозина. Она часто возникает и путем отложения из растворов, содержащих сульфат меди. Самородная медь появляется также на поверхности в результате выветривания и размыва горизонтов зоны окисления.

Железо, содержащееся в рудах, окисляется и превращается в красный или коричневый гематит, скопление которого на поверхности залежей образует так называемую железную «шапку». Последнее характерно для месторождений в провинции Хуэльва в Испании, которые покрыты мощной «шапкой» железа, совершенно маскирующей расположенные ниже залежи меди.

Месторождения меди могут также совершенно маскироваться на выходах дневной поверхности кальциевой средой, как, например, в месторождениях меди в Катанге.

Таким образом, в месторождениях происходят различные химические процессы, ведущие в конце концов к полному удалению серы и рассеянию некоторых других элементов, входящих в состав руд; образуются вторичные медные минералы, представленные в виде окислов, гидроокислов, карбонатов, силикатов и т. п.

Итак, в медном месторождении образуется толща горизонтов, состоящих из вторичных минералов, которая называется зоной окисления.

Обычно мощность зоны окисления определяется несколькими метрами, но в отдельных случаях достигает 600 и даже 900 м, например, в руднике Тинтик в США и в рудниках Лонели в Южной Родезии.

Однако зона окисления медного месторождения не является равномерной областью. Различные ее горизонты могут находиться в неодинаковых стадиях изменения. Особенно энергичному воздействию окисляющих и растворяющих агентов атмосферы и вод подвергается приповерхностная часть, непосредственно соприкасающаяся с атмосферой, находящаяся под влиянием солнечных лучей, биосферы, механическим влиянием поверхностных вод и т. д.

В одном и том же горизонте зоны окисления в связи с местными особенностями циркуляции вод можно встретить участки, находящиеся на различных стадиях развития. Все же изучение месторождений показывает, что последовательность в образовании минералов из первичных, т. е. сульфидов — окислов и гид-

роокислов, карбонатов, сульфатов, силикатов и т. п., имеет место в большинстве случаев.

Золото, часто присутствующее в халькопирите, пирите, арсенопирите и сфалерите, при их разрушении остается неизменным, концентрируясь главным образом в зоне окисления сульфидных минералов. Этим объясняется существование месторождений золотистой охры, содержащей повышенную примесь золота.

То же самое и для серебра. Например, в Шаландах и Алемонте (департамент Изер, Франция) содержание серебра в охре составляет 2—8 кг на тонну. Оно находится в зернистой и волокнистой формах.

II. Зона цементации. На более глубинных горизонтах, ниже уровня грунтовых вод, при недостатке кислорода происходит так называемое сульфидное обогащение и образуются медные минералы зоны цементации. В отдельных месторождениях она расположена в 100 м от дневной поверхности и часто составляет главную, нередко единственную ценную часть месторождения. Имеющая небольшое распространение в зоне окисления, самородная медь экзогенного происхождения также находится в зоне цементации и притом в большом количестве.

Минералы зоны цементации следующие: ковеллин, халькозин, борнит, энаргит, самородная медь, сульфаты, тетраэдрит и другие, большей частью в ассоциации с вторичными минералами.

III. Зона первичных минералов (глубинная). Состоит из неизменных минералов, среди которых первое место занимает халькопирит, затем борнит, теннантит, тетраэдрит, энаргит, халькозин, а также минералы других элементов, например свинцовых — галенит, цинковых — сфалерит, железных — пирит, пирротин и т. п.

Руда любого месторождения меди содержит примеси из ассоциации других минералов. Однако нельзя считать, что для каждого из месторождений характерно присутствие определенных малых и микроэлементов. Строго говоря, присутствие некоторых из них находится в зависимости от залегания руд по глубине и площади горизонта. Рудy же одного и того же месторождения в зависимости от зон их залегания могут иметь различную геохимическую характеристику.

Например, если установлено, что кобальт в верхних горизонтах залежи отсутствует, то в более глубоких его присутствие в каких-либо концентрациях не исключено.

То же самое относится и к другим малым и микроэлементам. Поэтому далеко не всегда можно согласиться с утверждением исследователей о возможности установления происхождения древних металлических предметов путем обычной корреляции примесей. Для установления происхождения древнего металла должны быть учтены и такие условия, как исторические, географические, типологические, стратиграфические, хронологические

и некоторые индивидуальные закономерности, выявляемые исследованием в каждом отдельном случае.

Добычу минералов человек, без сомнения, должен был начать с верхних горизонтов зоны окисления, особенно с ее приповерхностной части, в которой он мог различить главным образом такие яркие минералы, как зеленый малахит, голубой азурит и, возможно, другие, менее приметные, как землистый мелаконит. После того как запасы верхних горизонтов исчерпывались, начиналась эксплуатация более глубоких, вплоть до зоны первичных минералов.

Напомним, что в отдельных случаях возможны отклонения от описанной последовательности в разработке медных месторождений, которые связаны с обнажениями минералов на поверхности. Например, в случае выветривания и размыва местами обнажаются более глубокие горизонты месторождений и на поверхности появляются минералы не только зоны цементации, но даже и зоны первичных руд.

Если использование человеком самородной меди как первого металла не всегда может быть оправдано теоретически ввиду ее залегания в нижних горизонтах зоны окисления, а главным образом — в зоне цементации, то оно все же было возможно, именно вследствие выветривания и размыва верхних горизонтов.

Этим также объясняется и обнажение на поверхности месторождений энаргита (Cu_3AsS_4), тетраэдрита (Cu_3SbS_4) и других минералов, характерных для глубинных зон. Наряду с ними на соседних площадях, не подвергшихся размыву и выветриванию, может сохраниться и зона окисления. Но использование минералов зоны цементации и первичных руд для плавки опять-таки было связано с уровнем развития горнорудных и металлургических понятий у древних племен.

В нормальных условиях различные стадии добычи минералов должны были в определенной закономерности отразиться на химическом составе предметов из медных сплавов, найденных во время раскопок.

Для отдельных мест Средней и Западной Европы последовательность в добыче минералов медных месторождений, очевидно, была следующей:

1. Окислы и карбонаты меди, возможно также карбонаты меди и свинца.
2. Блеклые руды, серебристые с халькозином и в меньшей степени самородная медь.
3. Борнит или пестрая руда.
4. Энаргит, панабазит.
5. Теннантит (содержащий 17% As) и биннит.

Древнему металлургу, которому не было еще знакомо шлакование, приходилось, очевидно, отбирать для плавки поверхностные чистые минералы. Добыча их не представляла затруднe-

ний, а восстановительной плавкой с помощью примитивных приемов получалась чистая медь.

По мнению В. А. Пазухина, с которым нельзя не согласиться, этим, а не только происхождением из самородной меди, объясняется чистота древнейших медных поделок.

В позднейшие этапы развития древней металлургии, когда запасы минералов исчерпывались, начиналась эксплуатация более глубоких горизонтов, до зоны первичных сульфидных минералов. Необходимость предварительного обжига последних была к тому времени открыта человеком.

По нашему мнению, для отражения особенности исходных руд и с металлургической точки зрения, с учетом результатов анализа древней меди раннего этапа металлургии, было бы правильнее ее деление на следующие основные сорта:

I. Чистая медь, содержащая ничтожные примеси других характерных металлов и металлоидов, число которых ограниченно, и происходящая из чистых минералов или самородков.

II. Медь с повышенной примесью мышьяка и с малыми других элементов — медно-мышьяковые сплавы.

III. Медь с повышенными примесями мышьяка и никеля и с малыми других элементов — медно-мышьяково-никелевые сплавы.

IV. Остальная медь, в том числе и с повышенной примесью железа, никеля, сурьмы, висмута, серебра и других одновременно или порознь, кроме олова и цинка.

При этом мы считаем пока нецелесообразным ограничивать каждый сорт меди точным процентным содержанием примесей, как это иногда практикуется, так как разница в 0,1% примеси может переместить предмет в иной сорт.

Появление оловянистой бронзы, иногда с содержанием мышьяка, сурьмы и примесей других металлов порознь или в различных сочетаниях, относится к более поздним этапам древней металлургии. Цинк в сплавах появляется в еще более поздние периоды, однако в ряде мест его повышенная примесь наблюдается уже в бронзовом веке. В эти периоды выяснение источников сырья и происхождения представляет более сложную задачу из-за значительного числа «неестественных примесей», вносимых легирующими металлами и переплавами лома, а количество групп — сортов металлов сильно возрастает.

Была ли вообще чистая медь на территории Европы и Кавказа первым металлом в быту у человека, как это и до сих пор утверждается?

Исследования показывают, что в отдельных местах Европы в ранние периоды появляются и медные, и медно-мышьяковые предметы. Последовательность могла быть установлена результатами спектральных анализов предметов различного возраста, расположенных в хронологическом порядке.

Пока бесспорно появление меди на территории Европы в III—II тысячелетиях до н. э. Это доказывается в первую очередь находкой в памятнике Лос Минарес, дата которого по C^{14} 2344±85 лет до н. э. Найденный там «плоский топор» оказался изготовленным из меди с примесью мышьяка. Его химический состав следующий:

Cu	Sn	Pb	As	Sb	Zn	Ag	Ni	Bi	Au	Co	Fe
Основа	0,14	0	1,1	0	0	0,14	0,03	0,24	0	0	следы

Среди металлических предметов, найденных на территории Словакии, единственный пока самый ранний топорик обнаружен в памятнике 3000—2500 гг. до н. э. По данным анализа, этот топорик оказался медным с примесью 0,1% мышьяка и 0,36% сурьмы. Остальные примеси в пределах до 0,1% (см. табл. 2).

В таблице анализов далее следует шесть топоров, относящихся к 2300—2200 гг. до н. э., из которых один содержит примесь 3,5% мышьяка и малые примеси других элементов. В остальных предметах мышьяк отсутствует, но в одном из них оказалось 2,20% железа. Следовательно, в данном районе медно-мышьяковые предметы бытуют почти одновременно с медными без мышьяка.

Окончательное заключение можно сделать после дальнейшего обнаружения и исследования древнейшего металлического материала ранних периодов. Олово как легирующий элемент медных сплавов появляется в памятниках около 1700 г. до н. э.

На Кавказе в течение длительного времени ряд древнейших памятников причислялся к энеолитическим. После проделанных в лаборатории Института истории Академии наук Азербайджанской ССР количественных спектральных анализов металлических предметов, остатков от литья, материала с поверхности литейных форм, шлака, найденных в этих памятниках, было установлено, что металлические изделия были приготовлены не из чистой меди, как предполагали археологи, а из медно-мышьяковых сплавов; другие объекты металлургии показали местное производство медно-мышьяковых сплавов. Было предложено эти памятники считать принадлежащими к «периоду использования медно-мышьяковых сплавов», предшествующему эпохе бронзы. А. А. Иессен соглашался с этим мнением, но считал более правильным отнесение этих памятников не к медно-мышьяковому периоду, а к эпохе ранней бронзы.

Позднее О. А. Абибуллаев, продолжавший раскопки холма Кюль-тепе в Нахичеванской АССР, нашел в верхней половине нижнего (первого) слоя семь металлических предметов. Из них шесть находились на глубине 17—18 м от вершины холма, а один на глубине 15,05 м. Дата угля, взятого из горизонта 18,2 м,— 3807±90 лет до н. э. Следовательно, все шесть предметов могут быть датированы началом и серединой IV тысячелетия до н. э.

Таблица 1

Распределение некоторых главнейших минералов в зонах медных месторождений, разрабатывавшихся в древности

	Минералы	Химический состав	Содержание меди, %
I. Зона окисления	Окислы		
	Куприт	Cu_2O	88,8
	Тенорит	CuO	79,8
	Карбонаты		
	Малахит	$CuCO_3 \cdot Cu(OH)_2$	57,4
	Азурит	$2CuCO_3 \cdot Cu(OH)_2$	55,1
	Сульфаты		
	Халькантит	$CuSO_4 \cdot 5H_2O$	25,4
	Силикаты		
	Хризоколла	$CuSiO_3 \cdot H_2O$	36,2
	Самородная медь	Cu	99,9
II. Зона цементации	Самородная медь	Cu	99,9
	Ковеллин	CuS	66,4
	Халькозин	Cu_2S	79,8
	Борнит	Cu_5FeS_4	69,3
III. Зона первичных минералов	Халькопирит	$CuFeS_2$	34,5
	Борнит	Cu_5FeS_4	63,3
	Теннантит	Cu_3AsS_4	43,57
	Тетраэдрит	Cu_3SbS_4	15,55
	Энаргит	Cu_3AsS_4	48,36
	Халькозин	Cu_2S	79,86

Таблица 2

Результаты анализа металлических предметов из Словакии

Вес топоров, г	Содержание, %													
	Cu	Sn	Pb	Zn	As	Sb	Ag	Au	Bi	Ni	Co	Fe	M	P
		3000—2500 лет до н. э.												
426	Основа	0	0	—	0,1	0,35	0,001	0	0,05	0,01	0	0,03	0	—
		2300—2200 лет до н. э.												
325	Основа	0	0,003	0	0	0	0,001	0	0	0,008	0,001	0,02	0	0
390	Основа	0	0,001	0	0	0	0,006	0	0	0,03	0	0,03	0	0
300	Основа	0	0	0	0	0	0,002	0	0	0,01	0,001	0,25	0	0
480	Основа	0	0	0	0	0	0,002	0	0	0,05	0,002	2,2	0	0
480	Основа	0	0,001	0	0	0	0,003	0	0	0,002	0	0,02	0	0
330	Основа	0,003	0,001	0	3,1	0,001	0,003	0	0,002	0,005	0	0,02	0	0

Таблица 3

Результаты анализа металлических предметов из Армении и Азербайджана

Предметы	Содержание, %													
	Cu	Sn	Pb	Zn	As	Sb	Ag	Au	Bi	Ni	Co	Fe	Mo	P
V—IV тысячелетия до н. э. (Техута)														
Фрагмент четырехгранного шила. Вес 0,8 г, анализировался металл		0,02	0,07	—	3,6	0	0,18	0	0,025	0,1	0	0,05	—	0
Нож. Вес 5,5 г, анализировалась патина		0,01	0,01	—	5,4	0	0,001	0	0	0,002	0	1,1	—	0
IV—III тысячелетия до н. э. (Кюль-тепе близ г. Нахичевани)														
Фрагмент «металла». Вес 6 г, анализировались окисленный металл с зеленой патиной	Основа	0,003	0,07	0	0,4	0,005	0,043	0	0	0,01	0	0	0,2	0,05
Фрагмент бусины. Вес 0,5 г, анализировались окисленный металл с зеленой патиной		0	0	0,01	0	0	0,004	0	0	0,001	0	0	0,1	—
Фрагмент неизвестного предмета. Вес 0,3 г, анализировался окисленный металл		0	0	0,05	0	0	0,014	0	0	0	0	0	0,5	0
Наконечник стрелы, анализировался окисленный металл		0,003	0,15	—	1,14	0	0,1	0	0,02	0,005	0	0,001	0,15	1,05
Медная проколка. Вес 2,3 г, анализировался окисленный металл		0,002	0	—	1,15	0,2	0,018	0	0,003	1,6	0,02	—	0,02	0

Следует отметить, что в результате длительного пребывания в неблагоприятных почвенных условиях найденные металлические изделия оказались разрушенными химически и полностью превратились в окислы металлов, покрытых зеленой патиной. Лишь с трех предметов удалось отобрать пробу окисленного металла — фрагмента (глубина 17,6 м), наконечника стрелы (глубина 17,2 м) и проколки (глубина 15,05 м). В остальных предметах анализу подверглась проба зеленой патины, собранная с их поверхности. Результаты такой пробы характеризуют скорее качественный, а не количественный состав металла, и с большим содержанием примесей в первоначальном металле безусловно приходится считаться. Например, в наконечнике стрелы содержится 1,14% мышьяка, во фрагменте «неизвестного предмета» он отсутствует, а фрагмент «металла» содержит 0,4% мышьяка (табл. 3).

Примечательно, что четырехгранная проколка, кроме 1,15% мышьяка, содержит еще 1,6% никеля. Присутствие остальных примесей металлов незначительно. Отметим, что медно-мышьяково-никелевые предметы из сплава подобного типа обнаружены в памятниках III—II тысячелетий до н. э. на территории Грузии, в курганах бассейна Кубани и в Чечено-Ингушетии.

Вопрос о происхождении медно-мышьяково-никелевых предметов на Кавказе и в Европе пока не решен. В свое время присутствие никеля в древних месопотамских изделиях изучалось С. Г. Дешом. Было высказано предположение об их происхождении из оманской медно-никелевой руды.

Совсем недавно Р. М. Торосян обнаружил в древнем поселении Техута в 3 км от Эчмиадзина три металлических предмета, которые датируются V—IV тысячелетиями до н. э. Таким образом, эти находки металла к настоящему времени являются наиболее древними на Кавказе. Они также плохо сохранились, не совсем уцелело и металлическое ядро. Спектральному анализу подверглись обломок шила и плоский ножик, причем с последнего — также проба зеленой патины.

Согласно результатам анализа, они оказались изготовленными из медно-мышьякового сплава. В обломке четырехгранного шила оказалось 3,6% мышьяка, 0,18% серебра, 0,025% висмута и 0,1% никеля (табл. 3, № 1). В плоском ножике мышьяка — 5,4% при 0,001% серебра, никеля — 0,002%, висмута нет (табл. 3, № 2). И без графического изображения результатов анализа можно установить, что эти предметы изготовлены из металла, полученного плавкой медных руд или минералов из различных источников. К сожалению, в памятниках V—IV тысячелетий до н. э. пока не обнаружены другие предметы, имеющие отношение к древнеметаллургическому производству — шлак, остатки литья, литейные формы, тигли и т. п.

А. М. Мандельштам

НОВАЯ КУЛЬТУРА ЭПОХИ БРОНЗЫ НА ЮГЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ

(тезисы доклада)

1. До недавнего времени памятники эпохи бронзы Бактрии — одной из крупнейших культурных областей Средней Азии — были неизвестны. Только в 1955—1959 гг. при раскопках больших курганных могильников античного периода в Бишкентской долине (Южный Таджикистан) удалось обнаружить значительное число погребений эпохи бронзы. Особенно важные результаты дало изучение ранней части Тулхарского могильника, насчитывающего более 75 могил.

2. Здесь раскопаны могилы четырех типов. Преобладают неглубокие овальные ямы с пологим входом-спуском, прилегающим, как правило, к одной из длинных сторон могилы. Можно предположить, что это лишь часть некогда более сложного сооружения, имевшего перекрытие и в целом, возможно, сходного с землянкой.

3. Погребения взрослых в таких могилах преимущественно одиночные, реже — парные (мужчина и женщина), одновременные или разновременные. Погребения детей характеризуются многократностью захоронения в пределах одной могилы. Скелеты взрослых всегда находятся в скорченном положении, на боку (мужчины — на правом, женщины — на левом), с согнутыми руками и ногами. Положение скелетов детей неясно, так как они сильно потревожены.

4. Во всех погребениях взрослых имеется сопровождающий инвентарь, кости барана, а также своеобразные «очаги», устроенные вблизи от черепа. В погребениях мужчин — это квадратное углубление, обложенное изнутри вытянутыми обломками плитняка, в погребениях женщин — округлое углубление без какой-либо обкладки.

5. Наиболее важную и интересную часть сопровождающего инвентаря составляют медные и бронзовые изделия: листовидные и кинжаловидные ножи, кинжалы (также двух типов), своеобразные бритвы, круглые зеркала (почти все без ручек), булав-

ки с завершениями разной формы и др. Менее выразительна керамика. Это в основном лепные сосуды простых форм, лишенные какого-либо орнамента, но найдены также высококачественные горшки и миски, изготовленные на гончарном круге, видимо, заимствованные от другой, соседней группы населения.

6. Время указанных могил может быть установлено лишь приблизительно — на основании аналогий предметам сопровождающего инвентаря в материалах соседних областей. Это поздний период эпохи бронзы — XIII—IX вв. до н. э.

7. Сопоставление с одновременными комплексами других районов Средней Азии (Маргианы, Южной Туркмении, Согда, Хорезма и т. д.) показывает, что ранняя часть Тулхарского могильника весьма своеобразна и может рассматриваться как памятник особой культуры, которая условно названа бишкентской.

8. Происхождение этой культуры еще неясно, но отдельные предметы из могил свидетельствуют о связях ее с северными степными областями. Интересно, что некоторые черты обряда (в частности, упомянутые выше «очаги») находят параллели и объяснение в древнеиндийском ритуале. По-видимому, носители бишкентской культуры были связаны с племенами, двигавшимися в направлении Индии, но на каком-то этапе обособились. Дальнейшая история их протекала в контакте с местным населением.

В. М. Массон

ОТ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ ДО СЛОЖЕНИЯ РАННЕКЛАССОВОГО ОБЩЕСТВА

(этапы культурного и хозяйственного развития по материалам Азиатского материка)

Накопление новых археологических материалов порождает в первую очередь появление конкретно-локальных периодизаций и классификаций. В значительной мере это оправдано своеобразием развития того или иного района или области. Однако подобная дробность может привести к забвению закономерностей исторического процесса.

Новые материалы ставят вопрос о подобных закономерностях с особой остротой. Одним из путей поисков закономерностей является разработка периодизации истории общества, в первую очередь его культурной и хозяйственной эволюции, наиболее доступной изучению археологическими методами. В этой области полностью сохраняют свое значение методологические принципы, сформулированные в известной периодизации Л. Г. Моргана и Ф. Энгельса. «...Дикость,— писал Ф. Энгельс,— период преимущественно присвоения готовых продуктов природы; искусственно созданные человеком продукты служат главным образом вспомогательными орудиями такого присвоения. Варварство — период введения скотоводства и земледелия, период овладения методами увеличения производства продуктов природы с помощью человеческой деятельности». Этой периодизацией, как известно, пользовался Г. Чайлд. Принципы Моргана и Энгельса, воспринятые через посредство Г. Чайлда, были использованы Р. Брейдвудом, который предлагает выделять Food-gathering Stage и Food-producing Stage.

В настоящем сообщении делается попытка приложения методологии Ф. Энгельса к новым материалам, характеризующим высокоразвитые культуры Азиатского материка.

В значительной мере на материалах этого региона строил свою схему и Р. Брейдвуд, согласно которому в эпохе производства пищи различаются «субэры»: зарождение земледелия и скотоводства; первичные земледельческие общины; развивающиеся

земледельческие общины или «зарождение урбанизаций». Позднее он предложил разделить последнюю из «субэр» на три фазы, но это деление касалось преимущественно Месопотамии. В работах Р. Брейдвуда, как правило, подробно рассматривается переход от собирания пищи к ее производству, но дальнейшей эволюции экономики, предопределившей становление раннеклассового общества, уделяется недостаточное внимание.

Переход к земледелию и скотоводству был обусловлен как благоприятным экологическим фоном, так и предпосылками, складывающимися в среде самого человеческого общества. К числу последних следует относить достаточно высокий уровень техники и зачатки положительных знаний, развитое охотничье-собирательское хозяйство, значительную плотность населения, затруднявшую экстенсивное использование охотничьих угодий. Возможно, в ряде областей имел место даже кризис охотничьего промысла. Только сочетание этих факторов приводило к сложению экономики нового типа. Отсутствие или слабость общественных предпосылок объясняет то обстоятельство, что в некоторых областях, выделяемых геоботаниками как предположительные центры земледелия, раннеземледельческие культуры не возникли или сложились в сравнительно позднее время. Так обстоит дело с Абиссинией, Индокитаем и Индостаном. Сравнительно позднее развитие земледельческой культуры характерно и для китайского очага.

В историческом плане следует различать первое появление доместицированных видов растений и животных и их широкое использование. Первый период — это время зарождения новой экономики в условиях преобладающего хозяйства охотников, собирателей и рыболовов. Это только появление новых элементов, еще не приведшее к кардинальным переменам в жизни общества. Поэтому едва ли можно согласиться с Р. Брейдвудом, относящим «субэру» зарождения земледелия и скотоводства к эпохе производства пищи.

Работы последних лет в Мезоамерике весьма ярко характеризуют этот период. Исследования Р. Макнейша в Северо-Восточной Мексике показали, что прошло длительное время от появления доместицированных растений, составлявших в 5000—3000 гг. до н. э. 5—8% продуктов питания, до середины II тысячелетия до н. э., когда соответствующая цифра повысилась до 30%. Еще больший интерес представляют работы того же исследователя в долине Теукан в Центральной Мексике, в зоне, более близкой к основным центрам земледельческой цивилизации Мезоамерики. Здесь открыты стойбища охотничьих коллективов, основной добычей которых, видимо, в связи с истощением фауны, были мелкие грызуны. Не удивительно, что уже в 7200—5200 гг. до н. э. человек обращает большое внимание на сбор различных растений. К этому времени относятся, кстати, и

первые данные о ткачестве. Далее следует, как и в Северо-Восточной Мексике, длительный период (5200—1500 или 2300 гг. до н. э.), на протяжении которого появляется все большее число видов доместицированных растений, а их место в питании человека соответственным образом возрастает. На фазе Ajalpan (1500—900 гг. до н. э.) жители долины окончательно перешли к земледелию. Они жили в поселках, состоявших из многих домов, и изготовляли из глины сосуды и женские статуэтки.

Эти данные укрепляют уверенность в наличии соответствующего периода и на Ближнем Востоке, где характер культурного слоя не способствует сохранности растительных остатков. Здесь к соответствующей стадии развития следует относить натуфийскую культуру и североиракский мезолит, который правильнее именовать мезолитом курдистанским. Натуфийская культура уже давно обратила на себя внимание исследователей высоким уровнем развития. Основой экономики в это время (IX—VIII тысячелетия до н. э.) были охота и рыболовство, причем их высокая специализация привела к раннему зарождению оседлости (овальные дома Эйнана). Микролитический кремневый инвентарь с большим числом изделий геометрических форм и костяные орудия (рыболовные крючки, гарпуны, проколки) в основном вполне соответствуют этой хозяйственной базе. Распространены и такие орудия, как песты, ступки и прямые жатвенные ножи с кремневыми вкладышами в костяной основе. В пещере Эль-Вад подобные вкладыши составляют 8% всех орудий. Поскольку растительные остатки на натуфийских памятниках не найдены, неясно, были ли известны натуфийцам доместицированные растения или они ограничивались сезонными сборами дикорастущих злаков. Материалы Мезоамерики позволяют видеть в Натуфе ту стадию развития, когда наряду со сбором диких растений началось их искусственное выращивание, которое, однако, играло в хозяйстве еще ничтожную роль. Вполне вероятно, что началось и одомашнивание животных. В свое время Р. Вофрей высказал мнение, что в позднем Натуфе были приручены козел, бык и, возможно, свинья. Ч. Рид выразил в этом сомнение, указав на отсутствие соответствующих остеологических признаков. Однако такие признаки появляются лишь после значительного числа генераций, и предположение Р. Вофрея полностью сохраняет свою силу.

Более показательны материалы курдистанского мезолита, представленного в первую очередь такими памятниками, как Карим-Шахир, телль Малефаат, Зави-Чеми-Шанидар и тепе Асиаб. В отличие от Натуфа это преимущественно открытые стоянки, хотя в пещере Шанидар также отмечен материал этого времени (слой BI — около 8900 г. до н. э.). Памятники расположены в горных массивах с дубово-фисташковыми лесами. Так же как и в Натуфе, отмечается тенденция к постоянному обита-

нию, что привело к образованию первых теллей (Малефаат, Зави-Чеми-Шанидар). Жилищем в ряде случаев, видимо, служили овальные полуземлянки. Основную пищу доставляла охота на барана, козла, оленя, кабана и косулю. В значительных масштабах собирали моллюсков. В горных областях рыболовство было ограниченным. Кремневая индустрия в целом соответствует подобной экономике. Появляются изделия из шлифованного камня (тесла, браслеты и подвески) и статуэтки из необожженной глины. Отмечены остатки циновки или корзины.

О новых влияниях в этой традиционной экономике свидетельствуют кремневые вкладыши жатвенных ножей, правда, менее многочисленные, чем в Натуфе. В Зави-Чеми-Шанидаре обнаружена костяная основа подобного слегка изогнутого ножа. Широко распространяются каменные песты, ступки и зернотерки. О том, что собиратели в это время широко обращались к объектам растительного мира, свидетельствуют находки из нижних слоев Али-Кош, отнесенных к 7000—6500 гг. до н. э. Поселение это расположено вне зоны естественного произрастания пшеницы и ячменя. Здесь практиковали сбор люцерны, мелкозернистых растений семейства бобовых, льна, гороха и фруктов вроде каперсов. Вероятно, в горных областях объектом сбора были дикорастущие злаки, для хранения которых, возможно, предназначались хозяйственные ямы Зави-Чеми-Шанидара.

На этом же памятнике отмечены и свидетельства доместикации барана. Морфологически такие костные остатки идентичны остаткам диких особей. Однако большой процент молодых особей (50—60%) заставляет полагать, что перед нами не добыча охотников, а продукция скотоводства, в котором основные производители оставлялись на приплод.

Таковы материалы, характеризующие период зарождения новой экономики. Здесь еще полностью господствуют охота, собирательство и рыболовство и характерные для них кремневые и костяные орудия, но развитие собирательства дикорастущих злаков и первые шаги по их доместикации приводят к появлению новых функций у старых орудий (жатвенные ножи) и распространению орудий новых видов (терки, ступки, песты). Начинается одомашнивание животных. Отмечены изделия из шлифованного камня и необожженной глины. Преимущественная зона обитания подобных общин — горные районы и лишь частично подгорная полоса. Искусство представлено мелкой скульптурой — как схематической, так и с элементами реализма в лучших традициях верхнепалеолитической живописи.

Наиболее яркие памятники этого периода известны в Палестине и Курдистане. На юге Малой Азии, в пещере Белдиби, отмечены слои с кремневой индустрией натуфийского типа, в том числе с вкладышами серпов. Большой процент молодых особей в слоях VII—VI тысячелетий до н. э. в пещере Гари-Камарбанд

на юге Каспия, по заключению К. Куна, свидетельствует о начале одомашнивания козы. К VI тысячелетию до н. э. относятся слои пещеры Гари-Мар в Афганистане, в которых найдено значительное число кремневых вкладышей серпов.

Новые виды хозяйства, зародившиеся в рассмотренный период, с течением времени стали ведущими в экономике древних обществ. Это знаменовало начало новой эпохи, кардинальное изменение всей экономической базы общества, а затем его социальной структуры и всего облика культуры. На эту важнейшую роль земледелия и скотоводства указывал еще Ф. Энгельс, а Г. Чайлд даже предложил термин «неолитическая революция», чтобы ярче подчеркнуть происшедшие перемены. Следует иметь в виду, что здесь речь идет лишь об экономических изменениях, а не о социальном движении. Но именно переход к новым видам хозяйства явился стимулом общественного развития. Первобытный строй вступает в эпоху своего расцвета, за которым уже виднеются признаки его упадка и разложения.

В хозяйственной и культурной эволюции в эту эпоху можно наметить три основных периода. Первый — период архаической экономики, когда элементы старого еще довольно сильны в хозяйстве и особенно в культуре. Качественные изменения уже произошли, и общество, хотя и отягощенное грузом традиций, перешагнуло порог новой эпохи. К этому периоду можно отнести комплексы Джармо, Иерихон и Джейтун. В Египте он, возможно, представлен тасийской культурой. Новые материалы недавно были получены на таких памятниках Ирана, как Али-Кош и тепе Гуран. Наконец, к этому периоду, по нашему мнению, относится и восточный холм Чатал-Гуюка, яркая культура которого лучше всего характеризует успехи общества.

Земледелие и скотоводство уже выступают в хозяйстве на первый план. Земледелие использует доместицированные формы ячменя, гороха, двух видов пшеницы и некоторые другие растения, что отражает процесс древней селекции. Человека интересовали сорта с менее ломким стеблем и менее твердой шелухой. Уже при жатве происходил естественный отбор экземпляров с более стойким стеблем, что закреплялось в последующих генерациях. Для отделения от мякины зерна скорее всего обжаривали — недаром на раннеземледельческих поселках почти в каждом доме имеются печи. Существует мнение, что ранние виды доместицированных злаков были малопригодны для выпечки хлеба и что их после растирания на зернотерке или толчения в ступке употребляли в виде каши. Покинув зону естественного произрастания злаков, древний земледелец переносил растения в новые условия, что также способствовало морфологическим изменениям. Г. Хельбек полагает, что двурядный ячмень был выращен в зоне дождевого орошения, тогда как шестирядный — в условиях поливного земледелия. В рассматриваемое время

были известны оба вида ячменя. Они отмечены на поселении, расположенном в подгорной полосе. В горной зоне господствует двурядный ячмень (Джармо, тепе Гуран), причем среди зерен доместицированного вида иногда встречается примесь дикорастущего ячменя (тепе Гуран). Возможно, поля обрабатывались мотыгами с каменными наконечниками (Джармо). Широко распространяются различные хранилища нового вида продуктов — ямы, закрома и т. п. В глину, идущую на изготовление домов и сосудов, подмешивают в качестве отощителя рубленую солому. Запасы зерна требовали борьбы с грызунами, с чем, надо полагать, связано и появление домашнего кота (Иерихон).

Об успехах скотоводства свидетельствуют также особи с морфологическими признаками одомашнивания. Так, в нижних слоях поселения Али-Кош (7000—6500 гг. до н. э.) лишь обилие молодых особей указывает на одомашнивание козла, тогда как в следующем слое (6500—6000 гг. до н. э.) Али-Коша, как и в Иерихоне и Джармо, появляются особи с морфологическими изменениями. Новые исследования показали, что в Джармо среди домашних животных были и баран, приручение которого началось еще в Зави-Чеми-Шанидаре, и свинья. Возможно, в Чатал-Гуюке был одомашнен и крупный рогатый скот, но специальные палеозоологические изыскания здесь еще не произведены. Вполне вероятно, что уже на этой ранней стадии следует различать в зависимости от природных условий земледельческо-скотоводческие и преимущественно скотоводческо-земледельческие поселения. Так, в Джармо мы имеем дело с поселком с сырцовой архитектурой. Здесь уже были одомашнены козел, баран и свинья. В тепе Сорабе, расположенном несколько выше в горах, керамика идентична Джармо, но нет глинобитных домов, а одомашнены лишь козел и баран. Возможно, тепе Сораб — сезонное стойбище коллектива, пастушеского по преимуществу. Вполне вероятно, что именно скотоводческо-земледельческие общины, как более подвижные по типу хозяйства, первыми спустились на подгорную равнину (например, Али-Кош, где в нижних слоях зерен ячменя и пшеницы крайне мало по сравнению с растениями, произрастающими в этом районе). Интересно отметить, что в шумерской мифологии древний человек, прежде чем принять облик цивилизованного земледельца, представляется бродячим скотоводом, а до того — охотником. То же самое наблюдается в месопотамской глиптике конца IV тысячелетия до н. э. Возможно, мобильные скотоводческо-земледельческие коллективы действительно первыми проникли в Южное Двуречье, которое позднее стало крупнейшим центром ирригационного земледелия.

Хотя земледелие и скотоводство уже заняли в хозяйстве ведущее место, элементы архаической экономики еще сильно давали себя знать. Обитатели Джармо, подобно пещерным охотникам более раннего времени, поедали множество крупных мол-

люсков Helix salomonica. Значительную, если не преобладающую, часть мясной пищи доставляла охота на крупных млекопитающих (лошадь, газель, безоаровый козел, олень и бык в Джармо; газель и осел в Иерихоне; бык, осел, олень, баран и кабан в Чатал-Гуюке).

Эти архаические традиции заметно проявляются в наборе орудий труда. Обильный кремневый инвентарь, представляющий собой заключительную фазу расцвета кремневой индустрии, весьма характерен для рассматриваемого периода. Особенно показательно большое число различных резцов и скребков, используемых при обработке шкур. Эта отрасль производства еще, видимо, соперничала с зарождающимся ткачеством. Весьма велико, однако, и число кремневых вкладышей серпов (в Джейтуне — 36,5% всех орудий). Находка в Джармо остатков деревянной основы показывает, что в ходу был уже не только прямой жатвенный нож, но и изогнутый серп. Время от времени используют металл, но не для изготовления орудий труда (свинцовые и медные бусы, кольца и подвески Чатал-Гуюка; медь в Али-Коше). В связи с растущим разнообразием пищи, обусловленным новыми видами продуктов питания, значительную роль играет изготовление сосудов — вначале каменных (Джармо, Иерихон) и деревянных (Чатал-Гуюк), а затем и из обожженной глины.

Переход к новой экономике заметно сказался на росте благосостояния общества. При этом основной процесс культуры был связан не с пастушескими общинами, а с поселениями оседлых земледельцев и скотоводов. Постоянный прирост населения вел к расселению племен — в первую очередь на подгорные равнины, соседящие с очагами первоначального земледелия. С прочным установлением оседлости связано появление глинобитной архитектуры. Иногда поселки из сырцовых домов укреплены обводными стенами, что свидетельствует о враждебных отношениях между племенами. Особую известность приобрела стена Иерихона, сложенная из бутового камня (толщина почти 2 м, сохранившаяся высота — 3,6 м). Однако большинство памятников представляет собой небольшие, возможно родовые, поселки площадью 0,5—4 га (Джармо, Джейтун, Иерихон, тепе Гуран). Исключение составляет восточный холм Чатал-Гуюка, где площадь поселка достигает почти 13 га. Вероятно, это остатки своеобразной столицы древних земледельцев Конийской равнины, которая и сейчас еще остается важнейшим центром сельского хозяйства Турции. Положение памятника объясняет то обстоятельство, что здесь открыты особенно эффективные памятники искусства. На большинстве других памятников найдена лишь мелкая скульптура из обожженной и необожженной глины. Фигурки животных нередко изображены с большим реализмом, но иногда схематичны, что, вероятно, обусловлено ограниченными запросами, предъявляемыми к ним магическими обрядами. Глиняные маски Иерихона сви-

детельствуют об изысканном мастерстве древних скульпторов, стремившихся к передаче типа или даже портретных черт. Обнаженные фигуры полных женщин из Чатал-Гуюка выполнены в утрированно реалистической манере. Здесь же, в ряде помещений — скорее всего святилищах — открыты многоцветные фрески. В росписях и рельефах этих помещений четко прослеживаются два направления: фрески с изображениями животных отличаются жизненной экспрессией и динамизмом, восходящим к традициям верхнепалеолитической живописи, но уже складывается стиль стилизованной абстрактной символики, которая затем будет широко представлена в росписи на посуде ранних земледельцев. Сложение этого стиля, видимо, связано с развитием абстрактного мышления, нашедшего отражение в сложных религиозных культах и магических обрядах. Среди антропоморфных божеств первое место явно занимает женское божество — вероятно, богиня-мать, «давшая жизнь всем богам», которая известна в шумерской мифологии под именем Нинсургах или Нинмах.

Таковы материалы, характеризующие первый период эпохи производства пищи. Выдвижение на первый план земледелия и скотоводства способствовало быстрому прогрессу почти во всех областях. Увеличивается население, устанавливается прочная оседлость, появляются глинобитные строения. Налаживается широкое производство посуды. Массовость памятников искусства отражает возросшие эстетические потребности в связи с ростом благосостояния, а стиль их исполнения — усложненные формы идеологии. Но еще сохраняются многие черты архаизма, унаследованные от предшествующей эпохи (значительная роль охоты, облик производственного инвентаря, стиль «охотничьего реализма» в живописи). Почти полным исчезновением этих архаических элементов характеризуется следующий период, который можно назвать временем сложившейся экономики нового типа.

Памятники и культуры этого периода давно известны археологам. Таковы Хассуна, Халаф и ранний Убейд в Месопотамии, Фаюм, Меримде, Бадари и Амрат в Египте, сиро-киликийский неолит с Хаджиларом в Малой Азии и Сирии, Сиалк I—II в Иране, Намазга I—IV (ранний этап) в Средней Азии, Кили I в Белуджистане и Яншао в Китае. Все это — типичные земледельческие памятники, иногда объединяемые в понятие «культуры расписной керамики».

Основу хозяйства того времени в большинстве названных областей составляло земледение. На Ближнем Востоке возделывали ячмень, пшеницу, чечевицу, вику, горох и лен, в Китае — просо, гаолян и рис. С полной уверенностью можно говорить об обработке полей мотыгами и палками-копалками. Мотыги нередко имели массивные наконечники из камня (Сиалк, Хассуна), но зачастую были просто деревянными. Палки-копалки утяжелялись каменными кольцами. Как показывают этнографические ма-

териалы, палки-копалки с утяжелителями употребляли для раздробления крупных комков земли, остающихся после вскапывания поля мотыгой. Поднятию урожайности способствовал переход в ряде областей к искусственному орошению полей. Как установил Г. Хельбек, зерна растений в областях ирригационного земледелия были значительно крупнее. Уже в предшествующий период расселяющиеся земледельцы попадали в природные условия, где естественных осадков не хватало для выращивания посевов. Поэтому они применяли первые формы искусственного орошения, используя паводковые разливы речек и ручьев или временных водотоков (вади у Хассуны). Этот вид орошения называется разовым, или одноактным. Более совершенным было многократное орошение при помощи системы каналов, позволявшее подкармливать растения на разных этапах их созревания. Переход к многократному орошению, видимо, уже начался в Южном Двуречье, Эламе и Египте, где складывалось ирригационное земледелие. В Средней Азии первые каналы появились в начале III тысячелетия до н. э. Успехи селекции привели к тому, что земледельцы уже могли получать муку и печь хлеб, о чем свидетельствуют, в частности, находки сита.

Второй основой сельского хозяйства было скотоводство, доставлявшее обществу молочные и основную массу мясных продуктов. В Передней Азии почти повсеместно распространяется крупный рогатый скот. Несколько своеобразен состав домашних животных в Китае (одно из указаний на самостоятельный характер китайского очага). Это были в первую очередь свинья и собака, употреблявшиеся в пищу, а также овца и предположительно крупный рогатый скот. Там, где благоприятствовали условия, сельское хозяйство успешно дополнялось охотой и рыболовством, что, однако, не меняло принципиальной направленности экономики.

Повсеместно расцветала оседлоземледельческая культура. Стали обычными крупные поселки, площадь которых превышала 10 га. В этих центрах сосредоточивались различные производства, совершенство и разнообразие которых все более возрастали. Существенные изменения произошли в характере орудий труда. Кремневая индустрия, характерная для предшествующего периода, приходит в упадок, сохраняются в основном вкладыши серпов, обычно с пильчатой ретушью, наконечники стрел, а иногда и сверла, применяемые, видимо, для специальных работ. Но количество медных изделий, судя по археологическим материалам, как правило, было весьма невелико. Кроме бус, шильев и булавок, из меди изготовляли плоские клинки кинжалов, тесла, рыболовные крючки. Следует подчеркнуть, что упадок кремневой индустрии отнюдь не обязательно сопровождается появлением медных орудий. В Яншао, например, меди нет, но ее с успехом заменяют орудия из камня и кости. Видимо, в эволюции земле-

дельческо-скотоводческого хозяйства первые медные (кованые?) орудия не играли особенно существенной роли. Как мы видели, первые медные изделия были известны еще на стадии архаической экономики (Чатал-Гуюк, Али-Кош).

Благодаря специфике археологических материалов мы особенно хорошо осведомлены о развитии гончарства. Грубая и скудно украшенная керамика ранних фаз (Фаюм, ранняя Хассуна) вскоре уступает место посуде, тщательное изготовление которой свидетельствует о высоком профессиональном мастерстве. Ее обжигали в специальных горнах, где температура могла достигать 1200° (Халаф). Известен довольно богатый дом, являвшийся жилищем-мастерской, возможно, целой семьи гончаров, занимавшейся этим производством. Вероятно, в это время возникло первобытное ремесло. Но его слабая связь с обменом еще не нарушала архаического строя экономики общества. К числу сосредоточенных на поселениях производств принадлежит и ткачество. Огромное число прялиц не оставляет в этом сомнений. Помимо шерсти, в обработку шли искусственно возделываемые лен (Египет) и конопля (Китай). В Китае предполагается начало выделки шелка. Вполне вероятно применение ткацкого станка (Амрат). Развивается плотницкое мастерство. Плотники, вооруженные преимущественно каменными топорами и теслами, активно участвовали в строительстве, изготовляли лодки (Египет, Южное Двуречье), повозки (Халаф) и, вероятно, мебель. Мастера, изготовлявшие различные украшения и предметы туалета из кости и дерева, также достигли значительных успехов, как свидетельствуют материалы Египта. Увеличение населения и рост как самих поселков, так и их числа способствуют расцвету строительного дела. Многокомнатные дома из сырцового кирпича, характерные для памятников Ближнего и Среднего Востока, предполагают предварительное составление плана или схемы воздвигаемого сооружения. Появляются и зачатки монументальной архитектуры. Если святилища Чатал-Гуюка по размерам мало отличаются от жилых домов, то в Эреду, начиная со слоя XI, храм помещали на платформу, доминирующую над поселением. Наиболее значительный храм на платформе (слой VIII) имел размеры 20×11 м.

Прибавочный продукт, получаемый земледельческо-скотоводческими общинами, не только позволял отдельным их членам совершенствовать профессионализм в различных сферах производства. Появилась экономическая возможность накопления в руках отдельных членов общества или, скорее всего, в руках отдельных семей внутри общины. Во всяком случае инвентарь погребений свидетельствует о начале имущественной дифференциации, правда еще незначительной. «Богатство» погребений обычно выражено в количественном увеличении обыденных предметов, а не в их качественных отличиях. С развитием соб-

ственности, вероятно, связано появление знаков на сосудах, а также амулетов-печаток.

Обычай изготовлять, видимо с магическими целями, фигурки людей и животных, а также стремление украшать глиняную посуду яркими узорами дали нам возможность получить значительное число памятников прикладного искусства рассматриваемого времени. В мелкой пластике, особенно в фигурках женщин, изготовлявшихся скорее всего с магическими целями, принцип магии «часть вместо целого» породил немалую долю условности и схематизма. В росписи на посуде, представленной целым рядом изысканных и совершенных стилей, прочно господствует орнаментализм, удачно сочетаемый с абстрактной символикой. Даже изображения людей и животных, нередко по-своему экспрессивные и выразительные, довольно быстро превращаются в орнаментальные схемы и отвлеченные символы. Широкое распространение расписной керамики, возможно, является характерной особенностью первобытного ремесла. Не отдельные, особо совершенные предметы-уникумы, а одинаково равноценные в целом произведения выходили из рук мастеров, оставшихся членами своих общин.

Таким образом, рассматриваемый период характеризуется подъемом экономики нового типа и является временем едва ли не наивысшего расцвета первобытного строя. Стремительный прогресс производства уже таил угрозу обществу, в недрах которого он совершался. Особенно ярко и ощутимо этот прогресс выступает в сфере различных производств, с переходом которых на качественно новую ступень и связан следующий, третий период анализируемой эпохи.

Этот период по характерной его черте может быть назван периодом ремесел. К нему можно отнести такие археологические комплексы и культуры, как поздний Убейд и ранний Урук (до слоя IV) в Месопотамии, герзейское время в Египте, Сузы А—В, Сиалк III и Гиссар I—III в Иране, Кветту, Амри, Кулли, Мундигак I—IV на Среднем Востоке, Намазга IV (поздний этап) и V — в Средней Азии, Лушань и раннее Шан-Ин (Чжэнчжоу) в Китае. Повсюду основой экономики оставалось земледелие и скотоводство, но материалы едва позволяют уловить прогресс, происходящий в этих отраслях хозяйства. Вероятно, в таких областях, как Египет, Шумер, Элам и, надо полагать, долины Инда и Хуанхэ, совершенствовалось ирригационное земледелие. Во всяком случае широкое распространение убейдских поселений позволяет предполагать существование ирригационных систем. Вполне допустимо также применение плуга или, вернее, примитивной сохи. Однако, как показывают шумерские документы, даже в более позднее время соху использовали лишь для проведения борозд, а основную обработку поля производили мотыгами двух видов.

Домашние производства, уже в предшествующем периоде достигшие значительного совершенства и разнообразия, делают следующий шаг в техническом развитии, что создает материальные предпосылки для превращения их в ремесла. Таким существенным изменением была плавка руды и отливка из нее самых разнообразных вещей, что явилось подлинным началом металлургии. Вполне вероятно, что отдельные опыты по плавке руды производились еще в предшествующее время, но лишь теперь она приобрела систематический характер, способствуя появлению специальной профессии кузнеца. В результате значительно совершенствуется производство орудий и оружия, появляются их новые виды. Отжиг и закалка изделий из меди придавали им значительную прочность. Характерным видом нового типа орудий были проушные топоры, известные по подлинным вещам (Сиалк III, Сузы В), и по глиняным моделям (Телло, Тель-Укайр). Помимо меди, обрабатывали серебро (тесло и кинжал в Египте) и свинец (сосуды из Суз). Повсеместно начавшееся изготовление сосудов из металла было одним из признаков большой роли металлургического ремесла. Стали известны и различные сплавы, в том числе бронза. В Китае, например, бронзовые изделия были едва ли не первыми металлическими изделиями вообще. Р. Форбес, предлагая периодизацию истории металлургии, писал, что характер технического процесса более важен, чем металл, из которого сделано орудие. В этом отношении лишь введение железа, связанное с коренными технологическими изменениями, означало наступление нового этапа в металлургии.

Технические изменения происходили и в гончарном производстве. Наряду с совершенствованием гончарных горнов, становящихся в большинстве случаев двухъярусными печами, вводится в употребление гончарный круг сначала медленного, а затем быстрого вращения. Гончары-профессионалы, поставлявшие на рынок массовую продукцию, уже в меньшей мере заботились об ее украшении, чем первобытный гончар. Как правило, вскоре после введения гончарного круга повсеместно исчезает роспись керамики. Более дорогие виды посуды теперь уже представлены изделиями из камня и металлов. Следует полагать, что в особые ремесла выделяются ткачество, ювелирное дело (включая изготовление печатей и резьбу по камню) и строительство. Появились монументальные архитектурные постройки, например, храмы Южного Двуречья. Белый храм Урука возвышался на платформе размером 70×66 м и высотой 13 м. Археологам иногда удается обнаружить обособленные места, занимаемые ремесленниками на поселениях. В Чжэнчжоу отдельные дома были заняты мастерами, изготовлявшими изделия из бронзы, в других велась обработка кости, в третьих трудились гончары. На среднеазиатских поселениях Алтын-депе и Намазга-депе

гончарные печи, сосредоточенные в нескольких местах, как бы образуют кварталы керамистов.

Таким образом, процветающее общество достигало все большего богатства, но с каждым шагом по этому пути усиливалась неравномерность в распределении земных благ. Могилы знати отличаются богатством погребального инвентаря. В могилах Гиссара III об этом богатстве свидетельствуют уже не нагромождения груд глиняных горшков, а изделия из меди, камня и серебра. Египетские материалы ясно показывают, как появляются и особые типы гробниц, переносящие в загробный мир имущественное неравенство, установившееся на земле. Есть все основания полагать, что это имущественное неравенство перерастает в социальную дифференциацию, несущую гибель первобытному строю. Недаром рассматриваемый период был временем почти повсеместного распространения печатей, превращающихся из подвесок-амулетов в магические символы знака собственности.

Выделение ремесла в самостоятельную отрасль производства было определено Ф. Энгельсом как важнейшее явление в истории общества, как второе крупное общественное разделение труда. «С разделением производства на две крупные основные отрасли, земледелие и ремесло, возникает производство непосредственно для обмена,— товарное производство, а вместе с ним и торговля, причем не только внутри племени и на его границах, но уже и с заморскими странами». Технологическое совершенствование различных производств было лишь материальной предпосылкой для выделения ремесла как социально-экономической категории. Это выделение происходит особенно интенсивно в условиях развитого обмена, предъявляющего производству все новые и новые требования. Соответствующие условия сложились в Южном Двуречье, жители которого были вынуждены импортировать руду, строительный камень, лес, полудрагоценные камни (лазурит), в долине Инда. В условиях слаборазвитого внешнего и внутреннего обмена превращение ремесла в особую социальную категорию идет более замедленными темпами, несмотря на технологические успехи.

Наиболее важным результатом всех отмеченных явлений и процессов было разложение первобытного строя и возникновение раннеклассового общества. Этот длительный процесс прошел через целый ряд переходных и синкретичных форм, и исследователи нередко затрудняются в определении строя конкретного общества. Удобными критериями служат сложение крупных городских центров и появление письменности. Соответствующий период развития общества, представляющий, по нашему мнению, первый этап раннеклассовой формации, характеризуют материалы Египта, начиная с нолевой династии (или несколько ранее), Суз С и D в Эламе, поздний Урук и Джемдет-Наср в Месопотамии (XXXIV—XXIX вв. до н. э.), Хараппа в Индоста-

не (XXIV—XVI вв. до н. э.). позднее Шаи-Ин (XIV—XII вв. до н. э.). В свое время Г. Чайлд, выступив с тезисом о «городской революции», предложил считать определяющими в процессе «урбанизации» следующие признаки: монументальная архитектура, неприкладное искусство, излишки продуктов питания, ремесленники, внешняя торговля, классовая структура общества, образование государства, поселения с числом жителей более 5000 человек, распланированные города, письмо и цифровой счет, «науки предсказывания», дороги и система сообщений. Совершенно ясно, что речь идет о сложении раннеклассового общества, и применение терминов «урбанизация» и «городская революция» в таком понимании не представляется удачным. Кроме того, многие из признаков трудно определимы на обычно имеющихся материалах, а некоторые из них возникли в более раннее время (например, ремесленники, излишки продуктов питания, монументальная архитектура). Рассмотрим конкретные материалы, характеризующие этот период.

В Шумере и Эламе ирригационное земледение достигло расцвета. В пиктографических знаках появились изображения сохи и канала, а поля вдоль каналов, согласно документам времени Джемдет-Наср, тянулись на многие километры. Хозяйство, организационными центрами которого были на первых порах храмы, значительно усложнилось, что вызвало к жизни систему письменного учета. С этой системой связано большинство документов из Урука, Джемдет-Насра и, видимо, протоэламских пиктографических табличек, появляющихся со слоя Сузы С. Документы Урука рисуют довольно сложную картину организации общества, где различные лица ведали той или иной отраслью хозяйства. Подобный административный персонал несовместим с первобытным строем, где племя, как правило, ограничивалось выбором мирного и военного вождя-кацика. В Египте поливное земледелие было предметом личных забот фараона, который по крайней мере возглавлял обряд начала земледельческих работ. Возможно, ту же функцию выполняли и иньские ваны. Обнаружение своеобразного склада, насчитывающего около 3500 каменных серпов, позволяет предполагать, что производство сельскохозяйственных орудий, а быть может, и их распределение среди земледельцев носили централизованный характер.

Прогресс ремесел идет бурными темпами. В Шумере и в Эламе в употребление входит бронза. В Индии и в Китае бронзовые изделия были в ходу еще в предшествующий период. Все большее развитие получают художественные ремесла, замечательным памятником которых является, в частности, иньская бронза. Применение быстро вращающегося инструмента для сверления — буреролi — способствовало успеху техники обработки камня. Плотники, кузнецы и ювелиры упоминаются в пиктографических текстах Шумера, причем наличие термина simug-

gal — «большой (главный) кузнец» позволяет говорить об их организации в какие-то объединения. Возможно, такие лица стояли во главе нескольких мастерских, объединенных в своеобразные ремесленные кварталы, о которых свидетельствует археологический материал. О развитии обмена мы знаем как по памятникам материальной культуры, так и по свидетельству источников. Цилиндрические печати Шумера встречаются далеко за пределами Южного Двуречья, в том числе в Египте, где одна из них найдена в могиле, которую предположительно считают захоронением купца. Торговые агенты, действующие от имени храмов, упоминаются в самых ранних текстах Урука. В иньском Китае раковины каури и их связки приобретают значение всеобщего эквивалента. Устанавливаются системы мер и весов (например, гири Хараппы). В качестве объекта торговли раннеклассовые общества использовали не только продукцию высококвалифицированных ремесленников, но, как свидетельствует шумерская эпическая традиция, и зерно — прибавочный продукт высокоразвитого ирригационного земледелия.

Важные изменения наблюдаются и в искусстве. Если ранее оно было преимущественно прикладным, то теперь все чаще появляются произведения, имеющие самостоятельное эстетическое значение. Орнаментальные схемы, насыщенные абстрактной символикой, продолжают бытовать, но наряду с ними все сильнее прокладывает дорогу стремление к реалистичному изображению натуры. В качестве этой натуры выступают не только животные — излюбленные образы охотников каменного века, но и сам человек. В условиях этого общего стремления более адекватно отражать в искусстве окружающую среду складываются различные локальные стили и школы (шумерская, египетская, хараппская, китайская).

Важное значение имеет вопрос о тех крупных поселениях, которые были центрами этих процветающих ремесел и искусств. Большинство исследователей склонны именовать их городами. Это, видимо, наиболее удачное предложение. Вместе с тем следует иметь в виду, что само понятие города в разные исторические эпохи было различным. В рассматриваемое время это крупное укрепленное поселение, центр сельскохозяйственной округи, но также центр ремесленного производства и торговли как внутренней, так и внешней. Рассматриваемый период был временем сложения поистине огромных городских центров. Так, площадь Мохенджо-Даро составляла 260 га, а иньской столицы Аньяна — даже 6 кв. км, но возможно, не вся эта территория была обжита одновременно. Как мы видели, достаточно крупные центры в условиях земледельческо-скотоводческой экономики могут складываться довольно рано, но их роль как ремесленных и торговых центров ничтожна. Существенное значение имеет и вопрос об укреплениях. Недаром знаки как шумерской, так и китайской

письменности изображают поселение как имеющее геометрически правильную ограду, а нередко и башни. Обводные стены или валы (например, в Лушане и в раннем Шан-Ин) существовали и в предшествующие периоды, но городские укрепления представляют собой уже сложные фортификационные сооружения с башнями и предвратными оградами. Центрами городов нередко являются особо укрепленные цитадели (Хараппа, Мохенджо-Даро, видимо Джемдет-Наср). Даже крупные шумерские храмы ограждены стенами с башнями.

Наличие крупных городских центров, как правило, отличает раннеклассовые общества от мира окружавших их первобытных племен, что дает основания для употребления термина «городская цивилизация».

Такова возможная интерпретация некоторых новых материалов, характеризующих хозяйственный и культурный прогресс. Социальная характеристика отдельных ступеней этого прогресса должна стать темой специального исследования. Нетрудно заметить, что основные выводы Ф. Энгельса — например, о выделении эпохи производства пищи и об отделении ремесла от земледелия — полностью сохраняют свое значение. Конкретная характеристика отдельных периодов, да и сами периоды несколько иные, чем в схеме Л. Моргана и Ф. Энгельса, созданной в то время, когда соответствующий археологический материал попросту отсутствовал. Если сохранить принятую в этой схеме терминологию, то выделенные выше три периода можно рассматривать как три степени эпохи варварства. С точки зрения традиционного археологического словоупотребления первый период можно именовать неолитическим, а второй и третий — ранним и поздним энеолитом, хотя уже здесь встретится ряд затруднений.

Весьма существенна картина неравномерности исторического развития, наблюдаемая при рассмотрении выделенных периодов по замкнутым регионам. В условиях влияния со стороны более развитых соседей тот или иной период мог быть менее длительным. Так, в Белуджистане и Афганистане, где в сложении земледельческих культур значительную роль сыграли западные воздействия, второй период был крайне ограничен во времени — местные общины быстро усвоили достижения ремесел своих соседей. Вероятно, аналогичным образом произошел и быстрый переход к металлургии бронзы в Китае. Вместе с тем повторение одних и тех же этапов в Китае и в Передней Азии в хронологически разные отрезки времени (время Яншао — время первых государств Шумера и Аккада) свидетельствует как о закономерном характере исторического процесса, так и о независимом характере китайского очага земледельческой цивилизации, что подтверждается, с нашей точки зрения, отличным составом злаков и домашних животных, равно как и самобытным обликом всей культуры.

Общества отдельных областей, достигнув того или иного периода, нередко задерживаются в своем развитии. Так, если юго-запад Средней Азии прошел период архаической экономики почти одновременно с основными центрами Передней Азии, то период сложившегося земледельческого хозяйства затянулся здесь вплоть до середины III тысячелетия до н. э. Весьма распространенным явлением можно считать и длительность периода ремесел, нередко связанного с наличием рудных месторождений, в то время как условия для быстрого сложения раннеклассового общества в соответствующем регионе отсутствовали. Таким образом, построение общих схем ни в коей мере не должно исключать изучения исторических процессов во всем их конкретном своеобразии.

И. Н. Хлопин

К ИСТОРИИ ДРЕВНИХ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ ЮЖНОЙ ТУРКМЕНИИ

(тезисы)

1. На территории распространения древнеземледельческой культуры с расписной керамикой в Южной Туркмении лучше всего изучена компактная и обособленная группа поселений, состоящая из девяти холмов и расположенная юго-восточнее г. Теджена, в древней дельте р. Теджен. Хронологические границы существования поселений — IV — начало III тысячелетия до н. э.

2. Для определения относительной хронологии памятников была рассмотрена совокупность археологических находок из шурфов и строительных горизонтов всех поселений, площадь и высота поселений, а также определена средняя мощность строительных горизонтов, которая оказалась равной 0,6 м. Верхние строительные горизонты восьми поселений могут быть синхронизованы с соответствующими слоями полной стратиграфической колонки крупнейшего поселения дельты Геоксюр I; если от верхнего строительного горизонта каждого поселения отложить вниз (вглубь) количество строительных горизонтов в условных единицах измерения, становится возможным определить примерное время возникновения каждого из них.

3. Полученная этим путем синхронно-стратиграфическая таблица показывает не только хронологические рамки каждого поселения, но и взаимоотношение поселений (т. е. населявших их коллективов людей) на протяжении довольно крупного отрезка времени, равного примерно одному тысячелетию.

4. История освоения древней дельты Теджена может быть разделена на четыре основных периода, причем для каждого из них определяются основные события.

Первый, дашлыджинский период соответствует последним этапам раннего энеолита, времени Намазга I. Происходит колонизация дельты Теджена выходцами из подгорной полосы Копет-Дага и основываются первые три поселения: Дашлыджидепе, Акча-депе и Геоксюр I. Сходство материалов и их практическая одновременность позволяют предполагать, что эти группы населения родственны. Размеры поселений могут свидетельство-

вать о том, что первые два были заселены семейными общинами, а на месте последнего поселился целый родовой коллектив.

Второй, раннеялангачский период соответствует времени раннего Намазга II, началу развитого энеолита. В его начале (частично в конце предыдущего) происходит сегментация коллектива, населявшего поселение Геоксюр I. Выделившиеся коллективы образовали три новых поселка — Айна-депе, Ялангач-депе и Геоксюр 7. Естественное распространение генетически родственного населения по обособленной территории, только им эксплуатируемой, следует рассматривать как процесс сложения более высокой общественной организации — племени.

Третий, позднеялангачский период соответствует времени Намазга II, примерно середине развитого энеолита. Жители трех дочерних поселков под воздействием изменения географической среды, выразившимся в изменении течения некоторых дельтовых протоков, меняют места своих поселений. Население Айна-депе переносит свой поселок на место Геоксюра 9, Ялангач-депе — на место Муллали-депе и Геоксюра 7 — на место Чонг-депе. Но племенная общность, сложившаяся ранее, видимо, не меняется.

Четвертый, геоксюрский период соответствует концу времени Намазга II — началу Намазга III. Древнетедженская дельта неумолимо засыхает, что вынуждает жителей оазиса сконцентрироваться на двух поселениях, Геоксюр I и Чонг-депе. Затем существует только последнее; однако вскоре забрасывается и оно, а остатки населения уходят к югу, причем часть его оседает в излучине Теджена в 18 км от Чонг-депе (поселение Хапуз-депе).

6. Усыхание Геоксюрского оазиса происходило равномерно и население его лишалось воды постепенно. Уже с самого начала существования там поселений обводненность его была сравнительно небольшой и изменчивой, что сказывалось на необходимости переноса ряда поселений на другие места.

7. Население древней дельты Теджена принесло свои культурные навыки и традиции из мест своего первоначального обитания (подгорной полосы Копет-Дага). Эти традиции развивались и изменялись по внутренним законам исторического развития в зависимости от эволюции производительных сил и общественных отношений. Единственные культурные воздействия отмечаются лишь со стороны населения той же подгорной полосы. Что же касается двукратного инокультурного влияния на геоксюрское племя (северного убейда в ялангачском периоде и ирано-месопотамских традиций в геоксюрском периоде), определяемого некоторыми исследователями по изменению орнаментации керамики и иконографии антропоморфной глиняной скульптуры, то в свете новых исследований его следует подвергнуть сомнению и склониться к мысли, что изменения в некоторых деталях культурного комплекса древних земледельцев дельты Теджена произошли в результате их внутреннего развития.

А. Я. Щетенко

К ВОПРОСУ ОБ ИНДО-ИРАНСКИХ СВЯЗЯХ В ПОСТХАРАППСКОЕ ВРЕМЯ

Одна из самых сложных и дискуссионных проблем истории древней Индии связана с решением вопроса об «арийском вторжении», о происхождении и времени появления в Индостане народов европеоидной расы, говоривших на индоевропейских языках и составляющих теперь большую часть его населения.

В последние годы в связи с открытием на полуострове Декан халколитических культур, датируемых II тысячелетием до н. э., арийская проблема получила свое новое конкретное воплощение во взглядах ученых, связывающих происхождение этих комплексов с миграцией племен из Ирана.

Некоторые авторы считают, что носители халколитических культур Декана являлись одной из ветвей ведических ариев.

В одной из своих последних работ «Новые данные о индо-иранских или западноазиатских связях между 1700—1200 гг. до н. э. автор этой гипотезы Х. Д. Санкалиа сообщает аргументы, выдвинутые ранее, дополняя их новыми материалами. Он указывает, что появление халколитических культур в Центральной Индии связано с медленным движением людей из Западной Азии в Индию. В таком случае ему необходимо доказать следующее:

1. Археологические комплексы Западной Азии (т. е. Ирана) и Центральной Индии тождественны.

2. Первые датируются более ранним временем, чем вторые.

3. В Иране эти комплексы генетически связаны с более ранними, тогда как в Индии они являются чужеродными.

4. Существуют промежуточные пункты предполагаемой миграции с аналогичными материалами.

Поставив перед собой такую задачу, автор гипотезы должен был бы обстоятельно проанализировать относительную и абсолютную хронологию сопоставляемых вещей, сравнивать более широкий круг явлений, включая погребальный обряд, тип поселений и жилищ.

Однако параллели, приводимые индийским археологом в подтверждение своего тезиса о миграции племен из Ирана в Индию, ограничиваются следующими категориями предметов: 1) керами-

кой (форма и орнамент); 2) металлическими изделиями; 3) культивируемыми злаками. Заметим сразу, что наиболее многочисленны сопоставления керамического материала, тогда как металлические изделия (кинжал и фрагмент кинжала) и злаки имеют вспомогательное значение. Однако судить о движении каких-либо человеческих коллективов (или идей, носителями которых являются опять-таки люди) лишь по сходству керамических форм и орнаментов очень трудно, так как следует учитывать конвергентность тех или иных явлений при одинаковом уровне развития производительных сил.

Обратимся теперь к рассмотрению аналогий, выдвигаемых Х. Д. Санкалиа. Специфические формы в индийской керамике, прототипы которых автор гипотезы видит в Западной Азии, таковы:

1. Чаши с каналовидными носиками из III и IV фаз Навдатоли.
2. Чаши на подставке, известные с I по IV фазу в Навдатоли.
3. Зооморфные сосуды из Чандоли и Невасы.
4. Серая керамика с носиками из Пиклихала и в виде чаши с полой подставкой из Ахара.
5. Тринод из Чандоли.
6. Белоангобированная с вогнутыми сторонами и отогнутым венчиком чаша из периода I Навдатоли.
7. Большие чаши с прямыми стенками из периода III Навдатоли.
8. Сосуды округлой формы с длинным узким горлом, на высокой полой ножке, из I—IV периодов Навдатоли.
9. Круглодонные сосуды с гофрированным высоким горлом и блюдообразным венчиком из I—IV периодов Навдатоли.
10. Сосуды с воронкообразным горлом и трубчатым носиком из Невасы.

Каналовидные носики были первыми находками, которые заставили Х. Д. Санкалиа поставить вопрос об индо-иранских контактах в постхараппское время. Тип сосудов, от которых они происходили, еще не был известен, и индийский ученый решил, что это были чаши, напоминающие изделия такого же рода из Сиалка и Гияна. Вскоре целые чаши с каналовидными носиками были найдены и стало очевидно, что они мало чем напоминают иранские образцы, разве только тем, что и те и другие имеют носик-слив и то различной формы.

Однако в статье Х. Д. Санкалиа (1963 г.) чаши с каналовидными носиками из Навдатоли по-прежнему сравниваются через металлический сосуд такого же типа из медного клада в Кхурди (Раджастхан) с экземплярами из тепе Гияна. Но гиянский образец имеет петлевидную ручку, плоский поддон и валик по краю носика, тогда как индийские чаши всегда круглодонны, не имеют ручек и снабжены каналовидными носиками иных пропорций и

очертаний. Гиянские чаши редко расписаны, тогда как индийские — всегда украшены росписью снаружи вдоль венчика, а иногда и внутри чаш имеются рисунки.

Плоскодонный сосуд из некрополя Б Сиалка биконической формы с петлевидной ручкой и длинным носиком и более простые плоскодонные чаши из Гиссара лишь по типу могут быть сопоставлены с индийскими экземплярами, но в остальном, так же как и в характере росписи, совершенно различны. Интересно отметить, что в одной из предшествующих работ Х. Д. Санкалиа использовал при сопоставлении полностью сосуд из некрополя Б Сиалка, в то время как в последней работе (1963 г.) сравнение производится уже только с носиком сосуда. Но и здесь следует заметить сходство самое незначительное. Носик сиалковского сосуда длиннее и чуть-чуть расширяется к концу. Расписан он сигмаобразными значками в отличие от ромбовидных узоров навдатолийского экземпляра.

Столь же неудачны и параллели, подобранные к неваским сосудам с трубчатыми носиками. Керамика альб-убейдского периода из могил Ура имеет очень мало общего с индийскими сосудами. Совершенно не похожи на них кувшины с ручками и изогнутыми под прямым углом носиками-сливами из Луристана. Также мало убедительны и другие параллели в формах керамики Индии и Ирана: зооморфные сосуды, триподы, чаши на подставках.

Вторую группу аналогий составляют орнаменты. Сопоставления касаются главным образом геометрической росписи. Пересекающиеся линии, заштрихованные ромбы, волнообразные линии и ряд других мотивов имеют довольно широкое распространение и не могут служить признаком, характеризующим ту или иную археологическую культуру. Кроме того, фрагменты, привлекаемые индийскими учеными для изучения, происходят в основном из коллекций подъемного материала из Синда и прилегающих к нему областей. Отдельные же черепки взяты из поселений культур либо Амри, либо Кули. Первая датируется прехараппским временем, вторая — постхараппским.

Что же касается отдельных совпадений в элементах орнамента, то они вряд ли могут служить убедительными доказательствами предположения Х. Д. Санкалиа. Тем более, что такие элементы росписи, как спираль, изображение животных и людей («танцующие человечки»), широко представленные в материалах оседлоземледельческих культур от р. Дуная до р. Янцзы, в каждом отдельном случае могли иметь самостоятельное развитие. Это же относится и к орнаментам пряслиц, параллели к которым индийский ученый находит в Трое (Малая Азия).

Возникновение гипотезы Х. Д. Санкалиа относится к тем годам, когда археологические исследования в Индии только начинались и поэтому многие формы и орнаменты казались необычными. Сейчас, например, сосуды с трубчатым носиком, аналогии

к которым столь безуспешно искал Х. Д. Санкалиа в луристанских культурах бронзового века, широко известны не только в энеолитических коллекциях, но и в слоях неолитических поселений Южной Индии.

Еще при раскопках 1957—1958 гг. в Навдатоли был обнаружен фрагмент металлического кинжала с продольным ребром. Этого признака оказалось достаточным для того, чтобы Х. Д. Санкалиа отнес находку к изделиям иранских мастеров. Но такое заключение было явно преждевременным ибо о форме предмета судить было нельзя, и он в равной степени мог быть отнесен к кинжалам с антеннообразной рукоятью. Действительно, при работах в Чандоли был найден почти целый такой кинжал. По его лезвию проходило продольное ребро. В своей статье (1963 г.) Х. Д. Санкалиа и сопоставил эти находки, но его вывод остался прежним: медные и бронзовые вещи Деканского полуострова имеют иранское происхождение. Это тем более странно, так как кинжал с антеннообразной рукоятью представлен в культуре медных кладов долины Ганга и его связь с индийской прародиной общепризнанна.

Известно было Х. Д. Санкалиа и о том, что отпечатки рисовых зерен открыты в материалах хараппского Лотхала, однако он связывает появление риса в Навдатоли опять-таки с волной пришельцев из Ирана, появившихся в Индии в постхараппское время.

Эти же племена, по мнению других авторов, познакомили аборигенов Индостана с техникой массового производства ножевидных пластин путем специфической обработки нуклеуса.

Впервые эту мысль высказал Б. Суббарао, а позднее его поддержали другие ученые, в том числе Х. Д. Санкалиа и его коллеги, поскольку это подтверждало их концепцию об иноземном характере халколитических культур Декана.

Б. Суббарао пришел к такому заключению, изучая коллекции с поселений Ирана, Ближнего Востока, Франции. Везде он видел похожую технику обработки нуклеуса, побочным продуктом которой являлись своеобразные сколы с нуклеусов. Учитывая, что рассматриваемые им комплексы имеют различные датировки, причем западные являются более древними, он и решил, что распространялась эта техника, вместе с движением человеческих коллективов, на восток, и лишь во II тысячелетии до н. э. достигла Индии. Подобный взгляд мог существовать еще и потому, что в те годы на территории Деканского полуострова было известно очень мало коллекций каменных орудий, хорошо изученных и датированных.

В последние годы открыто множество новых местонахождений, относящихся к различным эпохам (от палеолита до энеолита). Это доказывает, что техника раскалывания кремня была известна в Индии с древнейших времен и в своем развитии про-

шла ряд последовательных этапов. Следовательно, и специфический прием обработки нуклеуса мог возникнуть самостоятельно в Индостане и не был принесен извне. Для этого здесь имелись все предпосылки. Развивающееся хозяйство требовало постоянного увеличения и совершенствования земледельческого (пластины — вкладыши серпов) и прочего инвентаря. При отсутствии металлов единственным выходом было наладить массовое производство кремневых пластин. Сырье для такого рода орудий было под рукой. Тогда-то и появился тот специфический прием обработки нуклеуса, который достиг своего расцвета в халколитических комплексах Центральной Индии.

Видеть в этих пунктах звенья одной цепи, как это делают индийские археологи, неверно. Против этого говорят как датировки всех этих местонахождений, так и несоответствие количественного соотношения типов орудий, весьма определенного для каждого из указанных центров. На Деканском полуострове в энеолитических комплексах доминируют пластинчатые орудия, а геометрические представлены в небольшом количестве. Таково же соотношение и в неолитических комплексах.

Итак, рассмотренная нами точка зрения индийских археологов о пришлом характере основных элементов материальной культуры энеолита Центральной Индии не выдерживает критики. Против этих теорий говорят и хронологические несоответствия.

Высказывая впервые мысль о проникновении племен из Ирана в Индию, Х. Д. Санкалиа не уточнил дату этого события. Когда было установлено, что чаши с каналовидными носиками появляются лишь в III фазе Навдатоли, то, пытаясь объяснить наличие форм, сходных с иранскими, в предшествующих слоях I и II фаз, исследователь высказал предположение о двух волнах такого вторжения, причем вторую волну он относил на основании радиоуглеродных определений к XV в. до н. э. Судя по сопоставлениям, комплексы Навдатоли автор гипотезы считает одновременными Невасе, Чандоли, поскольку он рассматривает их как звенья одной цепи. Но хронологические рамки этих поселений не совпадают. Если время существования Чандоли еще можно считать в какой-то мере совпадающим с III и IV фазами Навдатоли, то Наваса относится ко времени, отстоящему от конца навдатолийского поселения по крайней мере на 300 лет. Но если даже допустить «медленное постепенное проникновение», как называет этот процесс Х. Д. Санкалиа, то и тогда несоответствие в датах между иранскими и индийскими памятниками весьма существенно.

Западноазиатские аналоги, привлекаемые индийским археологом, берутся из комплексов довольно разновременных. Здесь и верхние слои Гияна, и периоды III A—C Гиссара, и нижние слои Сиалка (I—III), и комплексы Ура, Эриду, Шумера, Крита, и даже доисторического Египта. Между тем даже сужение этих

хронологических рамок не избавляет Х. Д. Санкалиа от противоречия. Касаясь хронологии некрополя Б Сиалка, Гиссара и Гияна, исследователь отмечает их более поздние даты по сравнению с датами энеолитических поселений Центральной Индии. Поэтому он считает, что индийские параллели отражают движения более раннего периода, остатки которых еще не открыты в Иране. Но последнее утверждение не соответствует действительности. Многослойные поселения Ирана демонстрируют постепенную эволюцию оседло-земледельческой культуры, уходящую своими корнями в V—IV тысячелетия до н. э. И остатки этих поселений, несмотря на формальное сходство, показывают большое различие в облике материальной культуры между поселками земледельцев Ирана и Центральной Индии. Это особенно рельефно проявляется при сопоставлении целого ряда компонентов археологических культур, а не некоторых выборочных признаков наподобие форм керамики и ее росписи.

Основным типом иранских построек являются строения из сырцового кирпича, а в Индии это хижины, обмазанные глиной. Местная металлургия в изобилии снабжала иранских земледельцев орудиями труда, которые совершенно вытеснили каменные орудия. В Декане, наоборот, металл очень редок, да и основная часть орудий явно импортного происхождения из соседних областей. Каменные орудия, особенно из пластин, успешно конкурируют с медными и бронзовыми. Своеобразны формы и украшения посуды в каждом из сопоставляемых районов. В Иране преобладает плоскодонная керамика. Сосуды богато украшены кроме росписи, шишечками, налепами, ручками. Набор их форм довольно разнообразен. Для росписи характерны сложные композиции. В Индии сосуды имеют в основном круглое дно, украшены скромнее, не имеют ручек. Орнаментация главным образом геометрическая. Отличен и обряд погребения носителей обеих культур. Погребения в скорченном положении известны лишь на Иранском плато, а в Центральной Индии они не найдены.

Таким образом, гипотеза Х. Д. Санкалиа и его коллег о возможности проникновения из Ирана в Центральную Индию новых племен в середине II тысячелетия до н. э. не может быть принята. Это подтверждается следующими двумя наблюдениями. Во-первых, на промежуточной территории до сих пор не найдены археологические комплексы, которые свидетельствовали бы о таком движении из Ирана в Индию. В свое время, пытаясь найти промежуточные звенья миграции иранских племен, Х. Д. Санкалиа и сторонники его теории указывали на материалы ряда стоянок Синда и Белуджистана. Но эти аналогии, как мы показали, мало убедительны.

Во-вторых, географическое положение Центральной Индии таково, что одним из путей, по которому могло произойти проникновение на Деканский полуостров из западной Азии, являют-

ся эстуарии рек Нарбада и Тапти. Действительно, неприступная гряда Гхат отделяет внутренние области страны от побережья, причем только с появлением современных средств сообщения удалось преодолеть этот природный барьер. В древние времена он служил серьезной естественной преградой. Даже если предположить, что существовал морской путь, что вполне допустимо после открытия порта в Лотхале, то и тогда единственной дорогой на полуостров остается указанный выше проход.

В эстуариях Нарбады и Тапти сейчас известны остатки нескольких хараппских поселений (Телод, Бхагатрав и др.), которые датируются при помощи рангпурской стратиграфии XX—XIII вв. до н. э. Около ста хараппских поселений известно в Саураштре. Таким образом, проникновение новых племен из Ирана через районы, населенные хараппцами, вряд ли бы осталось незамеченным. Однако никаких следов пришельцев в этих комплексах не прослеживается. Наоборот, все они демонстрируют постепенную эволюцию хараппской культуры в постхараппскую культуру краснолощеной керамики.

Территориальная близость хараппских поселений Катхиавара к поселениям Центральной Индии заставляет нас коснуться вопроса о взаимосвязи этих двух культур. Тем более, что какой-то отрезок времени поселения этих культур сосуществовали рядом [1]. Специальная работа была посвящена этому вопросу. Основные положения ее сводятся к следующему.

Сопоставление керамических комплексов позднехараппской и центральноиндийской энеолитической культур позволяет выявить сходство некоторых форм и орнаментов. Блюда на подставках, сосуды с округлым туловом и расширяющимся горлом, подставки для кувшинов часто встречаются в обеих культурах. Но типично хараппские формы в керамике энеолита Центральной Индии составляют незначительную часть всех сосудов. Если взять за основу установленную Р. Е. Уилером классификацию позднехараппской керамики из могильника Р-37 в Хараппе, то получается, что из 45 типов лишь 5 или 7 (учитывая единичные экземпляры) имеют прямые аналогии в керамике центральноиндийского энеолита. То же можно сказать и о геометрическом орнаменте, рисунках птиц, солнца, растений. Одновременно следует отметить и своеобразие энеолитической керамики, которое проявляется в преобладании геометрического орнамента и круглодонной посуды, в наличии «специфических форм» (сосуды с носиками), в характере изображений животных и людей. Следовательно, допустимо говорить не о распространении хараппского керами-

[1] Это удалось установить при изучении хронологии Рангпура. По нашему мнению, в целом позднехараппский период Рангпура следует датировать 2000—1600 гг. до н. э. и, учитывая мощность слоев, количество строительных горизонтов и типологические сопоставления, следующие периоды II С и III поместить соответственно между 1600—1500 гг. до н. э. и 1500—1300 гг. до н. э.

ческого комплекса на районы Центральной Индии, а о влиянии его на керамическое производство соседних областей.

Что касается металлических орудий и украшений, то эти вещи могли быть получены из городов Катхиавара в результате обмена. Плоские топоры и долота энеолитических поселений имеют аналогии в средне- и позднехараппских слоях Чанху-Даро, в хараппских слоях Лотхала и Рангпура. Оттуда же происходят ножи с черешками и булавки с двойными спиралевидными головками, по одному экземпляру которых найдено во II фазе Даймабада. Из III фазы Даймабада происходит золотая спиралевидная серьга, попавшая, вероятно, в долину Годавари из одного из центров Катхиавара, например Лотхала или Роджди, где подобные вещи представлены во всех фазах поселения. Из этих же центров происходят, возможно, и литые бронзовые кольца-браслеты, найденные в Навдатоли, Джорве, Чандоли. С. Б. Део показал, что большинство бус халколитических поселений Декана имеет аналогии в хараппских комплексах.

Ряд других типов металлических предметов энеолитических поселений — топоры с плечиками, кельты, кинжалы с антенновидной рукоятью — указывает на связи с долиной Ганга. Но кем были оставлены медные клады, к какой археологической культуре их следует относить — пока не ясно. Б. Б. Лал высказал предположение о связи медных кладов с охристого цвета керамикой, найденной в нижних слоях Хастинапура, в Бессаули и Радж-Парсу. Но во всех трех пунктах находки фрагментов сосудов не сопровождались находками медных предметов. И даже в Бессаули и Радж-Парсу, где медные клады были найдены на поверхности, черепки были обнаружены в раскопках на глубине около 0,7 и 2,4 м соответственно. Из этого следует только одно, на основании данных Хастинапура, что культуре серой расписной керамики в долине Ганга предшествовала какая-то иная культура, облик которой пока не ясен (фрагментарность находок не дает возможности судить даже о формах сосудов). Важен другой факт, на который почему-то до сих пор не обратили внимания индийские археологи. В Бессаули была известна из тех же раскопок и другая керамика, «прекрасно обожженная, красного покрытия, с рисунками, выполненными черной краской». Как указывает автор раскопок, стратиграфическое положение ее по отношению к фрагментам первого типа не ясно, так как найдены они вместе. Как бы то ни было, очевидно, что эта красная керамика с черной росписью также предшествует появлению серой расписной керамики и по своей общей характеристике может быть сопоставлена как с позднехараппской посудой долин Инда, так и с энеолитической керамикой Центральной Индии. В Иране серые расписные фрагменты тоже перекрывали слои с красными черепками, расписанными черной краской. Следовательно, помимо металлических изделий, о кон-

тактах культур долины Ганга и Деканского полуострова говорят и немногочисленные пока находки расписной керамики.

Кроме сходства с культурами долин Ганга и Инда, энеолитические комплексы Центральной Индии, особенно Декана, демонстрируют значительное своеобразие. Оно проявляется в господстве каменного инвентаря, в характерном обряде погребений, в практике строительства жилищ.

Если сопоставить энеолитические комплексы с неолитическими юга Декана, то оказывается, что между ними есть много общего. Неолитическая культура Южной Индии характеризуется следующими признаками: 1) серой керамикой, сделанной от руки, 2) полированными каменными топорами треугольной формы с пристроенным обушком, 3) микролитическими орудиями, 4) погребениями в урнах или в могильных ямах. Поселения были двух типов: 1) под скальными навесами, 2) под открытым небом. Жилищами служили прямоугольные хижины, о планах которых можно судить по ямкам от столбов.

Бросается в глаза, что здесь, как и в энеолитических поселениях, идентичными были и обряд погребения, и характер жилищ. Первые три признака также отмечены в энеолитических комплексах. Крупная серая керамика найдена во всех слоях энеолитических поселений, причем замечено, что доминирует она в нижних горизонтах.

Одинаковы и формы этой керамики: сосуды с носиками двух видов, чаши, сосуды для хранения, погребальные урны. Интересно отметить, что в Т-Нарасипуре и в Пиклихале чаши с каналообразными носиками найдены в древнейших слоях, тогда как трубчатые носики появляются сначала на чашах в вышележащих слоях, а затем и на сосудах других форм. Аналогичная картина отмечена и в Даймабаде, где чаши с трубчатыми короткими носиками находят в нижних фазах (I и II), а типичные неваские сосуды с воронкообразным горлом и длинным носиком появляются в III фазе.

Полированные каменные топоры существуют в энеолитических комплексах вместе с металлическими, так же как и орудия из ножевидных пластин. Последние доминируют и в неолитических коллекциях, однако, как было отмечено в Санганакаллу, их роль возрастает в более поздних фазах, тогда как в ранних количественно преобладают микролиты.

Сопоставление форм каменных орудий говорит о повторяемости одних и тех же типов в энеолитических и неолитических комплексах (ножевидные пластины, сегменты, трапеции). Но есть и различие. Остроконечники, резцы, дисковидные орудия отсутствуют в коллекциях с поселений Центральной Индии, но часто встречаются, как и скребки различных форм, на юге Декана.

Процентное соотношение основных типов орудий неолитических и энеолитических комплексов почти одинаково. Во всех

энеолитических и неолитических комплексах пластины составляют от 40 до 74% (в Рангпуре — всего лишь 15%, зато скребки составляют более 20%).

Подобная картина сходства основных типов орудий и их количественного соотношения может наблюдаться лишь в родственных культурах. Не говорит ли это о том, что в Северном Декане существовали неолитические предшественники оседлоземледельческих поселений с расписной керамикой?

Наиболее ранние комплексы Центральной Индии известны в Бахале, в Даймабаде и Пракаше. В последнем месте 4,5-метровые напластования не были докопаны. Эти комплексы сопоставляются с неолитическими слоями в Брахмагири, Пиклихале (верхний неолит), но более ранние этапы пока не известны. Однако целый ряд фактов говорит о том, что эти этапы существовали и энеолитические культуры не являлись пришельцами извне.

Палеолитический период в истории Индостана известен сейчас довольно хорошо. Вопрос о его связи с более поздними этапами хотя и дискутируется, но не исключается возможность непрерывности развития от верхнего палеолита через мезолит к неолиту.

В Навдатоли и Невасе, двух основных энеолитических памятниках Декана, в основании стратиграфических колонок были найдены орудия палеолитической эпохи (I и II периоды). Но после этих периодов шел стерильный слой, подстилавший энеолитические комплексы. Публикуя отчет о работах в Навдатоли, Х. Д. Санкалиа высказал предположение о возможности существования более ранней фазы, чем энеолит. Он обосновывал это наблюдениями, сделанными в первой траншее холма I, а также в Донгархгаоне, в 4 милях южнее Навдатоли и в Трипури. Во всех этих местах были встречены мезолитические комплексы без керамики, типологически сравниваемые с более ранними палеолитическими орудиями. Недавно такая же картина была отмечена в Адамгархе, расположенном на левом берегу р. Нарбады, к востоку от Навдатоли. Здесь в слое красной глины найдены палеолитические орудия, а в лежащем выше пласте черной глины — типичные мезолитические орудия из яшмы, халцедона, кремня. Находки микролитов без керамики известны и к югу от р. Нарбады во многих местах Деканского полуострова вне культурного слоя. В последние годы в результате открытия многослойных стоянок стало ясно, что микролиты неправильной формы сменяются комплексами с геометрическими микролитами. На основе этих комплексов возникают стоянки с грубой керамикой и первыми полированными орудиями. Такая последовательность была установлена в результате работ в Гуджарате, Западной Бенгалии и Центральной Индии. В интересующем нас районе полная стратиграфическая колонка от палеолита до раннеисторических времен была получена в долине р. Чамбел. Южнее р. Нарбады такая последовательность еще полностью не

определена, но материалы говорят о том, что и здесь развитие производительных сил древних обществ прошло ряд стадий. Сводные карты, опубликованные недавно Х. Д. Санкалиа, показывают, что мезолитические и неолитические комплексы широко представлены на севере Деканского плоскогорья. Можно наметить ряд последовательных этапов.

Уже в верхней части мезолитического слоя Адамгарха появляется грубая серая керамика. Такая же керамика открыта и в долине р. Тапти, в районах Насик и Пуна. Встречена она вместе с микролитами и в культурных слоях у скальных навесов со стенной росписью. Эти комплексы представляют, вероятно, ранний неолитический этап. Поселения следующего этапа известны в большем числе. Они характеризуются также наличием полированных каменных топоров и появлением росписи на керамике. Такие комплексы обнаружены в долинах рек Нарбады, Тапти, Годавари.

Следующий этап представлен нижними слоями стратиграфических колонок Даймабада, Бахала, Пракаша, демонстрирующих культуру развитого неолита. К этому времени земледелие и скотоводство, вероятно, уже были известны обитателям Декана. И не исключена возможность, что помимо заимствования каких-нибудь злаков или пород скота из харапнских городов некоторые породы, например Bosindicus, имели местное происхождение. Об этом свидетельствуют кости этого вида, найденные в палеолитических местонахождениях Центральной Индии.

Дальнейшее развитие местной культуры связано с фазами II и III Даймабада и комплексами типа Джорве-Неваса. Во II фазе Даймабада появляются гончарная керамика и медные изделия, а III фаза этого поселения, так же как и неваское поселение, показывает расцвет этой энеолитической культуры.

Итак, можно предположить, что энеолитические культуры Деканского полуострова сложились в основном в результате самостоятельного развития местных неолитических племен под влиянием передовой харапнской цивилизации и при определенных контактах с культурами долины Ганга. Поэтому гипотеза Х. Д. Санкалиа и его сторонников о связи халколитических культур Индостана с Ираном должна быть отвергнута, так как большинство компонентов названных культур имеет местное индийское происхождение.

Таким образом, ликвидируется один из основных аргументов «арийского проникновения» на Деканский полуостров в постхарапнское время. Однако остаются еще некоторые факты, которые, по мнению С. Х. Санкалиа, подкрепляют его теорию.

В своих работах Х. Д. Санкалиа старательно проводит мысль о том, что основатели навдатолийского поселения и погребенные постхарапнского могильника «Н» являлись представителями одних и тех же племен — ведических ариев.

Для этого он сравнивает материалы из могильника «Н» через промежуточный пункт Рангмахал (Раджастхан) с керамикой из Навдатоли. Действительно, такое сходство существует. Можно добавить еще ряд параллелей, которые подтверждают это сравнение. Так, изображения танцующих фигурок людей характерны и для керамики могильника «Н» в Хараппе и для навдатолийских сосудов. Часто встречаются в обоих пунктах и похожие изображения животных. Трактовка реалистических человеческих рисунков также имеет много общего: «лохматые» головы, треугольные плечи, узкие талии.

В могильнике «Н» четко выделяются два постхараппских слоя, между которыми, как полагал М. Д. Ватс, существовал временной разрыв в 50 лет.

Во втором, более древнем слое найдены, кроме погребений в скорченном положении, также погребения в вытянутом положении, которые могут быть сопоставлены с энеолитическими захоронениями и с хараппскими могилами, открытыми в Рупаре, Лотхале и в самой Хараппе в могильнике Р-37. Следовательно, отмеченные Х. Д. Санкалиа параллели могут быть, как нам кажется, объяснены совершенно по-иному. Сохранение хараппских элементов в культурах, существовавших после упадка основных центров долины Инда, наблюдается не только в периферийных районах (полуостров Катхиавар), но и в местах, где издревле жили хараппцы.

Таким образом, могильник «Н» не имеет никакого отношения к арийскому вторжению. Даже Е. М. Уилер, в свое время связывавший гибель городов долины Инда с вторжением воинственных ариев, в настоящее время отказался от этого взгляда.

Материалы могильника «Н», вероятно, характеризуют один из локальных вариантов энеолитической культуры постхараппского времени, одновременного в какой-то части энеолитическим культурам Центральной Индии, и, как последние, относятся к доарийскому периоду в истории Индостана. Интересно заметить, что лошадь, которая, по данным Ригведы, была известна ариям, не представлена в материалах этих культур. Что же касается аргументации Х. Д. Санкалиа, почерпнутой из более поздних письменных источников (Пуран, Махабхараты), то изучение ее приводит нас к заключению о неправомерности отождествления энеолитического поселка Махешвар с Mahismati этих текстов. Последний описывается в источниках как город, окруженный рвом, с парками, садами и городскими кварталами. Эта характеристика никак не соответствует остаткам сельского поселения, каким является Махешвар. Следовательно, ни местное население Mahismati, ни их завоеватели Haihayas, являющиеся ветвью Jadavas (ариев?), не имеют никакого отношения к энеолитическим поселенцам Махешвара и всей культуре Центральной Индии в целом.

В. А. Сафронов

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ СРЕДНЕБРОНЗОВОГО ВЕКА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Абсолютная дата срубной культуры в данный момент остается неопределенной. Большинство археологов считает, что срубная культура генетически связана с полтавкинской и происходит от нее, и все признают тот факт, что полтавкинская культура вошла составным компонентом в срубную. В этом случае конец полтавкинской культуры можно считать terminus post quem для срубной культуры. Конец бытования памятников полтавкинской культуры датировали концом первой половины II тысячелетия (О. А. Кривцова-Гракова — XVI в. до н. э., Н. К. Качалова — XVII в. до н. э.). Указывали на связи полтавкинской культуры с Северным Кавказом, причем налицо был и прямой импорт кавказских металлических изделий. Связи Поволжья с Северным Кавказом восходят еще к новосвободненскому времени и носят односторонний характер в направлении с юга на север. Так, в 9-м погребении 6-го кургана у с. Боаро вместе с горшком, молоточковидной булавкой, плоским теслом и шилом были найдены височные кольца, подвески из крученой проволоки (бляшка-медальон) типичного северокавказского облика. Ввиду того, что сосуд этого погребения соединял в себе как ямные, так и полтавкинские черты, Н. К. Качалова отнесла весь комплекс к раннему этапу полтавкинской культуры, а датировала его рубежом III—II тысячелетий. Однако булавки, использовавшиеся для датировки комплекса, встречаются как в ямных, так и в катакомбных памятниках. На Кавказе они в двух случаях встречены с металлическими булавками, которые зафиксированы в комплексах II этапа северокавказской культуры и значительно реже в погребениях, отнесенных В. И. Марковиным к I ее этапу. Эти булавки бытовали до XIII в. до н. э. Таким образом, кавказская линия синхронизации мало что дает в уточнении хронологического диапазона костяных молоточковидных булавок, хотя у нас есть все основания считать, что они на каком-то отрезке своего существования одновременны памятникам II этапа. По обломку тесла чрезвычайно простой формы трудно восстановить его очертания, поэтому датировка его столь же расплывчата.

Можно лишь указать, что в памятниках III этапа подобные тесла не встречаются.

Украшения позволяют нам синхронизировать упомянутое полтавкинское погребение со II этапом северокавказской культуры, так как в памятниках новосвободненского времени, датируемых рубежом III—II тысячелетий до н. э., еще не встречены подобные украшения; в последующем, I этапе аналогичная бляшка найдена в кургане у с. Соломенского. Все остальные отмеченные случаи погребений с рассматриваемыми бляхами приходятся на II этап северокавказской культуры.

Соломенский курган отнесен к I этапу северокавказской культуры, несмотря на заслуживающие внимание следующие обстоятельства: близость, с одной стороны, сосудов из этого кургана к сосудам майкопской культуры, и присутствие, с другой стороны, в его инвентаре бляшки-медальона и полушарной бляхи с веревочным пуансонным орнаментом. В. И. Марковин писал, что металлические вещи характерны для II этапа северокавказской культуры, полушарные бляхи находят широкое распространение в III этапе и лишь в нескольких случаях зафиксированы в памятниках II этапа, что памятник — мешаный, и мы имеем основание считать погребения с бляшкой-подвеской более поздним. Таким образом, оснований для отнесения подобных бляшек-медальонов к I этапу северокавказской культуры нет. В статье «О датировке Рутхинского погребального комплекса» приводится аргументация того, что памятники конца II этапа северокавказской культуры, в том числе и содержащие бляшки-медальоны (8-й андрюковский курган), бытовали до XIII в. до н. э. Однако бляшки-медальоны типа андрюковской отличаются от бляшек типа боарской, соломенской и т. д., хотя известны случаи их совместного нахождения, например, в погребении в с. Кызбурун III. Интересно, что бляха из этого погребения, близкая боарской, совершенно аналогична закавказской (1500—1400 гг. до н. э.), а другая — находит полные аналогии в Нузи I (1550—1350 гг. до н. э.). В более ранних памятниках Ближнего Востока и Закавказья подобных бляшек не найдено.

Таким образом, бляшки-медальоны появились на Северном Кавказе не ранее середины XV в. до н. э., а боарскую бляшку следует датировать чуть позже, не ранее конца XV— начала XIV в. до н. э. Этому не противоречит и наиболее вероятный хронологический диапазон других предметов могильника, ибо в нем нет ни одной вещи, которая не существовала бы во II этапе (по В. И. Марковину). Какое хронологическое положение занимает 9-е погребение 6 кургана у с. Боаро, в настоящее время установить трудно, но бесспорно, это не самый поздний полтавкинский комплекс, так как в керамике этих комплексов прослеживаются «срубные» черты. Это делает возможным предположение о некотором сосуществовании полтавкинской культуры

со срубной. Боарский сосуд имеет отдельные ямные черты, а остальной инвентарь погребения встречается всегда в комплексах досрубного времени. Следовательно, боарское погребение несомненно относится ко времени до сложения срубной культуры. По северокавказской бляшке-медальону датировать его следует не ранее рубежа XV—XIV вв. до н. э. Насколько это погребение предшествует началу срубной культуры, трудно сказать, однако отсутствие каких-либо срубных черт позволяет утверждать, что срубная культура появилась в Поволжье не раньше середины XIV в. до н. э.

С появлением срубной культуры резко снижается импорт кавказского металла в Среднем и Нижнем Поволжье. В ранних памятниках срубной культуры нет кавказских металлических вещей. Состав срубного металла не имеет ничего общего с кавказским. Наоборот, скорее отмечается воздействие севера на юг. В Галашкинском могильнике, датируемым XII в. до н. э., есть два желобчатых браслета, характерных для памятников срубной культуры I этапа, на Кавказе также найдено несколько срубных ножей этого времени. Очевидно, срубные племена, связанные происхождением с Заволжьем, имели другой источник металлургического сырья. Слабые связи с Кавказом в это время могут свидетельствовать о том, что I этап срубной культуры (по О. А. Кривцовой-Граковой) тянется до XII в. до н. э. включительно.

Гораздо большее значение для определения I этапа срубной культуры имеет датировка Сейминского и Турбинского могильников.

Сейминский и Турбинский могильники содержат много металлических вещей, характерных для I этапа срубной культуры: большая серия ножей срубного типа, желобчатые браслеты, вислообушные топоры, тесла. Можно с уверенностью сказать, что ни один памятник I периода срубной культуры не имеет столько «срубного металла». В то же время «сейминский металл» (копья) найден в Покровских курганах, относимых Н. Я. Мерпертом к III этапу его периодизации, что соответствует концу I этапа срубной культуры по О. А. Кривцовой-Граковой.

Сейминский и Турбинский могильники имеют много общих черт, и их следует считать относительно синхронными. Эти могильники датируют в основном по Бородинскому кладу. Самостоятельная линия синхронизации по аньянским аналогиям была намечена впервые С. В. Киселевым, который предполагал, что «некоторые особенности шань-инских бронз позднейшего аньянского этапа (XIV—XI вв. до н. э.) безусловно восходят к сейминско-сибирским образцам (кельты, копья, ножи, а также нефритовые кольца). Это обстоятельство позволило (М. Гимбутас и Н. Я. Мерперту) удревнить дату Сеймы до XV в. до н. э. Происхождение кожей-резаков, как убедительно показывает

эволюционная таблица Ли Чи, никак не связано со средневолжскими металлическими изделиями, а некоторые предметы, например белые нефритовые кольца, следует рассматривать как прямой импорт из Прибайкалья, ибо месторождения белого нефрита имеются в Прибайкалье и Туркестане. Большая близость редкого кремневого инвентаря Турбинского могильника и глазковских памятников дала возможность предположить миграцию сейминско-турбинских племен из Прибайкалья. Е. Н. Черных, четко выделив методом горизонтальной стратиграфии древнейшие сейминско-турбинские комплексы (копья, кельты, нож с изображением животных), именно то, чему С. В. Киселев находил аналогии в Аньяне, пришел к выводу на основании спектрального анализа о сибирском происхождении этих комплексов.

Таким образом, признав проникновение сходных сибирских форм в Аньян и Сейму, мы не можем поместить в хронологической шкале Сейму раньше Аньяна, что подкрепляется и сходством вогнутообушных сейминских и турбинских ножей с аньянскими резаками, которые безусловно местного происхождения и не могут относиться к началу аньянского периода. Копья с ромбическим стержнем также зафиксированы в верхних горизонтах Аньяна. В настоящее время Аньян датируется не 1382—1122 гг. до н. э., а 1300—1025 гг. до н. э. В то же время Сейминский и Турбинский могильники нельзя датировать и самым концом Аньяна, ибо копья с ромбическим стержнем чужды многочисленным металлическим изделиям Аньяна, и их следует рассматривать как импорт, либо как предметы, изготовленные по импортным образцам.

Следовательно, по аньянской линии синхронизации Сейму и Турбино нужно датировать либо XIII — серединой XII в. до н. э. либо не ранее середины XIII — начала XI в. до н. э. В пользу более поздней даты по сравнению с предложенными в последнее десятилетие говорит находка томской литейной формы, где наряду с матрицами для отливки сейминского кельта и копья была вырезана матрица карасукообразного ножа. С. В. Киселев отнес этот нож к переходному карасуко-тагарскому времени. Точных аналогий привести нельзя, но ясно, что ни в андроновской, ни в предшествующих ей на территории Западной Сибири культурах подобных ножей нет, а с карасукскими формами он имеет сходство, поэтому датировать его следует, скорее всего, карасукским временем, т. е. не ранее XIII в. до н. э. Это еще раз показывает, что Сейму и Турбино по восточным привязкам следует относить ко времени не ранее XIII в. до н. э.

Существует и западная привязка для Сеймы и Турбино. В румынском кладе раннегальштатского времени (XI в. до н. э.) Спалнака найдено копье, по форме и размерам совершенно аналогичное турбинскому. Сходство может показаться формальным: слишком уже далекое расстояние между Румынией и Сред-

ним Поволжьем; однако клад Спалнаки находится в 200 км от Бородина, где также было найдено типичное вильчатое копье. Интересно и то, что бородинский металлический инвентарь содержит ряд черт, присущих румыно-венгерскому бронзовому очагу (булавка, орнаментация).

Карта распространения вильчатых копий доказывает их восточное происхождение; если не учитывать клады Спалнаки и Бородина, то Сейма будет самой западной точкой их распространения. Следовательно, вильчатые копья могли попасть в северо-западное Причерноморье из Сибири или Поволжья. Но сибирские связи с Причерноморьем для этого времени не прослеживаются; для районов Среднего Поволжья они определенно существуют, причем прослеживается лишь односторонее влияние с востока на запад. В Поволжье в это время нет западных форм. Поэтому будет правомерной гипотеза о том, что появление вильчатых копий в Бородине и Спалнаке вызвано миграцией в северо-западное Причерноморье срубных племен, которые могли принести с собой и некоторые «сейминские черты».

Срубная культура появляется в северо-западном Причерноморье уже на II этапе своего развития (по О. А. Кривцовой-Граковой), а Сейма и Турбино бесспорно синхронны ее I этапу. Таким образом, клады Бородина и Спалнаки должны лимитировать наиболее позднюю дату Сеймы. Причем Бородино содержит в себе вещи, встречающиеся как в катакомбных памятниках (каменный инвентарь), так и в срубных (бородинский кинжал близок к кинжалу на малокопенской литейной форме), т. е. этот клад следует отнести лишь ко времени появления племен срубной культуры в северо-западном Причерноморье или приближения их к нему, а именно ко времени перехода I этапа срубной культуры во II этап (по О. А. Кривцовой-Граковой). Клад в Спалнаке позднее Бородинского, так как вильчатое копье могло попасть в него как результат двусторонней связи (обмена) племен, живущих на территории Трансильвании и северо-западного Причерноморья.

Таким образом, клад раннегальштатского времени (XI в. до н. э.) Спалнаки дает для Сеймы, Турбино и Бородинского клада terminus ante quem.

Итак, путем перекрестной датировки по кавказским, аньянским и румынским аналогиям Сеймининский и Турбинский могильники должны датироваться XIII—XII вв. до н. э. Наиболее точная дата для этих памятников — середина XIII—XII вв. до н. э. Предлагаемая дата подтверждается и радиокарбонным анализом, выполненным для одного из погребений андроновского могильника Тасты Бутак I (1229 ± 80). В синхронных ему памятниках переходного от федоровского к алакульскому времени были найдены «сеймининские» копья, ножи, характерные для срубной культуры, и горшки федоровского и алакульского типа.

В то же время эта дата не может указывать на начало срубной культуры в Поволжье, так как в памятниках срубной культуры I этапа прослеживаются черты раннего федоровского этапа, свидетельствующие о синхронности федоровских памятников на каком-то отрезке времени с I этапом срубной культуры в Поволжье. Таким образом, андроновское погребение с найденным в нем ромбическим копьем показывает хронологический рубеж федоровского и алакульского этапов и должно датироваться серединой или концом I этапа срубной культуры и в то же время должно быть синхронно Сейминскому могильнику и датироваться XIII—XII вв. до н. э. (наиболее вероятная дата — середина XIII—XII в. до н. э.). Значит, дата Сеймы позволяет отнести конец федоровского — начало алакульского периода андроновской культуры к середине XIII—XII в. до н. э. В свою очередь радиоуглеродная дата андроновского погребения этого периода подтверждает правильность предложенной датировки Сейминского могильника и срубных комплексов Покровских курганов, которые Н. Я. Мерперт относит к концу I этапа срубной культуры в Поволжье. Правильность отнесения Н. Я. Мерпертом Покровских курганов к концу I этапа срубной культуры подтверждает Бородинский клад, где найдено копье с ромбическим стержнем, аналогичное сейминским и покровскому. Этот клад содержит в себе как катакомбные черты, так и срубные и, следовательно, его надо отнести ко времени появления срубной культуры в Причерноморье, т. е. ко времени конца I — начала II этапа срубной культуры. Отнесение Бородинского клада ко времени появления срубной культуры в Причерноморье подтверждается характером односторонних связей (с востока на запад) Поволжья и Причерноморья, что связано с передвижением срубных племен. Вильчатое копье из Бородинского клада бесспорно восточного происхождения и могло попасть в Причерноморье лишь в этой связи.

Бородинский клад за последние годы большинство археологов относило к середине II тысячелетия до н. э. главным образом на основании сходства орнамента на бородинской булавке и бляхах микенских шахтовых гробниц. Микенская орнаментация бытует на территории Венгрии на кости и в бронзе от XV в. до н. э. (Хайду-Шамшон) до XI в. до н. э. (Косидерские клады), а вообще в дунайских странах до VIII в. до н. э. (Вылчитрын). Следовательно, орнамент на бородинской булавке нельзя считать датирующим.

Бородинские топоры изготовлены из полудрагоценных горных пород (змеевик), ближайшие месторождения которых находятся на Урале, в Карпатах и на Кавказе. На Урале подобных топоров нет, в Карпатах найден единственный экземпляр топора, близкого к бородинскому, но и то изготовленный из кавказского серпантина. На Кавказе представлена большая серия топоров, близких к бородинскому. Они так же, как и бородинские, делятся на

две группы: топоры с огранкой и гладкие. Локализуются они в районе Пятигорья и Кабарды. Гладкие топоры встречены в комплексах II этапа северокавказской культуры (Дигоры, Константиновская), которые по набору украшений синхронны 8-му андрюковскому кургану и датированы XIII в. до н. э. Наиболее близкий к бородинскому топор из комплекса у с. Шелушинского, отнесенный В. И. Марковиным к III этапу северокавказской культуры, должен датироваться XII в. до н. э.

Топоры с огранкой найдены в комплексах в погребениях с вытянутыми костяками (с. Заюково, с. Лескен, с. Верхний Акбаш). Все погребения находились на территории Кабарды. Комплексы с вытянутыми костяками резко отличаются от погребений бронзового века Кабарды как по обряду захоронения, так и по керамике (кувшинообразные сосуды). Четкая курганная стратиграфия показывает, что эти погребения находятся всегда выше комплексов II этапа северокавказской культуры, поэтому Б. Е. Деген отнес эти погребения к началу III стадии, т. е. к началу кобанской культуры. Но подобное погребение 2 кургана 2 у с. Заюково с топором перекрывается погребением раннекобанской культуры. Следовательно, погребения с гранеными топорами и вытянутыми костяками следует отнести к III этапу северокавказской культуры.

Эту же дату подтверждает и находка подобного топора в Галашкинском могильнике, который по секире в одном из погребений должен датироваться предкобанским временем (XII в. до н. э.).

Таким образом, топоры следует рассматривать как прямой импорт с Северного Кавказа и датировать так: гладкий топор — XIII—XII вв. до н. э., два топора с огранкой — XII в. до н. э.

Вполне вероятно, что и бородинский кинжал происходит из районов Северного Кавказа. Он обнаруживает значительное сходство с кобанскими кинжалами (XI в. до н. э.), менее значительное сходство с венгерскими клинками, относящимися к IV периоду венгерского бронзового века (по А. Можолич), 1250—1100 гг. до н. э. Самое большое сходство с ним обнаруживает кинжал из стоянки Гуальдо Тадино (XII—XI вв. до н. э.). Таким образом, датировать кинжал следует временем — XIII—XII вв. до н. э.

Бородинская булавка по форме совершенно аналогична булавке из клада Меджидия, которая, по мнению И. Нестора, происходит от булавок типа «текеш». Подобные булавки бытуют до косидерского времени, о чем свидетельствует булавка, найденная в кладе Колодное. Итак, если даже допустить сосуществование булавок типа «текеш» и бородинского типа, то последние следует датировать временем не ранее косидерского. Об этом свидетельствует и инвентарь клада Меджидия (серп), и 6-го погребения Комаровского могильника. Следовательно, бородинскую

булавку надо датировать либо 1250 г. (по А. Можолич), либо не ранее XII в. до н. э. (по И. Бона).

Бородинские копья, как указывалось выше, должны датироваться по аньянской линии синхронизации временем не ранее середины XIII в. до н. э., а нахождение вильчатого копья в кладе раннегальштатского времени Спалнака указывает на дату, являющуюся terminus ante quem для подобных копий.

Из всего сказанного выше следует, что Бородинский клад датируется серединой XIII—XII в. до н. э., причем ближе к истине дата XII в. до н. э. В то же время XII в. до н. э. будет и концом I этапа срубной культуры в Поволжье.

Этому противоречит датировка начала сабатиновского этапа, данная А. И. Тереножкиным как XIV в. до н. э., на основании аналогий предметов этого этапа с культурой Ноа. Но культуру Ноа румынские археологи относят к концу IV периода (по А. Можолич), а в абсолютных цифрах датируют по системе Г. Мюллер-Карпе. Г. Мюллер-Карпе дал свою схему для приальпийской зоны, а А. Можолич — для районов Подунавья. Она убедительно датировала конец III этапа своей периодизации по находкам керамики Фюзешабонь в слоях Вардаропша (Македония), датируемых концом XIII в. до н. э., и отнесла его к середине XIII в. до н. э. У нас нет оснований сомневаться в датировке конца III — начала IV этапа периодизации А. Можолич, и поэтому культуру Ноа надо датировать временем не ранее XII в. до н. э. (конец IV этапа по А. Можолич). О датировке сабатиновского этапа временем не ранее середины XII в. до н. э. свидетельствует и датировка малокопанской литейной формы. Кельт с пещеркой на этой форме находит полную аналогию в румынском кладе Драйна, который А. Можолич отнесла к концу XV периода венгерского бронзового века. На этом основании клад Драйна можно также отнести ко второй половине XIII в. до н. э. и малокопанскую литейную форму датировать этим же временем. На этой литейной форме вырезана матрица кинжала, близкого к бородинскому; следовательно, между бородинской и малокопанской литейной формой не может быть большого хронологического разрыва. В то же время дата Бородина отмечает хронологический переход от катакомбного к срубному времени в Причерноморье, а малокопанская литейная форма — время появления срубной культуры в Причерноморье, соответствующее началу II этапа срубной культуры в Поволжье. Это обстоятельство подтверждается и большой близостью тесла из Сосновомазинского клада к теслу на малокопанской и красномаяцкой литейных формах. Это позволяет датировать Сосновую Мазу второй половиной XII — началом XI в. до н. э. Красномаяцкий клад может быть несколько моложе Малокопанского, в нем наряду с малокопанскими формами имеются кинжалы более развитого облика. Сосновомазинские серпы найдены в памятниках II этапа срубной

культуры в Поволжье, начало которого следует датировать временем Сосновой Мазы — вторая половина XII — начало XI в. до н. э. Эту датировку подтверждает и дата Красномаяцкого клада, где помимо западных аналогий (копья, кельты), относящихся к самому концу II тысячелетия до н. э., имеется литейная форма сложного навершия, точная аналогия которому есть лишь на Востоке, где она датируется по надписям на ней рубежом II—I тысячелетий до н. э.

Предложенная датировка для срубной культуры, Сеймы и Турбина позволяет датировать и многие памятники абашевской культуры в Поволжье. Особую близость с Сеймой и Турбиным (тесло, клевцы, ножи, пробойники, копья, желобчатые браслеты) обнаруживают Верхнекизылский и Коршуновский клады, что свидетельствует об их хотя бы частичной одновременности. Верхнекизылский клад был найден в Приуралье в абашевском сосуде. Приуральский вариант абашевской культуры относится к более позднему времени, чем абашевская культура в среднем Поволжье, так как миграция абашевских племен в Приуралье из более западных районов несомненна. Сейма и Турбино синхронны в основном абашевским памятникам Поволжья, а следовательно, Верхнекизылский и Коршуновский клады должны относиться лишь ко времени конца сейминско-турбинского горизонта. Копья с несомкнутой втулкой из Верхнекизылского и Коршуновского кладов находят себе близкие аналогии на Кавказе в памятниках раннекобанского времени (XI в. до н. э.). Верхнекизылское копье аналогично копью из Насхваму, а Коршуновское — копью из Наохваму и Турчи. В то же время желобчатое тесло Верхнекизылского клада аналогично желобчатому теслу с несомкнутой втулкой из Костромского клада (1200—1100 гг. до н. э.). Таким образом, Верхнекизылский клад и Коршуновский должны датироваться рубежом XII—XI вв. до н. э. Эта дата будет свидетельствовать и о времени появления абашевской культуры в Приуралье. Начало абашевской культуры, по общепринятому мнению, лимитируется временем существования Балановского могильника. Конец Балановского могильника может быть датирован по аналогиям балановских топоров с гладкими северокавказскими, относящимися к периоду не ранее XIV в. до н. э., а также по копью с разомкнутой втулкой, которое О. Н. Бадер датирует по кавказским аналогиям третьей четвертью II тысячелетия до н. э. Следовательно, абашевская культура не могла возникнуть ранее XIII в. до н. э. Это подтверждает и находка костяного круглого псалия с шипами в раннем абашевском погребении Кондрашовка. Подобные псалии были широко распространены в Греции с середины II тысячелетия до н. э. до XIII в. до н. э. включительно, причем туда их импортировали из Египта. Встречаются они и в Крыму и на Украине. Следовательно, появление их в Подонье нельзя датировать ранее XIII в. до н. э., что

и будет указывать на время возникновения абашевской культуры.

Таким образом, с середины XIV—XI в. до н. э. на территории Восточной Европы прослеживается пестрая этническая картина. С середины XIV в. до н. э. в Поволжье полтавкинскую культуру сменяют племена срубной культуры, памятники первого этапа которой существуют до XII в. до н. э. В то время как племена срубной культуры продвигались к Среднему Подонью, в отдельных областях Поднепровья бытовали племена культуры многоваликовой керамики (находки каменной секиры бородинского типа на поселении Андрусовка).

С середины XIV по XII в. до н. э. Кавказ был окружен поясом катакомбных племен приазовского (находка топора, аналогичного бородинскому в катакомбном погребении на р. Молочной), предкавказского и прикаспийского вариантов. Последнее подтверждается находкой в калмыцких памятниках катакомбной культуры рогатого бисера, обнаруженного в памятниках 3-го этапа северокавказской культуры (10, 16-е погребения могильника Верхнего Рухти и 31-е впускное погребение Нальчикского могильника). В то время на Севере в лесостепной части Поволжья жили сейминско-турбинские и абашевские племена, которые к середине XII в. до н. э. продвинулись в Приуралье, где обитали андроновские племена раннеалакульского времени.

Н. Л. Членова

О СВЯЗЯХ ПЛЕМЕН ЮЖНОЙ СИБИРИ И СРЕДНЕЙ АЗИИ В СКИФСКУЮ ЭПОХУ

Тагарская культура, распространенная в южной части Красноярского края (Минусинская котловина) в VII—III вв. до н. э.,— одна из культур «скифского круга». Для нее характерны типы оружия (кинжалы-акинаки, наконечники стрел), конский убор и звериный стиль, очень сходные с теми же категориями в культуре скифов Причерноморья, савроматов Поволжья и Приуралья, саков Средней Азии и Казахстана. Со Средней Азией и Казахстаном существовали непосредственные связи. В тагарской культуре в отличие от многих других культур скифского мира, в том числе и от культур среднеазиатских и казахстанских саков, отсутствуют погребения с конем и даже предметы конского убора в погребениях. Из многих сотен раскопанных тагарских курганов лишь в двух найдены псалии и в одном — костяная имитация половинки удил. Это несомненно не случайно и говорит о том, что тагарские племена были более оседлы и что верховой конь играл в их жизни меньшую роль, чем у многих их современников. Во всяком случае Минусинская котловина не была районом изобретения или совершенствования верховой езды и конской сбруи. Тем не менее здесь известно значительное количество удил общескифских типов — со стремевидными и круглыми наружными кольцами, распространенными очень широко — от Венгрии до Монголии (удила с круглыми кольцами распространены еще шире и встречаются также на Ближнем Востоке). Интереснее, однако, специфические формы удил — со стремевидными наружными кольцами, внутри которых помещено еще маленькое колечко; в Минусинской котловине их найдено 84 экземпляра, тогда как удил с простыми стремевидными кольцами — только 29 (в Причерноморье же — 70). Такие удила с маленьким колечком в «стремени» известны еще на Алтае (в памятниках VII—VI вв. до н. э.), на Иртыше близ Омска, в Казахстане (Тасмола, VII—VI вв. до н. э.) и в Средней Азии: на Памире (Тамды, курган 10, VII—VI вв. до н. э.) и в низовьях Сыр-Дарьи (Уйгарак, курган 33, VII в. до н. э.). Упомянутые находки говорят о специфических связях Южной

Сибири с Казахстаном и Средней Азией еще в VII—VI вв. до н. э. Несмотря на то, что количество удил указанного типа, происходящих из Минусинской котловины, пока значительно больше, чем из Казахстана и Средней Азии, родина этих удил — не Минусинская котловина и, по-видимому, вообще не Сибирь. Ни на одном из минусинских удил нет архаического орнамента из выпуклых четырехугольников, в то время как в Казахстане и Средней Азии этот орнамент часто украшает удила как описанного типа, так и с простыми стремевидными концами. Этот орнамент характерен для Ирана конца II — начала I тысячелетия до н. э. (луристанские и мазандеранские бронзы) и для карасукской культуры Минусинской котловины. В более позднее время в Минусинской котловине этого орнамента уже нет, и, таким образом, он не мог попасть оттуда на среднеазиатские удила. Естественнее думать об обратном пути — из Средней Азии в Сибирь.

Можно предположить, что конский убор среднеазиатского типа попадал в Минусинскую котловину вместе с лошадьми. В тагарском зверином стиле встречаются изображения лошадей. Мотив этот довольно редок. Рассматривая внимательно эти изображения, нетрудно заметить, что изображались лошади двух (или даже трех) пород. Одна из них — небольшая, с крупной головой, короткой шеей и короткими ногами изображена на ручке бронзового котла из с. Тигрицкое (VI в. до н. э.), на навершье кинжала VI—V вв. до н. э. и бронзовой скульптуре тагарского или предтагарского времени из с. Усть-Есь. К этой породе близка вторая. Она известна по изображениям небольшой лошадки с крупной головой, короткой шеей и короткими ногами на бронзовых бляшках из кургана № 5 у с. Малая Иня и из случайных находок, на бронзовых ножах, на навершье и на ворворке из с. Шушь. Эти изображения по инвентарю курганов датируются V—IV вв. до н. э. Порода лошадей, представленная во второй и первой группах, одна и та же, или это две близкие породы (местная степная лошадь, распространенная и в степной зоне СССР и Монголии). Однако обе группы изображений резко различаются по стилю. В лошадях второй группы легче всего узнать так называемых «монголок». Аналогичные или очень близкие изображения известны из Ордоса и Тувы, а также из Томской области (в двух последних районах они также датируются V—IV вв. до н. э.). Изображаются они всегда с длинным хвостом и гривой, обычно с «султаном» на лбу, в то время как лошади первой группы изображены с коротко подстриженными гривами или вовсе без грив, а иногда и без хвоста. К лошадям второй группы близки и лошади, изображенные на известных золотых сибирских бляхах V—III вв. до н. э. («отдыхающие всадники», «охота на кабана»), на бронзовых бляхах гуннского времени III—II вв. до н. э. («дерущиеся жеребцы» и «пасущиеся

жеребцы»), известных и из Минусинской котловины. Наконец, эти же изображения близки к изображениям куланов и ослов, широко распространенным в Ордосе и известным в Минусинской котловине. Дата их — V—IV вв. до н. э. Зоологи считают, что сибирские лошади происходят от диких лошадей, близких к тарпану и джигетаю и имевших некоторые признаки лошади Пржевальского. Судя по указанным изображениям, эта порода существует уже с середины I тысячелетия до н. э. Детали стилизации лошадей-«монголок» позволяют включить их в так называемый «алтайский стиль», влившийся в тагарский в конце VI — начале V в. до н. э. и распространенный, кроме Минусинской котловины, в Горном Алтае, Туве, Монголии, Восточном Казахстане и на территории савроматов еще с VII—VI вв. до н. э. «Алтайский» звериный стиль появляется в Минусинской котловине вместе с «алтайским» конским убором и некоторыми видами оружия; в ту же эпоху у тагарского населения, до той поры европеоидного, появляется легкая монголоидная примесь, которая в более сильной степени свойственна населению перечисленных выше районов. Все это позволило сделать вывод о проникновении в Минусинскую котловину в V в. до н. э. групп населения с Алтая или из Восточного Казахстана. Эти люди появились, вероятно, со своими лошадьми породы, близкой к «монгольской». Изображения лошадей этой породы известны на наскальных рисунках сакской эпохи, например, в ущелье Тамгалы, к северо-западу от г. Алма-Ата.

Вторая группа тагарских изображений лошадей стилизована иначе, чем первая. Изображения имеют все признаки «минусинского стиля» в тагарском искусстве: полукруглое ухо, голова и туловище состоят из шариков и цилиндров, ноги в одном случае изображены кольчатыми, хотя обычно так изображают лапы хищников, глаза — сквозными кружками или в виде выступающих цилиндров. Фигурка животного на навершье ножа или кинжала типична для тагарской культуры, особенно для VI в. до н. э. Однако чаще всего здесь изображаются кабаны и козлы; изображения лошадей редки. Фигурки животных в качестве ручек «скифских котлов» также типичны для тагарской культуры и для скифского мира. Но и в тагарской культуре и в Причерноморье в качестве ручек котлов фигурируют обычно козлы, изредка олени. Ручки в виде лошадей известны, кроме тагарского котла, на двух котлах из Западной Сибири (дер. Колывань Томской области и бывший Барнаульский округ). По-видимому, лошади чаще изображались на котлах из восточной части скифского мира.

Кроме скифских, у второй группы изображений тагарских лошадей есть аналогии и в искусстве Луристана (Западный Иран, начало I тысячелетия до н. э.), где ухо также изображалось иногда в виде полукруга. Характерны для искусства этой

эпохи в Луристане, Мазандеране и на Кавказе и сдвоенные скульптурные протомы лошадей и других животных. На протяжении многих веков Луристан и соседний Нихавенд славились замечательными конями. Этот район известен также необычайным богатством и совершенством конского убора. Именно здесь, в Тепе-Гийяне, найдены одни из древнейших двусоставных бронзовых удил с простыми круглыми кольцами еще второй половины II тысячелетия до н. э., получившие затем столь широкое распространение. Очень распространены здесь были «строгие» псалии с шипами на внутренней стороне. Их типичная форма — «двойная секира» (IX—VIII вв. до н. э.) — находит довольно точные аналогии в тагарских псалиях, что указывает на связи носителей тагарской культуры с Луристаном. Характерно, что в то время как тагарское искусство и вообще искусство скифского мира довольно бедны изображениями лошадей, в Луристане лошади изображались на псалиях, навершьях, ручках точильных камней, сосудов, топорах. Естественно предположить, что вместе с широким распространением луристанского конского убора и самих коней далеко за пределы Луристана (В. Йеттс предполагает, что луристанские кони и конский убор попадали даже в Ордос) распространялись изображения этих коней и некоторые детали изображений проникли и в тагарское изобразительное искусство VI в. до н. э.

Наконец, третья группа тагарских изображений — лошадь с небольшой головой, лебединой шеей и длинными, тонкими ногами. Она изображена на костяном навершии из кургана 1 на оз. Кызыл-куль, на костяной рельефной пластинке оттуда же (конец VI — начало V в. до н. э.), на бронзовом кельте из с. Шунеры (то же время), в кольце на навершье ножа из дер. Малая Минуса (V в. до н. э.) и, может быть, на костяном ножичке из Усть-Теси, курган 2 (VI в. до н. э.). Ту же породу лошадей представляют рисунки, выбитые на скалах Оглахты, на левом берегу Енисея. Основная часть их известна уже давно, и схематические воспроизведения их изданы. Другое место изображений на Оглахтах найдено автором доклада в 1958 г. На одном из оглахтинских рисунков человек держит под уздцы двух лошадей. Они оседланы и взнузданы. Седла — с низкими луками, видимо, того же типа, что на бляхе «отдыхающие всадники» и из Пазырыкских курганов. Удила и псалии, к сожалению, не изображены. Лошади разрисованы четырехугольниками. В правой части рисунка изображен всадник; у него головной убор, похожий на шляпу, или остриженные «в кружок» волосы.

Другая сцена изображает лошадь, в спине которой торчат какие-то три предмета (по-видимому, вонзившиеся стрелы, судя по другим наскальным рисункам, изображающим сцены охоты). Тело лошади также разделено на прямоугольники,

на крупе — колесо или солярный знак, грива коротко подстрижена. Слева от лошади — антропоморфное божество, стоящее на головах двух горных козлов. На голове божества какой-то трехрогий убор, крайние рога его напоминают птичьи головы, из тела божества наискось торчат выступы (ребра?), из бедер вырастают две антропоморфные фигурки меньшего размера. Вся композиция обрамлена двумя дугами, изображающими, по-видимому, небесный свод. Другие сцены изображают лошадей, бегущих друг за другом или в разные стороны. Их крупы покрыты точками или солярными изображениями, туловища разрисованы зигзагами или углами. Все эти рисунки изображают высокопородных лошадей того типа, что встречался нам уже на тагарских вещах из кости и бронзы. Лошадь с солярным знаком на крупе, заштрихованная полосами, изображена на тагарском кельте конца VI—V в. до н. э. Зигзаги и вписанные углы на шее лошади обычно вырезаны и на тагарских ножах конца VI—V в. до н. э. Традиционная поза лошадей с оглахтинских писаниц — ноги поставлены косо, как будто лошадь упирается,— воспроизведена и на тагарском ноже V в. до н. э. Наконец, на ту же дату указывают и седла пазырыкского типа. Рисунки выбиты точечной техникой, характерной для тагарской культуры.

Все это позволяет отнести оглахтинские изображения лошадей к концу VI—V в. до н. э. Разрисованные туловища этих коней, солярные знаки на крупах, изображение рядом с одним из коней божества под небесным сводом,— все заставляет думать, что здесь изображены не обычные, а какие-то «божественные» кони. К. В. Вяткина уже сопоставляла эти рисунки с теми сведениями о «небесных конях» Средней Азии, которые содержатся в китайских летописях. Приведенная выше датировка оглахтинских изображений делает это сопоставление еще более убедительным. Средняя Азия была в древности известна как страна высокоразвитого коневодства и верховой езды. Многочисленные упоминания о конях и всадниках встречаются в Авесте, где ярко рисуется мир кочевников — наездников туров. Высокопородными конями славились Фергана и Бактрия (Тохаристан), о чем нам известно из китайских летописей начиная со II в. до н. э., когда Китай отправлял в Фергану послов и дважды вел с ней войны ради обладания ее замечательными «небесными», «потокровными» конями. В более поздних, средневековых китайских хрониках сообщается о «небесных» конях Тохаристана.

Представление об этих небесных конях дают и письменные источники и изобразительное искусство. В индийском эпосе «Махабхарата», древнейшая часть которого сложилась, как считают теперь, около V в. до н. э., говорится о представителях страны Ванксу (т. е. страны на р. Вахше, Хутталя), которые

привезли с собой в Индию «лошадей диких, очень быстрых, цвета кошенели, пегих и цвета утренней зари». В китайском средневековом сочинении VIII—X вв. Танхуйяо говорится: «Лошади государства Кан, т. е. государства Канцзюй, являются разновидностью да-юаньской лошади; наружностью чрезвычайно велики». Канцзюй, или Кангюй,— Хорезм (С. П. Толстов), «государство на Сыр-Дарье» (Ю. А. Зуев), за Сыр-Дарьей, до Таласа и низовьев Чу (С. Г. Кляшторный); Да-юань — Фергана. Изображения этих лошадей имеются на бактрийском серебряном блюде III в. до н. э. и на шерстяной ткани из Ноин Ула в Монголии, по-видимому, также бактрийской работы. Это — высокие, крупные лошади, с небольшой головой и лебединой шеей, белых, рыжих и бурых оттенков. К этим древним породистым лошадям, как показали исследования зоологов, восходят и современные породы лошадей Средней Азии — знаменитая ахалтекинская, карабаирская и др.

Преобладание золотисто-рыжей масти в этой древней породе, вероятно достигнутое путем специального отбора и скрещивания, как и эпитеты древних источников — «золотые кони», «кони цвета утренней зари», «небесные кони»,— говорят о связи их с культом неба и солнца. Действительно, массагеты, по сообщению Геродота, приносили лошадей в жертву солнцу. У индо-иранских народов лошадь олицетворяла собой Митру — солнце. С утренней и вечерней зарей связаны Асвины ведийской религии, близнецы-всадники, а первоначально — кони.

В свете приведенных сведений более ясной становится и «небесная», «божественная» природа коней на Оглахтинских горах. Очевидно, горы эти были своеобразным святилищем, связанным с культом «небесных коней». Интересно, что и в Средней Азии культ лошади был тесно связан с горами: по сообщениям китайских летописей Суйшу и Таншу, небесный конь в Тохаристане обитал в горах, в пещере. А в Фергане — на скале у с. Араван — выбиты рисунки коней, экстерьер которых указывает на их принадлежность к «небесной» породе и близок к экстерьеру оглахтинских коней. А. Н. Бернштам датирует изображения коней III—II вв. до н. э., но, судя по стилю изображений, они более ранние, VII—V вв. до н. э. Араванские рисунки выбиты точками, как и тагарские, но тела коней не разделаны зигзагами и треугольниками. Однако такая ажурная техника известна в Казахстане и Средней Азии: в ущелье Тамгалы к северо-западу от г. Алма-Ата и в Таласской долине в Киргизии. Наскальные рисунки Средней Азии и Казахстана вообще обнаруживают заметное сходство с сибирскими и по тематике, и по стилю, и по технике нанесения рисунка. Близки к сибирским и даже специально к минусинским рисунки козлов из Саймалы-Таш на Ферганском хребте, из Таласской долины и Тамгалы, быков и оленя из Тамгалы. На крупах животных среднеазиат-

ских наскальных рисунков нет солярных знаков, как на оглахтинских, но отдельные их изображения — в виде колес с 4 или 8 спицами — имеются в Саймалы-Таш, также сакское время. Все это говорит о близости не только самих культовых представлений в этих двух областях, но и способа их выражения.

Обратимся теперь к содержанию оглахтинских изображений. На одном из них представлена, по-видимому, лошадь, которую приносят в жертву божеству (или трем божествам) под небесным сводом, т. е. какому-то небесному божеству. На другом рисунке изображен обнаженный человек с согнутыми в коленях ногами и в высоком колпаке, который держит под уздцы двух лошадей. На теле его изображены позвоночник и ребра. Это заставляет вспомнить костюмы шаманов Сибири и Центральной Азии, на которых нашиты полосы, изображающие позвоночник, ребра и другие кости скелета (у тувинцев, карагасов, эвенков, якутов, кетов и др.). Универсальность этого явления в шаманизме доказывает обычай шамана представлять свое тело (или тело другого человека) в виде скелета, засвидетельствованный у гренландских эскимосов и в качестве пережитка — в индийских верованиях.

Итак, человек на оглахтинском рисунке может быть шаманом. На среднеазиатских и казахстанских писаницах часто изображаются шаманы, например на Саймалы-Таш, на Тамгалы. У фигур с Тамгалы показаны также какие-то выступы с боков, очень напоминающие выступы на теле божества из Оглахт (ребра?). Пережитки шаманских верований сохранялись у многих народов Средней Азии вплоть до недавнего времени — у туркмен, узбеков в Синьцзяне и особенно — у киргизов. А среди джиннов, которых призывают себе на помощь киргизские шаманы — баксы, есть и кони. Зарождение этих верований, как показывают наскальные рисунки и в Средней Азии, и в Сибири, восходят по крайней мере к скифской эпохе (если не к еще более ранней). Устанавливающийся тогда же контакт между двумя территориями приводит к значительному сходству и в этой области.

Обратим внимание на высокий колпак человека с оглахтинской писаницы. Головные уборы в виде колпаков сохранились в шаманских костюмах некоторых народов — хакасов, тофаларов,— однако они невысокие. Такой высокий и, по-видимому, твердый колпак, какой изображен на оглахтинском рисунке, напоминает скифские головные уборы и прежде всего — высокие войлочные колпаки саков-тиграхауда, достигавшие 80 см высоты, судя по изображению Скунхи, пленного вождя саков-тиграхауда, на Бехистунской скале. По поводу того, где жили саки-тиграхауда, среди исследователей нет единого мнения. Одни авторы помещают их к востоку от Аральского моря, отождествляя с массагетами, другие считают, что они жили за Сыр-Дарьей, на территории Чача, Киргизии и Южного Казахстана, вплоть до Тарбагатая.

Не решаясь склониться к той или другой точке зрения, отметим, что археологический материал говорит о связях тагарской культуры в конце VI—V в. до н. э. с районами восточнее Сыр-Дарьи — Восточным Казахстаном и, может быть, Семиречьем и Киргизией, и более того — о проникновении каких-то групп населения из этих районов в Минусинскую котловину. Приходилось уже высказывать предположение, что причиной такого движения мог явиться поход Дария I в 519—518 гг. против саков-тиграхауда. Быть может, часть саков-тиграхауда («носящих высокие колпаки») не была покорена Дарием, а откочевала на восток и вместе с другими увлеченными ими племенами достигла Енисея. Вместе с ними появились и их замечательные «небесные» кони и культ этих коней, связанный с культом гор и солнца. Кстати, изображение коней именно на енисейских скалах (а не только на бытовых предметах) и сходство этих наскальных рисунков со среднеазиатскими и казахстанскими существенно подкрепляет предположение именно о передвижении населения, а не о культурных влияниях и торговле, так как наскальные рисунки не могут быть предметом импорта. Во второй группе оглахтинских писаниц есть изображения явно тех же лошадей, но выполненные в несколько иной манере, более неумело (V в. до н. э.). Вот эти рисунки сделали, очевидно, местные художники, неудачно копируя непривычные, принесенные из Средней Азии образцы.

Почему кони на оглахтинских писаницах покрыты точками и геометрическими узорами? Сравнение с некоторыми подобными среднеазиатскими изображениями животных позволяет предполагать заимствование какой-то художественной традиции. Быть может, хотели изобразить каких-то пестрых, «радужных» и «пегих» лошадей, о наличии которых в Средней Азии согласно говорят и индийские, и греческие, и китайские, и тюркские источники; лошадей этих, по китайским летописям, скрещивали с небесным конем, жившим в пещере в горе в Тохаристане, для получения породы «небесных коней». Пегие и полосатые лошади очень распространены были в Средней Азии еще в XIX в.

Сопоставим две изображаемые в тагарскую эпоху породы лошадей — «местной» и «высокопородной» с двумя породами лошадей, найденными в Пазырыкских курганах Алтая V—IV вв. до н. э. По В. О. Витту, там преобладают высокопородные кони с маленькой головой, длинной шеей, длинными ногами, рыжей масти. Другая порода — мелкая, напоминающая скифских лошадей, изображенных на Чертомлыцкой вазе, и современных алтайских лошадей. Между ними есть промежуточные типы. В. О. Витт сделал отсюда вывод, что рыжие высокопородные кони попали на Алтай из Средней Азии путем торговли или войн, как попадали они в Китай. Наличие среднеазиатских «небесных коней» в Горном Алтае в непосредственной близости от Минусинской котловины подтверждает предположение о среднеазиатском проис-

хождении коней, изображенных на Оглахтах. У хакасов Минусинской котловины до недавнего времени сохранялся обычай «изыха» — посвящения коня какому-нибудь духу. Отметим и предание о «самом старшем изыхе» — коне буланой, «небесной» масти.

Но среднеазиатские кони в свою очередь обнаруживают близость по экстерьеру к некоторым изображениям коней из Ирана (луристанские бронзы, видимо, VII в. до н. э.; печать из Сиалка В 1000—800 гг. до н. э.). Изображения тагарских высокогорных лошадей тоже обнаруживают некоторые детали, сходные с луристанскими. Так, у луристанских коней изображают иногда орнамент на бедрах и лопатках в виде креста или многолучевой розетки — солярных знаков. Этими знаками отмечались животные из стад богини Иштар, как упоминается в текстах нововавилонского царства, обычно львы, но у «горных народов» — хеттов и жителей Луристана — эти знаки переходили и на копытных животных — козлов и коней. Богиня Иштар олицетворяла звезду Венеру и утреннюю зарю (которые обычно объединялись в сознании почти всех народов древности). Нельзя не вспомнить здесь о связи среднеазиатских коней с утренней зарей и о сохранившемся у алтайцев обычае приносить в жертву коней на восходе солнца, укрепляя их набитые чучела на наклонном шесте, головою на восток («тайэлга»), а также об обычае бурят посвящать чубарого (пегого) коня звезде Венере (Солбон) — покровительнице коней. В искусстве лесостепной Скифии, как показала М. И. Вязьмитина, на костяных предметах, в том числе и на псалиях с головками коней, встречаются четырехлучевые солярные знаки, но знаков Венеры здесь нет. Луристанские аналогии пока самые точные. Установление связи колеса со спицами на крупе оглахтинских коней с ближневосточной богиней-матерью помогает понять и изображение божества под небесным сводом возле другого изображения коня. Все ближневосточные Великие богини были владычицами зверей, и их изображали с различными зверями, стоявшими по бокам. В то время как Иштар или ее трон обычно поддерживают львы, в искусстве горных народов эта функция передана копытным животным — чаще всего горным козлам. Наиболее близкой аналогией и здесь является изображение на луристанском псалии I тысячелетия до н. э. рогатого антропоморфного божества, стоящего на двух горных козлах. По бокам божества стоят фантастические зооморфные крылатые существа, опирающиеся лапами на его бедра — видимо, это одно из воплощений Великой богини. Подобному божеству, очевидно, и приносились в жертву оглахтинские кони.

Луристанские аналогии, много раз упоминаемые в этом докладе, очевидно, не случайны. Гипотеза В. Йеттса начала 30-х годов о проникновении луристанских коней и конского убора в Ордос в настоящее время с накоплением большого нового материала и

появлением многих новых исследований может быть развита, уточнена и исправлена. Связь Сибири с Луристаном и другими районами Ирана в I тысячелетии до н. э. осуществлялась через территорию Средней Азии и Казахстана. Эти связи нашли отражение и в типах конского убора, но в этой области в VII—VI вв. до н. э. не были интенсивными: верховой конь не стал играть ведущей роли в хозяйстве племен тагарской культуры. Все же древнейшие тагарские удила — среднеазиатского типа. Изображения лошадей, проникающие в эту эпоху на Енисей, несут определенные детали, связывающие их с луристанским искусством; вероятнее всего, они проникли сюда также через искусство Средней Азии, но там такие изображения пока не найдены. В конце VI—V в. до н. э. в Минусинскую котловину проникают некоторые кочевые племена из восточной части Средней Азии и Восточного Казахстана, среди которых могли быть и саки-тиграхауда с высокопородными конями, весьма вероятно, попавшие в Среднюю Азию из Ирана и принесшие с собой некоторые культовые представления, связанные с этими конями. Насколько связаны сами среднеазиатские породы лошадей с иранскими — луристанскими, мидийскими — должны решать зоологи; но такая связь, по-видимому, не исключена. На это указывает, между прочим, и связь культа лошади с горами, плохо объяснимая в Средней Азии, но вполне естественная для горных долин Луристана. Вместе с этими конями в Минусинскую котловину попал и конский убор, в том числе специфические луристанские «строгие» псалии с шипами (на что указывает украшающий многие из этих псалий «алтайский» звериный стиль). Вместе с высокопородными конями в Минусинскую котловину попали, очевидно, и типичные для Восточного Казахстана лошади типа «монголки». И в то время как появление высокопородных коней в Минусинской котловине, как и на Алтае, было скорее всего эпизодом, лошади типа «монголки», характерные для всех окружающих Минусинскую котловину районов, продолжали разводиться там в течение многих веков.

Л. Д. Поболь

ЗАРУБИНЕЦКАЯ КУЛЬТУРА НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛОРУССИИ

(по материалам исследований последних лет)

Несмотря на значительные успехи, достигнутые советскими археологами в изучении памятников зарубинецкой культуры, многие проблемы, связанные с этой культурой, до сих пор не решены окончательно и являются дискуссионными. К ним, например, относятся вопросы, связанные с происхождением и этнической принадлежностью культуры, определение территории, занимаемой ею, и хронологических рамок существования культуры, вопросы отношения к другим культурам и т. д. В настоящем докладе поэтому, основываясь на материалах последних исследований памятников этой культуры на территории Белоруссии, позволю себе высказать и некоторые свои предположения по дискуссионным вопросам.

Как известно, в последних веках до нашей эры и в первых веках нашей эры памятники зарубинецкой культуры были распространены на обширной территории лесостепной и лесной полосы Украины, на юге и юго-востоке Белоруссии, в юго-западной части Смоленской и западной части Брянской областей РСФСР. По вопросу о происхождении этих памятников в советской археологии существует несколько диаметрально противоположных взглядов. Так, Ю. В. Кухаренко считает, что зарубинецкая культура сложилась на Полесье, в результате проникновения туда с запада поморских племен, а из Полесья произошло расселение зарубинецких племен в более восточные районы — в Поднепровье. А. И. Тереножкин же полагает, что зарубинецкая культура сформировалась между Днепром и Днестром на базе белогрудовской и чернолесской культур, откуда, по его мнению, зарубинецкие племена расселились на другие территории Восточной Европы, в том числе и в Белорусское Поднепровье. П. Н. Третьяковым высказано предположение, что зарубинецкая культура сложилась на более обширной территории Поднепровья, а П. Д. Либеров происхождение ее связывает со скифами. В 1964 г. опубликована работа Ю. В. Кухаренко, в которой по-новому, так сказать, более суженно, определяется и общая терри-

тория распространения зарубинецкой культуры. К зарубинецкой культуре им отнесено всего лишь 75 памятников, из них около половины находятся на территории Белорусского Поднепровья. Зарубинецкая культура на территории Белоруссии Ю. В. Кухаренко ограничивается в основном правобережьем Припяти и правобережьем Днепра ниже впадения Березины.

С этими выводами Ю. В. Кухаренко нельзя согласиться. Так, к настоящему времени в Белорусском Поднепровье обнаружено уже несколько сот памятников зарубинецкой культуры. Северная граница племен зарубинецкой культуры проходила приблизительно по линии современных белорусских городов: Могилев — Осиповичи — Слуцк, что является севернее границы, указанной Ю. В. Кухаренко. На востоке эти племена занимали бассейн нижнего и частично среднего течения Сожа, на западе их территория простиралась до Западного Буга. Северными соседями племен зарубинецкой культуры являлись балтийские племена культуры штрихованной керамики, северо-восточными — племена днепро-двинской культуры, восточными — юхновской культуры, западными — поморской культуры. Между племенами зарубинецкой культуры и их соседями не было четко выраженных стабильных границ, но имелись широкие зоны контактов, достигающие нескольких десятков километров. В этих зонах наблюдается известное смешивание различных культурных элементов.

Племена зарубинецкой культуры в разных районах Белоруссии имели свои особенности в характере поселений и в некоторых предметах материальной культуры. В результате изучения этих различий исследователями выделяется два основных локальных варианта памятников: припятский и верхнеднепровский. Для племен, обитавших в Припятском Полесье, основным типом поселений являлись селища, а для племен в бассейне верхнего Днепра — городища. Распространение этих типов поселений было связано в какой-то степени с физико-географическими особенностями разных территорий Белорусского Поднепровья.

В бассейне верхнего Днепра местность заболочена слабо, она лесистая, здесь много земель, удобных для развития земледелия и скотоводства, берега рек сравнительно высокие, достигают 10—20 м и не заливаются во время паводков. Во многих местах берега рек в послеледниковое время были размыты водой, в результате чего образовалось большое количество оврагов. Эти древние овраги и высокие берега рек образовали мысы, которые являлись прекрасными местами для сооружения городищ племенами милоградской культуры уже в начале железного века (VII—V вв. до н. э.). С напольной стороны площадки такие городища укреплялись одним или двумя валами и рвами. Некоторые из городищ исследовались (Чаплин, Мохов I и II, Милограды, Горошков, Колочин и другие Речицкого района; Асаревичи Брагинского района — О. Н. Мельниковская; Щатково Бобруйского

района.— Л. Д. Поболь). Городищ в бассейне верхнего Днепра в настоящее время известно более двухсот. И почти на каждом из них вместе с материалами милоградской культуры выявляются предметы зарубинецкой культуры. Помимо городищ, часть зарубинецкого населения обитала на селищах, которые обычно располагались в 50—100 м от городищ. В 50—300 м от валов городищ находятся бескурганные могильники. Был распространен один погребальный обряд — трупосожжение. Самым большим исследованным могильником (не только бассейна верхнего Днепра, но и всей зарубинецкой культуры) является Чаплинский Речицкого района Гомельской области. На нем в 1951—1953, 1956, 1957 гг. Ю. В. Кухаренко и мною было раскопано 282 погребения. Погребальные ямы имели круглую и удлиненную форму, ориентированы в основном с северо-запада на юго-восток, их размеры: длина 1—2,2 м, ширина 0,4—0,8 м, диаметр круглых ям 0,4—1,2 м, глубина всех типов ям от поверхности 0,4—0,8 м. Еще один могильник зарубинецкой культуры обнаружен в бассейне верхнего Днепра около городища в Горошкове (О. Н. Мельниковская).

Припятское Полесье по физико-географическим условиям отличается от бассейна верхнего Днепра. Местность здесь в основном очень низменная, ровная, сильно заболоченная, лесистая, берега рек низкие и во время паводков заливаются водой. Основным типом поселений на этой территории являлись селища. Чтобы укрыться в момент опасности в нескольких километрах от берегов рек среди болот и лесов сооружались городища-убежища, которые получили условное название «болотных». Таких городищ в Полесье выявлено около 50. Они часто имеют круглую или овальную формы, укреплены одним или двумя валами, занимают территорию 3—5 га, а одно из городищ около дер. Бечи Житковичского района Гомельской области имеет площадь около 9,5 га. Это самое крупное городище в Белоруссии. Болотные городища, как правило, не содержат культурного слоя. На них очень редко находят отдельные предметы материальной культуры железного века. К настоящему времени валы этих городищ достигают в высоту 1—2 м, в ширину — 5—10 м; глубина рвов — 0,5—1 м. Данные городища напоминают по внешнему облику большие укрепления скифского времени на территории УССР.

Племена зарубинецкой культуры занимались в основном земледелием и скотоводством. Поэтому поселения в первую очередь возникали на более плодородных землях. Особенно характерно это для района в междуречье Припяти и Ствиги. Почвы здесь черноземные, и поэтому селища в указанном междуречье находятся в 1—3 км друг от друга. Так, в одном лишь Туровском междуречье Припяти — Ствиги на площади до 20 кв. км выявлено 17 селищ и 7 могильников зарубинецкой культуры. К настоящему времени в Припятском Полесье обнаружено до сотни селищ

и до двух десятков зарубинецких бескурганных могильников, в основном с трупосожжением. Площадь селищ — от 1 до 10 га и более, а одно селище в Столинском районе занимает площадь до 1 кв. км.

Раскопкам в Полесье подвергались следующие зарубинецкие могильники: в 1927 г. в урочище «Казаргать» около дер. Буйрази, в 4—6 км на юго-запад от Турова (А. З. Коваленя и С. С. Шутов); в 1952—1954 гг. в дер. Воронино Житковичского района (Ю. В. Кухаренко); в 1952—1963 гг. могильники в Велемичах I и II, Ремеле, Отвержичах и другие Столинского района (Ю. В. Кухаренко, К. В. Каспарова); в 1960 г. могильник в Погосте (Л. Д. Поболь), а в 1964 г.— в Семурадцах Житковичского района (Л. Д. Поболь). Ни один из этих могильников до конца не исследован. Хоронили на зарубинецких могильниках в Полесье также в круглых и удлиненных ямах, последние имели различную ориентировку: с запада на восток, с северо-запада на юго-восток, с северо-востока на юго-запад; размеры ям близкие к чаплинским.

Жилища племен зарубинецкой культуры были небольших размеров — в пределах 10—20 кв. м, они имели в основном столбовую конструкцию, были наземными или слегка углублялись в землю (до 0,6 м), очаги находились на глиняных площадках и имели вид костра. Остатки жилищ обнаружены на городищах в Чаплине, Мохове II, Щатково и других и на некоторых селищах в Полесье. Около жилищ располагались хозяйственные ямы-погреба, в которых, по-видимому, сохранялись необходимые запасы продовольствия.

Во время раскопок на памятниках зарубинецкой культуры наиболее частыми находками являются глиняные сосуды. Все они лепные, у многих — лощеная поверхность. В разных районах распространения зарубинецкой культуры сосуды имеют свои особенности, выраженные в размерах, обжиге, примесях, формах, деталях орнамента и т. д. Кроме того, в зависимости от географического местонахождения зарубинецких памятников на возникновение тех или иных вариантов сосудов оказали воздействие другие в этническом отношении племена. Так, у зарубинецких племен, живших в непосредственной близости к племенам штрихованной керамики, часть зарубинецких сосудов покрывалась штрихами. Эта особенность хорошо видна на керамике из городищ Щатково (в 10 км на север от Бобруйска, правый берег р. Березины), Хомичи Быховского района (левый берег Друти) и др. В западных районах Полесья некоторые сосуды по типу близки к сосудам племен поморской культуры, в бассейне Сожа — юхновским, в Среднем Поднепровье — скифским и сарматским.

Орудия труда, предметы быта, вооружение и украшения изготовлялись зарубинецкими племенами из железа, бронзы, камня,

кости и стекла. Наиболее распространенным типом земледельческих орудий являются железные серпы, некоторые из них напоминают скифские. В большом количестве обнаружены железные ножи с горбатой и прямой спинкой; первый тип ножей ранний, второй — более поздний. В Чаплине выявлено шесть железных клиновидных топоров (кельтов). На памятниках зарубинецкой культуры в большом количестве встречаются железные шилья, иглы, проколки, рыболовные крючки, остроги. Большую группу вещей составляют каменные бруски (многие из них с отверстиями для подвешивания на поясе), каменные зернотерки и песты. Орудиями труда бронзолитейного производства являлись тигли, льячки и фрагменты глиняных формочек. Обнаружено большое количество железных и бронзовых украшений — трапециевидных и проволочных подвесок, колец, браслетов, булавок, скобок, трубочек и др. Для зарубинецких племен Полесья были характерны многочисленные бронзовые булавки больших размеров. Оружие представлено в основном железными дротиками и втульчатыми наконечниками копий с листовидным пером. Больше всего наконечников копий было найдено на могильнике в Чаплине — более полутора десятков. На других памятниках их обнаружено всего лишь несколько экземпляров. Кроме наконечников копий, известны железные наконечники стрел, а из предметов воинского снаряжения — небольшие шпоры.

Анализ находок, обнаруженных на памятниках, свидетельствует о том, что племена зарубинецкой культуры имели связи со скифами и, видимо, античными городами Северного Причерноморья. Так, на зарубинецких памятниках Среднего Поднепровья обнаружено большое количество античной керамики. На памятниках Белоруссии, находящихся значительно севернее, античная керамика встречается редко. В то же время на этих памятниках довольно много других античных вещей, в особенности стеклянных бус. В Чаплине, например, такие бусы обнаружены в нескольких десятках погребений. Количество их в погребениях различно — от одного до сотни экземпляров, а в одном погребении было обнаружено более четырехсот. Интересно отметить, что все типы бус имеют прямые аналогии в Ольвии до разрушения ее гетами в 55 г. до н. э. В Чаплине стеклянные бусы находились вместе с вещами более ранних типов и с груболепной керамикой. Благодаря связям со скифами у племен зарубинецкой культуры возникли подковообразные фибулы. Их в Чаплине обнаружено около сорока. В других районах распространения зарубинецкой культуры подковообразные фибулы встречаются редко.

Некоторые типы сосудов и металлические вещи зарубинецкой культуры напоминают собой скифские. Все это вместе взятое, видимо, свидетельствует о торговых связях, существовавших между зарубинецкими племенами и скифами.

Особую группу предметов, встречающихся на памятниках зарубинецкой культуры, составляют кельтские вещи, или предметы, сделанные зарубинецкими племенами в подражание кельтским образцам. Одной из самых распространенных категорий таких предметов являются фибулы. В зарубинецких памятниках встречаются в основном среднелатенские и позднелатенские фибулы. Они служат для датировки отдельных этапов жизни племен зарубинецкой культуры, но не зарубинецкой культуры в целом. И те археологи, которые только на основании этих типов вещей датируют зарубинецкую культуру, допускают, на мой взгляд, ошибку. Никем еще не доказано, что зарубинецкая культура сложилась только во время распространения среднелатенских фибул (или, возможно, на юге — поздних вариантов раннелатенских) и закончилась с исчезновением позднелатенских фибул. Анализ всех известных материалов зарубинецкой культуры дает основание предполагать, что зарубинецкая культура сформировались значительно раньше появления на этой территории среднелатенских фибул. Поэтому, когда зарубинецкие племена восприняли от кельтов среднелатенский тип фибул, повсеместно на основе этих образцов началось изготовление зарубинецких вариантов этих фибул. Я имею в виду прежде всего фибулы с плоским треугольным щитком, столь характерным для племен зарубинецкой культуры.

Помимо фибул, среди племен зарубинецкой культуры были распространены и другие близкие к кельтским вещи, в частности железные наконечники копий листовидной формы. Как уже отмечалось, такие копья выявлены в Чаплине (16 экз.), в Горошкове (1 экз.) и в Корчеватом, около Киева (1 экз.). В Велемичах I (Полесье) в погребении № 115 найден также обломок кельтского гончарного сосуда, покрытого графитом. Это единственный случай находки такой керамики в захоронениях зарубинецкой культуры. Все ребристые лощеные сосуды зарубинецкой культуры по форме напоминают ребристые гончарные миски кельтов. Указанный тип сосудов зарубинецкой культуры, в частности в Чаплине, довольно часто обнаруживается в погребениях вместе с позднелатенскими фибулами. Топоры-кельты из Чаплина по форме близки к топорам латенской культуры. На городище в Горошкове найдены более десяти кельтских бронзовых и серебряных браслетов и другие вещи. Такие же браслеты обнаружены в Чаплине и на городище Тушемля в Смоленщине.

Таким образом, приведенные данные свидетельствуют о широком распространении среди племен зарубинецкой культуры кельтских импортных вещей и вещей, подражающих им по форме. Мы далеки от мысли преувеличивать значение кельтской культуры в развитии культуры зарубинецких племен, однако отрицать или уменьшать роль кельтов также нельзя. Иначе мы

просто не в состоянии объяснить многочисленные общие явления, связывающие зарубинецкую культуру с культурой кельтов.

В результате тщательного анализа материалов, добытых во время раскопок на могильнике и городище в Чаплине, удалось установить три стадии развития зарубинецкой культуры. Это подтверждается и материалами из других памятников зарубинецкой культуры.

Для первой, самой ранней стадии характерны груболепные сосуды, напоминающие милоградские, ножи с горбатой спинкой, серпы, булавки, вещи скифской культуры (дротики, подковообразные застежки, кольца, браслеты и др.), античные стеклянные бусы. Эту стадию можно назвать «дофибульной», поскольку фибулы в комплексах, относящихся к ней, еще отсутствуют. Погребения этой стадии на могильнике в Чаплине находились в центральной части могильника. Вторая стадия в основном характеризуется распространением среднелатенских фибул, груболепных и изредка лощеных сосудов, листовидных наконечников копий, античных стеклянных бус. Таких погребений обнаружено более сотни. Кроме центральной части могильника, они частично занимали и его периферию. Для третьей стадии характерно наличие позднелатенских фибул, ребристых лощеных мисок, груболепных горшков со слабой профилировкой, ножей с прямой спинкой, и почти полное отсутствие античных стеклянных бус (это, видимо, связано с разгромом гетами в 55 г. до н. э. Ольвии, после чего приток античных вещей сократился). Погребения третьей стадии, как правило, располагаются по окраине могильника.

Одним из трудных вопросов в археологии является определение времени существования зарубинецкой культуры. Можно предположить, однако, что те археологи, которые определяют хронологические границы зарубинецкой культуры в пределах второй половины III в. до н. э.— I в. н. э., находятся ближе всего к истине. Если же не признать указанную раннюю дату этой культуры, тогда будет непонятно, почему среди зарубинецких племен были распространены скифские вещи. По аналогии с латенской культурой необходимо предположить также, что среднелатенские фибулы у племен зарубинецкой культуры появились не позднее середины II в. до н. э. и продолжали бытовать в I в. до н. э. Ранние типы позднелатенских фибул (с рамчатым приемником) появились около середины I в. до н. э. и бытовали до рубежа нашей эры, а позднелатенские фибулы с пластинчатым приемником бытовали со второй половины I в. до н. э. и в I в. н. э.

На заключительной, третьей стадии развития зарубинецкой культуры характерные для нее черты латенской культуры постепенно утрачивались, а уже с конца I в. н. э. к племенам зарубинецкой культуры начинает проникать провинциально-римский импорт: керамика, бронзовые сосуды, украшения и др. В I—II вв. н. э. в жизни племен зарубинецкой культуры происхо-

дили важные изменения. Так, например, обитатели городищ бассейна верхнего Днепра постепенно оставляли городища, и основным типом поселений становились селища. Это, видимо, было связано с консолидацией зарубинецких племен в прочные союзы. Но не будем останавливаться на данном вопросе, поскольку это не входит в нашу задачу. Отметим лишь, что на территории Белорусского Поднепровья к настоящему времени известно более 150 селищ и большое количество бескурганных могильников с трупосожжением, относящихся к позднезарубинецкой культуре. Памятники эти датируются в пределах II—V вв. н. э. Таким образом, на основании археологических данных необходимо выделить два этапа развития зарубинецкой культуры: ранний и поздний. Для раннего этапа характерен скифский и кельтский импорт, для позднего — провинциально-римский. Таким образом, на территории Верхнего Поднепровья зарубинецкая культура во II в. н. э. не сменилась черняховской. Как это имело место в Среднем Приднепровье на значительных территориях лесной полосы Украины зарубинецкая культура также продолжала существовать и в черняховское время. В районах, где была распространена позднезарубинецкая культура, в VI в. н. э. сложились разные варианты житомирской (пражской) культуры, генетически связанной с зарубинецкой. Десятки памятников этой культуры за последние годы открыты и в Белорусском Поднепровье (селища, бескурганные и курганные могильники с трупосожжением). Эти памятники увязываются также с бесспорно славянскими древностями эпохи Киевской Руси.

Таким образом, имеются все основания считать, что памятники зарубинецкой культуры принадлежали славянам.

М. А. Тиханова

РАСКОПКИ ПОСЕЛЕНИЯ У с. ЛЕПЕСОВКА

Проблема черняховской культуры является одной из наиболее остро дискуссионных не только в советской, но и в зарубежной литературе. Дискуссионны не только ее этническая принадлежность, но и ее происхождение, и ее территориальные и хронологические рамки. В то время как одни археологи как в пределах СССР, так и за его рубежами ограничивают время существования черняховской культуры III—IV вв. н. э., другие отодвигают ее начало во II в., наконец, третьи продвигают ее бытование вплоть до V—VI и даже VII в., пытаясь сомкнуть ее, во всяком случае хронологически, с достоверно известными славянскими памятниками.

Дискуссионным или, точнее, неясным остается до настоящего времени и вопрос о культурной принадлежности памятников Волыни — представляют ли они собой один из вариантов черняховской культуры (если таковые вообще были) или особую группу памятников культуры полей погребений, отличную от черняховской.

Единственный путь, по которому могут и должны идти поиски решения всех этих вопросов, в том числе и последнего,— это максимальная мобилизация фактических материалов, публикация уже раскрытых памятников, тщательный анализ имеющихся фактов. В этом плане публикация, пусть даже суммарная, итогов исследования поселения у с. Лепесовка на Южной Волыни, вскрытого на достаточно большой площади и давшего обширный материал — жилища, гончарные печи, богатейшую керамику и выразительные вещественные находки, представляется не только оправданной, но и необходимой. Такая публикация тем более необходима, что она проливает свет на вопрос происхождения не только волынской группы.

Поселение у с. Лепесовка Белогорского района Хмельницкой области УССР расположено на левом высоком берегу старого русла р. Горыни, к востоку от современного села. Когда-то площадь, на которой расположено древнее поселение, распахивалась, но последние десятилетия она служит пастбищем, почему сохранность поселения относительно хорошая. Памятник был

открыт еще в 1905 г., однако его раскопок никто не производил. Работы возобновились здесь только в 1956 г., сначала в порядке обследования, а затем и систематических раскопок, проводившихся ежегодно под руководством автора настоящего доклада с 1957 по 1962 г. включительно.

За шесть раскопочных сезонов, в среднем по 2 месяца каждый, было вскрыто большими площадями и исследовано 5800 кв. м — участок, представляющий лишь незначительную часть поселения, хотя несомненно центральную. Как показали обследования и контрольные траншеи, поселение было вытянуто длинной (не менее 1 км), но узкой (около 80 м) полосой вдоль берега реки. Западная его часть разрушена постройками современного села.

Наряду с основным материалом первой половины I тысячелетия н. э. на территории поселения встречается и инородный: относительно многочисленные фрагменты керамики, отдельные поделки и даже остатки наземных сооружений позднего триполья, единичные обломки керамики культуры воронковидных кубков, шаровидных амфор, шнуровой, тшинецкой и тшинецко-комаровской, в значительно большем числе — эпохи поздней бронзы и раннего железа и, наконец, славянское поселение рубежа I—II тысячелетий н. э. Однако следов жизни на этом участке в последней трети I тысячелетия до н. э., на рубеже и в первых двух веках нашей эры не прослеживается. Видимо, жизнь надолго оборвалась в этих длительно обжитых районах и возобновилась лишь где-то на рубеже II—III вв., когда и этот участок, как и соседние к востоку и западу от него территории, оказался вновь густо заселенным.

На поселении было вскрыто и исследовано 12 больших наземных жилищ, расположенных двумя рядами вдоль берега реки, 19 очагов вне жилищ, три хозяйственные и две гончарные печи. Последние, в отличие от большинства жилищ, совершенно исключительной сохранности. С гончарными печами связаны и некоторые из очагов, а также такие «вспомогательные» сооружения, как склад запасов глины и площадка для просушки гончарных изделий. На поселении полностью отсутствуют углубленные жилища, равно как и углубленные производственные хозяйственные сооружения и ямы. Был также добыт богатейший керамический материал (более 100 000 фрагментов), в том числе и целые сосуды, из которых более 79% составляет гончарная и около 21% — лепная керамика, и более 1500 различных изделий из металла, глины, кости, стекла и камня, в том числе и такие уникальные предметы, как римские бронзовые весы — безмен (Statera) и дощечковидный наконечник ножен меча из рога оленя.

Как керамика, так и вещи — целые или в обломках — встречались главным образом не в комплексах, жилых или хозяйственных, или в непосредственной близости от них, а в культурном

слое, преимущественно на уровне залегания развалов обмазки, а также на более высоком горизонте, равно как и под развалами сооружений.

Наряду с керамикой и вещевым материалом собрано довольно много костей животных. Из определенных 8490 костей (при 599 особях) 98,93% составляют кости домашних животных и только 1,01% — диких, или по числу особей — домашних животных 95,32%, диких — 4,68%. На первом месте по количеству костей стоит крупный рогатый скот, на втором — свинья, которая по числу особей занимает первое место, на третьем — мелкий рогатый скот. Единичны кости птиц — курицы и гуся, имеется одна косточка рыбы. Дикие животные представлены в основном костями оленя, косули и лося. Из их костей, главным образом рога, изготавливали различные хозяйственные и бытовые поделки.

Как показало исследование всего материала, поселение датируется временем рубежа II—III вв.— IV в. н. э., не выходя за пределы середины или третьей четверти последнего.

Не имея возможности в кратком докладе рассмотреть все многообразные материалы, полученные при раскопках поселения, остановимся только на тех, которые могут осветить вопрос о происхождении культурного комплекса поселения,— на его жилищах и керамике.

В отношении жилищ удалось установить, что не только сохранившееся полностью в своем основании жилище I — большая прямоугольная в плане двухчастная наземная постройка с жилой восточной частью и хлевом со стойлами в западной — представляет типичный образец так называемого Stallhaus, т. е. постройки, совмещающей под одной кровлей помещение для жилья человека и помещение для скота, но и все остальные в какой-то степени уцелевшие жилища представляют по существу тот же тип постройки, с некоторыми отклонениями в деталях. Все они тоже больших размеров, в виде вытянутого прямоугольника со слегка скругленными углами в плане, ориентированные, как правило, с запада на восток или с некоторыми отклонениями — с запад-юго-запада на восток-северо-восток, в большинстве двухчастные, с жилым помещением в одной половине. Стены их сделаны из плетня или кольев, обмазанных глиной; в основании некоторых из них залегают лежни. Жилая часть постройки (в одних случаях это восточная половина, в других — западная) характеризуется наличием хорошо утрамбованного и иногда даже заглаженного до заполированности глиняного пола, очага, расположенного на продольной оси постройки, ткацкого станка (в одном случае даже двух, жилище I) и хозяйственной утвари. В другой части, служила ли она хлевом или производственным помещением,— пол земляной. Очаги, как правило, сложены из глины, заполнявшей неглубокую продолговатую яму, с глиняной

подмазкой — подом, слегка возвышаются над уровнем пола, имеют округлую, прямоугольную или слегка овальную форму, иногда с закраинами. В двух случаях под очага подстилала «вымостка» из крупных обломков битых сосудов. Такой тип жилища ранее совершенно не известен ни на Волыни, ни на всей территории лесостепной полосы Восточной Европы. Представить себе, что такой вполне сложившийся, «отработанный» тип жилища, не имея предшественников, мог самостоятельно возникнуть на Волыни, невероятно. Его нужно искать в другом месте, там, где он сложился в результате достаточно длительного развития. Как мы уже указывали в своих предварительных отчетах, искать его следует далеко на северо-западе Европы, в Голландии, Дании, в особенности в Ютландии, на северо-западе ФРГ — в Шлезвиг-Голштинии, где он известен уже в эпоху латена, существует вплоть до позднеримского времени, и особенно характерен для раннеримского времени в Ютландии.

Известны такие жилища и в Бранденбурге, на поселении в Бэрхорсте под Науеном, где близки лепесовским не только жилища, но и керамический комплекс и вещевой инвентарь.

В последнее время аналогичные постройки были открыты в Польше, в Вульце-Ласецкой (Мазовия),— сначала большое сооружение с двумя рядами внутренних столбов, типа ранее в Польше не известного, которое его исследователи рассматривали как здание общественного характера, обратившись за конструктивными аналогиями совершенно закономерно к районам северо-западной Европы. Впоследствии (в 1961 г.) в той же Вульце-Ласецкой было открыто большое наземное сооружение (жилище № 10).

В Нижнем Повисленье близкого типа жилища были известны еще в довоенные годы. Судя по последним сообщениям информационного характера и тезисам докладов на Конгрессе славянской археологии в Варшаве в сентябре 1965 г., на поселениях на правобережье Нижней Вислы в Плоньском повяте и на ее левобережье, к югу от Гданьска, в Пруще, открыты большие наземные жилища, «редкие на территории Польши». Остатки наземных жилищ, правда очень незначительные, были вскрыты и на левобережье Западного Буга в Грудске на Буге.

При определении облика той или иной культуры немаловажное значение, наряду с жилищами, имеет ее керамический комплекс и прежде всего ее лепная керамика. Лепная керамика в Лепесовке неизменно сопровождает гончарную как в культурном слое, так и особенно в жилищах. Она представлена как тонкостенной столовой лощеной и подлощенной посудой, так и толстостенной, с шероховатой поверхностью кухонной посудой. Среди целых и реконструированных графически сосудов столовая лощеная посуда составляет 50,52%, подлощенная — 10,20%, кухонная — 39,28%.

Формы столовой посуды многообразны. Первое место принадлежит различным биконическим и округлобиконическим сосудам (38,39%), второе — мискам или мисковидным сосудам (19,05%). Среди подлощенной — биконические также занимают первое место (44,12%). Остальные формы — кувшины, сосуды на подставке, яйцевидные с загнутым внутрь венчиком, двуручные, эсовидные, кубки и чашки, а также миниатюрные сосуды — встречаются в меньшем количестве или даже в единичных образцах. Орнаментированных сосудов относительно немного, но орнамент очень выразителен и устойчив. Это в основном исполненные врезом или вдавлением различные узоры в виде треугольников, заштрихованных или заполненных пунктиром, елочек, прямых или наклонных линий, а также желобков, ямок, валиков, украшенных насечкой, выступов-шишечек. В единичных экземплярах встречаются сосуды с косыми канеллюрами, а также со сложным орнаментом.

Ведущее место в кухонной керамике занимают сосуды яйцевидной формы с загнутым внутрь венчиком, залощенной верхней и придонной частями и шероховатой поверхностью. Вариантом того же типа являются аналогичной формы сосуды с покрывающим поверхность тулова «ногтевым» орнаментом, орнаментом, нанесенным рукой или палочкой, а также со «штрихованной» поверхностью — глубоко врезанными перекрещивающимися линиями. В совокупности вся эта группа составляет 61,45% кухонной керамики. Остальные формы, как-то: сосуды эсовидного профиля, иногда с пояском из округлой формы ямок в месте перехода от тулова к плечикам, боченковидные, большие биконические сосуды с изломом ребра на половине высоты или в верхней трети сосуда, в виде перевернутого срезанного конуса, кубки с петлевидной ручкой — составляют явное меньшинство.

Вся лепная керамика Лепесовки, как столовая, так и кухонная, не имеет никаких корней на месте в керамике Южной Волыни предшествующих эпох и в то же время находит полные соответствия в керамическом комплексе северо-восточной Польши — Нижнего Повисленья и Мазовии, в основном II — первой половины III в., а также — Центральной Европы.

В отношении гончарной керамики ограничиваемся приведением немногих цифровых данных и некоторыми фактами, имеющими значение для определения происхождения этой группы керамики.

В составе гончарной посуды лощеная столовая значительно преобладает над кухонной (73%). Основное место принадлежит мискам и мисковидным сосудам (68,98%), второе занимают различного профиля кувшины (27,88%). В огромном большинстве они имеют округлое или реже округло-биконическое тулово, прямое или слегка расширяющееся, нередко фигурное, горло. Уникален сосуд, напоминающий большую флягу. Орнамента-

ция кувшинов, как и терриновидных сосудов, а также кубков и чарок исключительно богата и характеризуется сочетанием сложных узоров, выполненных дополнительной профилировкой, лощением и штампом. Кухонная посуда представлена в основном горшками различных профилей, а также мисками, крышками и единичными кувшинами. Обращает на себя внимание «перекликание» форм гончарной и лепной посуды: отчетливо прослеживается воздействие лепной керамики на гончарную и обратное воздействие гончарной на лепную.

За северочерноморское, а не гето-дакийское, или, как в Игломском центре на Верхней Висле, паннонское (via Словакия) происхождение гончаров, работавших в Лепесовке, говорит прежде всего греческий, а не латинский язык обрывков надписей на обломках сосудов. Дополнительно об этом свидетельствуют конструкция гончарных печей с центральным столбом, а не с поперечной стенкой, как в Игломии, Луке-Врублевецкой, Ринневе II и др., формы мисок, терриновидных сосудов и особенно кувшинов, а также целый ряд орнаментальных узоров лощеной керамики, как, например, вертикальные зигзаги, чередующиеся с пролощенными вертикальными же полосами, растительные мотивы и некоторые образцы штампов; наконец, находка в Лепесовке лепного светильника южного типа. Все эти данные в сочетании с установленной в настоящее время исследователями Ольвии уточненной датировкой керамики типа черняховской в закрытых комплексах Ольвии I—II вв. н. э. решают вопрос, во всяком случае для гончарного центра в Лепесовке, в пользу Северного Причерноморья, вероятнее всего самой Ольвии.

Поселение у с. Лепесовка — памятник на Волыни не единичный. Близкие ему по типу жилищ, керамическому комплексу и инвентарю поселения известны не только на Южной, но и на Восточной Волыни: Викнины Великие, Костянец и многие другие, выявленные разведкой на Южной Волыни; Маркуши, Иванковцы, Пражев, Ягнятин — на Восточной; Сухостав — в междуречье Серета и Збруча. Памятники эти представлены не только поселениями, но и могильниками и отдельными погребениями, например Дитимичи, Деревянное, Раковецкий могильник, погребения в Рудке, Горке-Полонке и др.

Опираясь на все изложенное, следует признать, что то население, с которым мы встречаемся на рубеже II—III вв. н. э. на поселении у с. Лепесовка, как и на всей Южной Волыни и на прилегающих территориях,— пришлое. Оно пришло сюда с северо-запада со своей вполне сложившейся культурой, впоследствии осложненной с установлением связей с югом, в частности с приходом сюда северочерноморских гончаров.

Р. Волкайте-Куликаускене

ГЕНЕЗИС ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЛИТВЕ

(по археологическим данным)

Исследование общественных отношений занимает в советской археологии одно из важных мест. Большое внимание изучению социальных проблем уделяют археологи Советской Прибалтики (Х. Моора и др.). На помощь археологам приходят историки. В. Т. Пашуто на основе анализа письменных и археологических источников проследил путь развития феодальных отношений в Литве. Некоторые данные по этому вопросу находим и в работах Ю. Юргиниса. С каждым годом накапливается новый археологический материал, в результате чего меняются и уточняются старые положения.

Развитие общественных отношений является следствием роста производительных сил прежде всего в земледелии. Земледелие в Литве уже с первых веков нашей эры стало основой хозяйства. На территории древних ятвягов найдены узколезвийные втульчатые или обушковые железные топоры, употреблявшиеся для расчистки под пашню лесных пространств, железные серпы и даже железные наральники. Самый ранний наральник II — III вв. н. э. происходит из курганного могильника в Швайцарии (окрестности Сувалкии). Наральник принадлежит к лопаточному типу, широко распространенному во всей Европе. Возможно, рало с железным наральником раньше всего появилось в юго-западных районах Литвы, откуда распространилось на север, в западную Литву. В земледелии преобладали залежная и подсечная системы.

Быстрыми темпами земледелие развивалось во второй половине I тысячелетия н. э. По-видимому, основную роль играли постоянные поля, и постепенно развивалось паровое земледелие. На подъем земледелия указывают часто находимые в археологических памятниках серпы. Некоторые из них имеют своеобразную форму (с отогнутой верхушкой), известную только в Литве. Интересно отметить, что в VIII в. постепенно исчезает обычай класть мужчинам в могилу железные топоры, употреблявшиеся главным образом для расчистки леса.

Пахотные поля постепенно переходят в руки отдельных семей; более богатые семьи увеличивают размеры своих участков

за счет общинных земель. Концентрация земли в частных руках сыграла главную роль в укреплении экономической мощи богатых семей, которые, кроме того, употребляли лучшие орудия труда, содержали большее количество скота и т. д. Таким образом, из общины выделялись более богатые землевладельцы, что содействовало возникновению имущественной дифференциации, ведущей к социальному расслоению.

Этот процесс отражают археологические памятники. Все чаще обнаруживаются отдельные погребения с богатым инвентарем. Начиная с IX в. увеличивается число посеребренных украшений, которые были особенно характерны для западных районов Литвы. Одежда и украшения являются одним из важных показателей богатства отдельных лиц. В IX в. мужчины и женщины более богатых семей выделяются своими роскошными костюмами из среды рядовых общинников. Особенно ценные данные по этому вопросу дал исследованный за последние годы грунтовой могильник в Паланге (западная Литва). Некоторые погребения женщин, датируемые концом VIII — началом IX в., отличались богато украшенным головным убором, который застегивался серебряной фибулой или бронзовой булавкой с трехугольной посеребренной головкой. В этих погребениях находят ценные изделия из янтаря. Мужские погребения того же времени содержат оружие. Появляется такое редкое оружие, как меч, который носили в деревянных окованных бронзой ножнах (погребения № 243 и 245). Характерны и более нарядные костюмы, о чем говорят кожаные покрытые серебром или бронзой пояса, серебряные фибулы, янтарные подвески и т. д. Богатый погребальный инвентарь прослеживается и в других могильниках (Лайвяй, район Крегинга, Гинтелишке, район Плунге и др.). Вооружение представителей знати совершенствуется в X в. Распространяются мечи с роскошными, часто посеребренными рукоятками, которые носились в кожаных ножнах, прикрепленных к украшенному серебром или бронзой поясу. Часть оружия является импортной: клинки некоторых мечей и наконечники копий. Наблюдаются отдельные случаи, когда воин хоронился вместе со своим боевым конем (погребение № 2 из могильника Никелай, район Шилуте).

Признаки социальной дифференциации лучше всего прослеживаются при исследовании городищ Апуоле и Импильтис в Западной Литве. От городищ более раннего периода они отличаются более сложными укреплениями в виде валов своеобразной конструкции и большими площадками. У подножия городищ обнаружен культурный слой, что свидетельствует о сосредоточении жителей вокруг этих центров хозяйственной жизни.

Сооружение сложных укреплений требовало большой рабочей силы. Надо полагать, что у населения уже существовали

определенные обязанности по постройке укреплений городищ. В первую очередь городищами пользовались крупные землевладельцы, но во время опасности они служили убежищами и для жителей данной местности.

О социальной дифференциации свидетельствуют и письменные источники. Ценные данные находим у Вульфстана (IX в.). Описывая жизнь пруссов, он сопоставляет представителей знати с небогатым населением. Вульфстан подчеркивает различия в питании, в употреблении напитков, в погребальных обрядах и т. д. Дополнительным источником обогащения отдельных семей были грабительские походы в соседние земли. Вульфстан замечает, что пруссы вели много войн. Это можно полностью отнести и к литовцам, что подтверждают упомянутые выше укрепленные городища и наличие оружия в погребениях. Все это указывает на некоторые признаки военной демократии.

Если до конца I тысячелетия можно говорить лишь о некоторых признаках социальной дифференциации, то в начале II тысячелетия процесс социальной дифференциации в Литве особенно углубляется. В XI — XIII вв. наблюдаются огромные сдвиги в разных областях хозяйственной жизни литовцев. В области земледелия постепенно укрепляется паровая трехпольная система, которая в XIII в. становится основной формой земледелия. Одновременно существует и залежная система. Совершенствуются земледельческие орудия. Железный наральник резко отличается по своей форме от вышеупомянутых наральников первых веков нашей эры. Он треугольной формы с втулкой для прикрепления к деревянному ралу. Рабочая часть наральника шире втулки, как у плужного лемеха. Более совершенные орудия земледелия дали возможность лучше обрабатывать землю, увеличить пахотные поля и тем самым содействовали получению бóльших урожаев. Как показали исследования городищ, на которых найдены обугленные зерна, выращивались все виды злаков, основную часть которых составляли озимые, а также все культуры бобовых. Распространение озимых в начале II тысячелетия в Литве является доказательством укрепления паровой трехпольной системы в земледелии.

Одновременно с развитием земледелия развивалось скотоводство. Исследованный остеологический материал из городищ (Аушктадварис, Неменчине и др.) показал, что стада в основном состояли из крупного рогатого скота и коней. Развитие скотоводства отвечало развитию паровой системы в земледелии. Крупный рогатый скот и кони употреблялись как рабочая сила для обработки земли. Кроме того, при паровой системе возросла потребность в натуральных удобрениях.

В начале II тысячелетия изменился характер охоты. Исследованный остеологический материал из вышеупомянутых городищ показал, что особенно развилась охота на пушных зверей,

мех которых являлся основным объектом торговли. Например, в нижних слоях Неменчинского городища кости бобра составляли 11,3% остеологического материала, а в культурном слое первых веков II тысячелетия — уже 16%. Так же обстоит дело и с охотой на белок: в нижнем слое кости белок совсем не обнаружены, а в верхнем слое они составляли 4% всего остеологического материала. Похожие явления наблюдаются и на других городищах.

В XI — XIII вв. развиваются ремесла, особенно черная металлургия и обработка цветных металлов. Об этом свидетельствуют железное оружие, орудия труда, снаряжение коней и разные бронзовые или серебряные украшения. Другие отрасли ремесел, такие, как ткачество, обработка дерева, отчасти гончарство, не выходили из рамок домашнего производства. Больших успехов литовские мастера достигли в обработке металлов. Особенно высоким качеством отличались изделия кузнецов. Развитие ремесел благоприятствовало росту торговли. Возросли потребности в сырье, особенно в цветных металлах, которых не было в Литве. Если в конце I тысячелетия торговля сосредоточивалась в руках иностранных купцов, то в начале II тысячелетия в нее включаются и местные купцы. Именно в это время в Литве появляются погребения купцов, в которых среди обильного погребального инвентаря встречаются весы и гирьки. По-видимому, торговля в Литве в начале II тысячелетия находилась в руках местной знати, так как закупка сырья (цветных и благородных металлов) или разного рода изделий предполагала наличие определенных средств, которыми в то время могла располагать только имущая знать. Она же являлась главным потребителем привозных изделий. Вся внешняя торговля была сосредоточена в руках знати, являясь крупным дополнительным источником ее обогащения. В связи с ростом торговых операций создается своя весовая система, в основу которой была положена скандинавская марка с ее более мелкими подразделениями. Создается также весовая денежная система в виде серебряных слитков.

Новыми достижениями хозяйственной жизни пользовались прежде всего представители знати. Они были главными потребителями не только предметов импорта, но и высококачественных изделий местного производства.

Особенного внимания заслуживают характерные для литовцев погребения, в которых воин похоронен с одним или даже с несколькими боевыми конями. Коней хоронили в полном снаряжении. Особенно нарядной была узда, вся покрытая серебром. Часто листовым серебром были покрыты стремена, разделители ремней, даже псалии. Украшению последних уделялось большое внимание. Бронзовые или костяные псалии украшались скульптурным изображением коня. Такое снаряжение могли приобрести только самые богатые представители знати — военные вожди,

князья, державшие в своих руках не только военную, но и политическую власть над определенной территорией. Например, в Вершвайском могильнике обнаружено погребение с восемью конями, несомненно принадлежащее какому-то князю. В этом погребении конское снаряжение, которое включало и импортные изделия, отличалось особой роскошью. Из более поздних письменных источников (Герман Вартбергский) узнаем, что литовский князь Альгирдас (Ольгерд) был сожжен с 18 боевыми конями.

Менее богатые погребения с боевыми конями скорее всего принадлежали дружинникам, которые в письменных источниках известны под названием «приятели», «амици», «врунде» и др. Такую дружину составляли военные слуги вождя и молодежь территориальной общины.

Судя по погребальным памятникам, организация дружинников в Литве развилась раньше, чем в других странах Восточной Прибалтики. Ее укреплению способствовали частые походы литовских «нобилей» в соседние земли с целью грабежа. Такие походы связаны с большими изменениями в литовском обществе, в котором выделился слой населения, заинтересованный в присвоении чужих продуктов труда, а позже, с упрочением социального неравенства у себя на родине, и чужой рабочей силы.

Процесс социального расслоения, происходивший внутри самой знати, прослеживается на оружии, находимом в погребениях. Оно различается как качеством, так и количеством. В состав вооружения знатного воина входили меч с богато украшенной серебром рукояткой, боевые топоры, наконечники копий из дамасской стали и другое дорогое оружие. В начале II тысячелетия можно выделить вооружение тяжелого и легкого типов. Первое составляли шлем, панцирь, щит, меч, боевой топор, копье и т. д. Такое вооружение употребляли представители знатной верхушки. Легкое вооружение, состоящее из копья и щита, употребляли рядовые воины.

Важным свидетельством растущей социальной дифференциации в начале II тысячелетия являются клады серебряных изделий. Если в XI—XII вв. они еще редки, то в XIII—XIV вв. число их сильно увеличивается. Значительная часть изделий из кладов, зарытых в XIII—XIV вв., принадлежит более раннему периоду. Например, в очень богатом кладе серебряных изделий из местности Стаклишкее (район Приенай), зарытом в начале XIV в., найдены серебряные слитки, употреблявшиеся в XII в. В Шапчяйском кладе XIV в. (предместье г. Каунас) найден браслет киевского типа конца XII в. и т. д. Таким образом, большая часть изделий в кладах XIII—XIV вв. употреблялась и раньше. Клады серебряных украшений и слитков представляли собой имущество знати, накопленное в течение продолжительного времени и спрятанное во время военной опасности.

Но ярче всего сложный процесс социальной дифференциации вскрывается при исследовании городищ. Они постепенно превращались в ремесленно-торговые центры. Городища Апуоле, Импильтис, Аукштадварис, Неменчине и другие в это время сильно укрепляются. Например, городище Аукштадварис с южной и юго-западной сторон увеличилось почти на $^1/_3$. Валы насыпались не в сторону площадки, а в наружную сторону, чтобы не сокращать застроенную площадь городища, у подножия замков располагались жилища (например, у подножия городища Импильтис культурный слой занимал площадь в 5 га). Кроме земледельцев, здесь жили и ремесленники разных специальностей. Интересно отметить разнообразие предметов конского снаряжения. Украшения узды, стремян, псалий, оковок отличаются друг от друга. Это указывает на то, что они, так же как и оружие, изготовлялись по индивидуальным заказам.

Некоторые из городищ, особенно находившиеся у больших дорог, были центрами торговли. Некоторые исследователи полагают, что таким небольшим центром ремесла и торговли было городище Апуоле, входившее в цепь подобных городищ, тянувшихся вдоль побережья Балтийского моря. Здесь собирались купцы в определенное время, и таким образом создавались временные рынки, охраняемые и контролируемые владельцами замков. Так, в руки феодалов постепенно перешел и контроль над торговлей. Все это укрепляло экономическое положение знати.

Наряду с крупными городищами исследовались городища небольших размеров, которые отличаются от первых менее мощными укреплениями. Характерными примерами таких городищ являются Мажулонис, Дербутай, Бубяй и др. Судя по их укреплениям и инвентарю, они принадлежали крупным землевладельцам, или боярам. О процессе расслоения в среде самой знати свидетельствуют письменные источники. Волынская летопись сохранила очень ценные данные о русско-литовском договоре 1219 г., в котором перечисляется 21 литовский князь. Интересно, что пять из них называются старшими, а другие — младшими.

Таким образом, в XI—XIII вв. в Литве интенсивно происходит процесс феодализации, который завершился позже. Особенно важную роль в развитии общественных отношений сыграло возникновение городов, которое в Литве связано с победой классового общества и оформлением раннефеодального государства.

В Литве начало возникновения городов приходится на XIII—XIV вв. Концентрация ремесленников около городищ еще не означает появление города, тем более, что, являясь несвободными, они работали на владельца городища. Необходимое условие в создании городов — наличие свободных ремесленников, реализующих свои изделия на рынке. Так же обстоит дело и с торговлей. Х. Моора и М. Лиги выделяют три основных этапа в развитии торговли Восточной Прибалтики: 1) межплеменной обмен,

2) торговый обмен между далекими странами и центрами, сконцентрированный в руках знати, 3) появление профессиональных купцов. Последний этап совпадает с возникновением городов. Археологические данные говорят о том, что в Литве, как и во всей Восточной Прибалтике, торговля в XI—XIII в. достигла только второго этапа.

В XI — начале XIII в., несмотря на бурное развитие общественных отношений, были созданы только предпосылки для создания государства, которое образовалось во второй половине XIII в. Археологические памятники дают возможность проследить рост производительных сил, неизбежно ведущих в аграрных странах к развитию феодализма. Они могут послужить основным источником для изучения тех внутренних причин, которые вели к расслоению общества, к созданию классов, а тем самым и к образованию государства. Археологический материал является ярким свидетельством того, что в XI—XIII вв. постепенно выделяется господствующий класс, заинтересованный и в укреплении своих прав. Это неизбежно вело к созданию государственной организации.

Х. П. Строд

К ИТОГАМ КРУПНЕЙШИХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ЛАТВИИ

(тезисы доклада)

1. С 1959 по 1965 г. в зоне затопления Плавинской ГЭС на среднем течении р. Даугавы латышские археологи провели девять крупных многолетних археологических экспедиций, в результате которых впервые в истории Латвии археологически изучен целый микрорайон — семь городищ и феодальных замков, 22 поселения, 12 могильников и одно место, где находился жертвенный дуб — итого более сорока археологических памятников. В результате исследований получено больше 25 тыс. предметов, около 85 тыс. фрагментов керамики и огромный остеологический материал, характеризующие развитие производства, общественных отношений и идеологии на коренной балтийской территории начиная с XVIII в. до н. э. и до XVII в. н. э.

2. Хотя окончательную оценку результатов исследований еще предстоит сделать, можно с уверенностью сказать, что археологический материал поможет раскрыть такие важнейшие проблемы древнейшей истории Латвии, как проблема перехода от скотоводства к земледелию, разложение патриархальных родовых общин и образование территориальных племенных союзов, развитие производства и общественных отношений в период разложения первобытнообщинного строя и становление классовых отношений, проблема генезиса феодализма, взаимоотношение латышской и немецкой культур в средние века и этногенез латышского народа.

3. Изучение древнейшего укрепленного поселения Мукукалнс, датируемого I тысячелетием до н. э., показывает, что в этот период основой общественного производства было скотоводство при сохранении рыболовства и охоты и развитии элементов земледелия, ремесла (обработка импортной бронзы) и обмена. В области общественных отношений в I тысячелетии до н. э. завершается переход к патриархальному родовому строю. Патриархальный род становится организованной единицей с отношениями взаимного подчинения.

Однако в это же время наблюдается выделение отдельных патриархальных семей, что свидетельствует о начале разложения родового строя.

4. Прибалтийско-немецкая, в основном дворянская историография утверждала, что до завоевания Латвии немецкими феодалами в XII—XIII вв. здесь господствовал «деревянный век». Высказывалось мнение, что только немецкие феодалы научили латышей изготовлению железных орудий труда и оружия. Раскопки в поселении Спиетини Екабпилского района показали, что уже во II—IV вв. н. э., т. е. почти за тысячелетие до прихода крестоносцев, здесь из местной болотной руды (линмолита) в железоплавильных горнах надземного шахтного типа добывали и потом обрабатывали черный металл.

Добывание и обработка черного металла в первой половине I тысячелетия н. э. играли важную роль в развитии земледелия, ремесла, общественных отношений и образовании древнелатышских племенных объединений.

5. Изучение Айзкраукльской экспедицией городища Калназиеди, поселения Леясзиеди и одного из крупнейших могильников Леясбитени (III—XI вв.) свидетельствует, что на основе дальнейшего развития земледелия, скотоводства и ремесла (в том числе добычи черного металла) и накопления богатств в руках племенной знати происходит вызревание классового общества (переход от коллективных курганных могильников к индивидуальным захоронениям с трупоположениями, богатые и бедные захоронения, построение городищ). Изучение краниологического материала позволяет выделить жителей верхней Курземе в особое племенное объединение — селов.

6. Изучение древнелатышских городищ Олинькалнс, Селпилс и Кокнесе, поселения на которых относятся к I тысячелетию н. э., свидетельствует, что некоторые из них (например, Кокнесе) в X—XIII вв. стали важными укрепленными хозяйственными, военными и политическими опорными пунктами и центрами древнелатышских феодальных княжеств. Применение горизонтальных ткацких станков, самострелов, большое количество предметов роскоши (шпоры, украшенные серебром, позолоченный бронзовый наконечник ножен меча), печать документа, много импортных предметов с Востока, стеклянные бусы, шиферные пряслица, остатки шелковых тканей свидетельствуют, что Кокнесе до завоевания его крестоносцами в XIII в. было важным феодальным центром с высоким уровнем ремесленного производства и быта.

Кокнесские раскопки свидетельствуют, что по крайней мере в восточной части Латвии экономические и культурные связи со славянскими землями играли важную роль в генезисе феодализма, и опровергают теории Фр. Боиода и А. Швабе о решающем значении норманов в этом процессе.

7. Фрагментарные письменные источники Латвии XIII—XVII вв. хорошо дополняются археологическими материалами из феодальных замков Алтене, Локстене, Селпилс и Кокнесе. В противовес утверждениям прежних исследователей, что эти замки являются наследием чисто немецкой феодальной культуры, раскопки небольших замков, особенно Локстене, показали значительное влияние латышской культуры (деревянная архитектура внутри замковых строений, система отопления).

П. А. Раппопорт

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ДРЕВНЕРУССКОГО ВОЕННОГО ЗОДЧЕСТВА

Строительству оборонительных сооружений в эпоху средневековья всегда уделяли очень много внимания. Это объясняется тем, что военные действия происходили тогда почти непрерывно. Правда, сражения большей частью имели ограниченный масштаб — как правило, в них участвовали небольшие отряды; но зато они могли происходить не только на границах страны, но в любом месте и в любое время. Жизнь мирного населения почти всегда была в опасности. Именно поэтому оборонительные сооружения имели такое большое значение и строились в огромном количестве. Само социальное положение феодала, как представителя господствующего класса, определялось тем, что он владел не только землей, но и укрепленным замком, позволявшим ему подчинить себе окрестное население и не бояться столкновения с войсками соседних феодалов. Замок, одновременно крепость и жилище,— одно из характернейших явлений эпохи средневековья. Но укрепления строили не только отдельные феодалы; мощные крепости сооружала центральная власть раннефеодального государства, крепостные сооружения имели все средневековые города, а в раннее время и многие сельские общины.

Подобная обстановка наблюдается как в западноевропейском, так и в восточном средневековье. В полной мере это относится и к Руси. Недаром даже само слово город в древнерусском языке означало укрепленное поселение в отличие от неукрепленного. При этом под городом понимали всякое укрепленное поселение: как город в социально-экономическом значении этого слова, так и военную крепость, феодальный замок или укрепленную деревню. Все, что было окружено оборонительной стеной, было городом.

Создание простых, экономичных и в то же время надежных оборонительных сооружений было задачей, от успешного разрешения которой зависела не только сохранность имущества, но и сама жизнь. Поэтому уже на довольно ранних этапах у вос-

точных славян сложились свои устойчивые военно-инженерные традиции, несколько различающиеся по племенным группам, но в конечном итоге восходящие к наиболее выгодному использованию в целях обороны характерных для данного района ландшафтных условий.

Позднее, после того как сложилось и упрочилось древнерусское государство, а особенно с наступлением феодальной раздробленности, сходство и различия в устройстве оборонительных сооружений стали определяться уже не столько традициями, сколько политическими факторами. Оборонительное строительство играло слишком важную роль в судьбах страны, чтобы княжеская власть могла выпустить его из своих рук. Строители укреплений — городники были не ремесленниками, а военно-инженерными специалистами, представителями княжеской администрации. Поэтому в развитии военного зодчества существенное значение приобретают политические тенденции, характерные для того княжества, в рамках которого возводили укрепления. Впрочем, определяющим в оборонительном строительстве всегда была функциональная целесообразность: князья могли враждовать друг с другом, но крепости строить одинаково, если этот тип крепостей был для данного времени наиболее современным в военном отношении. Поэтому связь типов оборонительных сооружений с политическими тенденциями все же никогда не была такой тесной, как в культовой архитектуре, где местные архитектурные «школы» не только точно соответствовали политическому делению Руси на отдельные княжества, но в значительной степени отражали даже политические связи между этими княжествами.

Другая замечательная особенность военного зодчества — способность очень чутко реагировать на социальные изменения. Сами типы оборонительных сооружений отвечают не только специфически военным, но и социальным функциям; для феодального замка или средневекового города большей частью выбирали разные приемы укреплений. Но социальные изменения сказывались на военном зодчестве и менее прямым путем,— они влияли на развитие приемов осады и обороны через изменения в социальном составе войска и через общие изменения в стратегии и тактике.

Связь с широким кругом исторических явлений делает военное зодчество одной из важных и совершенно неотъемлемых составных частей средневековой культуры. Многие стороны материальной и духовной культуры, политической жизни и социальных отношений окажутся обедненными, не раскрытыми до конца, если не учитывать развитие оборонительного строительства.

Накопление материала по истории древнерусского военного зодчества и выяснение особенностей его развития в различных

районах и на различных этапах дает возможность с все большей полнотой понять общие закономерности развития военно-инженерного искусства древней Руси. Остановимся прежде всего на периодизации, выявлении основных этапов развития военного зодчества и причин, вызвавших смену одного этапа другим.

Что должно быть положено в основу периодизации? Очевидно, самые основные признаки оборонительных сооружений, т. е. общая структура укреплений, принципиальная схема организации их обороны. Общая тактическая схема организации обороны определяет собой сущность оборонительного сооружения и его место в развитии военно-инженерного искусства. В свою очередь одной из важнейших особенностей организации обороны является система стрельбы. Принцип современной фортификации, гласящий, что наиболее действенными являются те искусственные препятствия, которые поддерживаются стрельбой, по-видимому, ведет свое происхождение с глубочайшей древности. Действительно, все русские оборонительные сооружения с древнейшей поры были рассчитаны на то, чтобы затруднить противнику доступ внутрь укрепления и задержать его в самом невыгодном положении, под обстрелом защитников. Основой обороны всех древнерусских крепостей являлась стрельба со стен и башен, а система этой стрельбы неразрывно связана с системой организации самих оборонительных сооружений, их плановой структуры и конструкциями.

Но как система стрельбы, так и общая схема организации обороны крепостей находились в прямой зависимости от развития военно-тактических принципов осады и обороны. Все стороны этого процесса развития тесно взаимосвязаны: как развитие тактических приемов воздействует на формы оборонительных сооружений, так и наоборот, развитие форм этих сооружений в свою очередь воздействует на изменение тактики. Поэтому разделение оборонительных сооружений на отдельные этапы должно производиться на основании анализа общей схемы организации обороны и выяснения того, каким принципам осады эта схема отвечает. Частные вопросы, связанные с формой, материалом и архитектурным характером крепостных сооружений, не могут лежать в основе общей периодизации, как бы ярки и своеобразны ни были эти особенности.

Изучение истории военного зодчества и взаимосвязей, существующих между изменениями оборонительных сооружений и социальными явлениями, показывает, что подобно всем прочим явлениям общественной жизни военное зодчество своим развитием обязано изменению уровня производительных сил и производственных отношений. Но связь между этими явлениями далеко не всегда непосредственная. Изменение и развитие способа производства вызывает развитие оборонительных сооружений, но вызывает лишь как результат сложной и опосредствованной

связи. Конечно, в ряде случаев развитие техники, т. е. составной части производительных сил, прямо вызывает изменения в устройстве оборонительных сооружений; при этом по мере приближения к концу средневековья роль техники постепенно все более возрастает. Но чаще связь между производительными силами общества и военно-инженерным искусством гораздо менее непосредственная и сказывается через общие социальные и политические изменения, вызывающие изменения в структуре армий и способах ведения войны.

И все же хотя связь между этими явлениями весьма опосредствованная, она существует, и, в конечном счете, развитие военного зодчества не только зависит, но и вызывается изменениями, происходящими в производственных силах и производственных отношениях общества. Поэтому основные этапы в развитии военного зодчества должны в какой-то степени отвечать общеисторическим этапам, т. е. частная периодизация военного зодчества должна зависеть от общей периодизации истории России. При этом естественно, что частная и общая периодизация могут и не иметь полного хронологического совпадения.

Местные инженерные традиции, а также различия в военно-политической обстановке, по-разному складывающейся в отдельных русских землях, приводили к появлению самостоятельных «школ» военного зодчества, существенно отличавшихся одна от другой. Следует учитывать также, что структура оборонительных сооружений слагалась под непосредственным воздействием тактики осады, господствовавшей в данное время не только на Руси, но и у соседних народов, поскольку именно от нападений этих соседей в большинстве случаев и должны были служить защитой русские крепости. Сочетание всех этих явлений вело к тому, что картина развития древнерусского военного зодчества была многообразной, сложной, а порою даже противоречивой. И все же, если отвлечься от всех второстепенных различий и выделить лишь наиболее важные закономерности развития, вырисовывается общая система периодизации военного зодчества древней Руси.

Наиболее ранним этапом в развитии русского военного зодчества является период до сложения раннефеодального государства, т. е. VIII—IX вв. Этот период представлен памятниками военного зодчества не на всей территории древней Руси. В юго-восточной части, на территории Днепровского Левобережья, имеется очень большое количество остатков оборонительных сооружений этого времени — городища роменско-боршевской культуры. В более западных районах такие городища почти не встречаются, и ко времени до середины X в. здесь относится лишь некоторое количество городищ в районах, граничащих со степью (в основном на территории современной Молдавии), да немногие городища Полесья.

Роменско-боршевские городища представляют собой остатки чрезвычайно примитивных по организации укреплений, в которых роль искусственных оборонительных сооружений (в основном рвы и частоколы) очень мала и все внимание обращено на использование естественных защитных свойств рельефа местности. Такие укрепления служили лишь для того, чтобы дать населению спрятаться на короткое время вражеского вторжения. При этом подразумевалось, что враги — степные кочевники — совершенно не умеют проводить организованные осады и могут захватывать укрепления лишь внезапным наездом. В таких условиях достаточно было иметь хотя бы самые примитивные оборонительные сооружения, приспособленные к пассивной обороне.

В западных районах, судя по немногим известным памятникам, укрепления в это время строили несколько иначе. Здесь встречаются городища, расположенные на плоской местности и имеющие в плане правильную круглую форму. Однако и здесь стараются использовать естественные защитные свойства местности (в Полесье — болота), а искусственные оборонительные сооружения имеют небольшую мощность. Тактический принцип обороны здесь полностью совпадает с укреплениями Днепровского Левобережья: оборонительные сооружения этого времени — средства, дающие возможность пассивно отсидеться в период кратковременного вражеского набега.

Укрепления такого примитивного типа даже в это время далеко не всегда обеспечивали безопасность населения, особенно в тех случаях, когда кочевники нападали значительной массой. Свидетельствами этого являются те многочисленные укрепленные поселения Днепровского Левобережья, которые были сожжены печенегами в конце IX — первой половине X в.

Переход к качественно иному этапу военного зодчества произошел во второй половине или даже в конце X в. В это время в связи с окончательным сложением раннефеодального государства появились гораздо более организованные и хорошо вооруженные воинские силы, а вместе с тем и большие возможности в организации обороны укреплений. Примерно в это же время окончательно сложилась и более организованная тактика осады — пассивная, но систематическая и длительная блокада — «облежание». Для противодействия этой системы осады начали сооружать значительно более совершенные крепости, обладающие мощными искусственными оборонительными сооружениями и дающие возможность вести стрельбу по противнику со всего периметра укрепления. Экономические возможности для строительства таких крепостей появились лишь вместе со сложением классового, феодального общества: для строительства княжеской крепости, укреплений средневекового города или даже боярской укрепленной усадьбы, конечно, нужно было мобилизо-

вать значительно больше рабочей силы и средств, чем для строительства общинных укреплений.

На новом этапе развития военного зодчества крепостные сооружения, так же как и раньше, имеют не совсем одинаковый характер в различных районах древней Руси. В Среднем Поднепровье, а также в северо-восточной и северо-западной Руси это исключительно укрепления мысового и островного типов, т. е. полностью подчиненные естественным защитным свойствам рельефа местности. Однако в крепостях конца X—XI вв., в отличие от более ранних, очень большое значение приобрели искусственные оборонительные сооружения — мощные валы и срубные деревянные стены. Роль защитных свойств рельефа местности продолжала оставаться еще достаточно значительной, но первенствующая роль постепенно перешла к искусственным частям оборонительной системы. В западнорусских землях картина была несколько иной. Здесь параллельно с укреплениями, использующими рельеф местности и имеющими в плане неправильную форму, соответствующую конфигурации этого рельефа, уже в X—XI вв. получили широкое распространение различные варианты округлых в плане укреплений. Это явление легко объясняется тесными связями, которые существовали между западными районами Руси и западнославянскими землями, где круглый тип имел давние традиции. В тактическом отношении круглые крепости Западной Руси отвечали тем же военным приемам, что и крепости, расположенные на мысах или на отдельных всхолмлениях. Действительно, поскольку основным приемом штурма в это время была длительная осада — «облежание», схема обороны должна была строиться на стрельбе со всего периметра крепостных стен, направленной прямо вперед в сторону противника, т. е. фронтальной стрельбе. Такая стрельба не позволяла осаждающим приблизиться к укреплениям и являлась основной причиной, препятствовавшей им ворваться в крепость и взять ее штурмом. Но для ведения такой стрельбы округлые в плане крепости были приспособлены в еще большей степени, чем крепости, связанные с холмистым рельефом.

Такая система организации обороны, сложившись во второй половине или конце X в., продолжала господствовать в русском военно-инженерном искусстве в течение XI—XII вв. Конечно, за это время тактические приемы совершенствовались, но основные принципы не претерпели существенных изменений. В развитии оборонительных сооружений этого периода наиболее явны две тенденции: строительство более мощных крепостей и широкое распространение по всей территории Руси крепостей, имеющих округлую в плане форму. Оба эти явления безусловно связаны с развитием военного зодчества, отвечающим тем же сложившимся уже в X в. принципам осады и обороны. Мощные крепости с глубокими рвами, огромными валами и массивными сруб-

ными стенами на этих валах отвечали возросшим требованиям, предъявлявшимся к оборонительным сооружениям. Вместе с тем схема обороны этих крепостей оставалась в основном такой же, как и в крепостях конца X в.; оборона строилась на организации кругового фронтального обстрела со всего периметра укреплений.

Среди всех типов оборонительных сооружений, существовавших на Руси во второй половине X и в XI в., наиболее полно отвечавшим тактическим требованиям этой поры оказался тип округлых крепостей, имевший распространение в западнорусских землях. Расположение на плоской, часто низменной местности гарантировало эти крепости от скрытого подхода врагов и внезапного захвата, а также обеспечивало водоснабжение укрепленного поселения в случае длительной осады. Особенно привился такой тип крепостных сооружений при строительстве боярских и княжеских усадеб, т. е. феодальных замков. Это обстоятельство способствовало массовому распространению круглых крепостей в XII в. по всей территории Русской земли.

Существенные изменения в тактике осады становятся ощутимы на Руси уже к концу XII в. и особенно заметно сказываются в первой половине XIII в. Вместо пассивного «облежания» все большее распространение получает штурм — «взятие копьем». Тактика штурма, поддерживаемого действием камнеметных машин, слагается на Руси в XIII в.; с такой же тактикой русские сталкиваются в сражениях с поляками, венграми, немецкими рыцарями. В разработанном виде ту же тактику принесли и вторгшиеся на Русь татаро-монгольские войска. К середине XIII в. штурм становится полностью господствующим приемом захвата укреплений. Для противодействия этому тактическому приему вырабатываются новые формы организации обороны и, соответственно этому, новые формы оборонительных сооружений.

К сожалению, сведения о развитии крепостей, которыми мы располагаем для второй половины XIII в., чрезвычайно фрагментарны. На территории Среднего Поднепровья после монгольского вторжения строительство оборонительных сооружений вообще надолго прекратилось. Неизвестны крепости этого времени и в северных районах Руси, хотя здесь строительство или хотя бы восстановление разрушенных укреплений в ограниченных масштабах все же велось. Таким образом, развитие форм военного зодчества данного периода можно проследить пока лишь в западнорусских землях, особенно в западных районах Волыни. Здесь во второй половине XIII в. слагается совершенно новая тактическая схема организации обороны, появляются «однобашенные крепости», т. е. крепости, основным узлом обороны которых была мощная башня — донжон, большей частью расположенная не в линии крепостных стен, а внутри укрепле-

ной территории. Этот тип крепостей вполне отвечал тем требованиям, которые предъявлялись к оборонительным сооружениям в связи с появлением новых приемов осады, однако сложился он на Волыни в специфических формах, связанных с влиянием военного зодчества западных соседей Руси.

Вместе с тем уже в XIII в. появляется, а в первой половине XIV в. начинает приобретать все большее значение другая тенденция — к максимальному использованию защитных свойств рельефа местности и усилению напольной стороны крепостей. Штурм таких крепостей, поддерживаемый действием камнеметных машин, был возможен лишь на очень ограниченном участке периметра,— там, где не было достаточно мощных естественных защитных рубежей. Именно здесь, на этом участке, концентрировали основные защитные устройства и строили усиленные части оборонительной системы. Пути развития подобного типа укреплений еще не во всем ясны, но безусловно, что к середине XIV в. эта оборонительная схема уже полностью сложилась как в юго-западных, так и в северо-восточных районах Руси. Сложился тип «односторонних крепостей» с башнями на напольной стороне и, по древнерусской терминологии, «с приступа». Такая система обороны обеспечивала возможность фланкирующего обстрела стен на наиболее опасном в отношении штурма участке.

Что следует считать началом нового этапа в развитии древнерусского военного зодчества — появление «однобашенных крепостей» во второй половине XIII в. или же только сложение к середине XIV в. крепостей «одностороннего» типа? Очевидно, началом нового этапа является вторая половина XIII в. «Однобашенные крепости» принципиально отличаются по схеме организации обороны от всех существовавших до этого типов укреплений. Они отвечают совершенно иным, новым тактическим приемам — интенсивной стрелковой обороне, предназначенной противодействовать штурму. Но если это так и если «однобашенные крепости» действительно следует считать новым этапом в развитии древнерусского военного зодчества, то представляют ли они собой целый самостоятельный этап? На этот вопрос, по-видимому, следует ответить отрицательно. Даже если в дальнейшем будет доказано, что «однобашенные крепости» строились не только в юго-западной Руси и что они, таким образом, представляют собой общерусское явление, их вряд ли можно считать самостоятельным этапом в развитии древнерусского военного зодчества. Эти крепости были предназначены для обороны в условиях господствующей тактики штурма, поддерживаемого камнеметами, т. е. в таких же тактических условиях, как и крепости «одностороннего» типа второй половины XIV в. Конечно, разница в обороне этих типов крепостей довольно существенная: в одних штурму противодействуют стрельбой с высокой

башни, занимающей господствующее положение в системе обороны укрепления, в других напольная сторона защищена фланкирующим обстрелом. Но сложились эти схемы обороны для отражения одинаковых приемов осады. И если с точки зрения организации самих оборонительных сооружений это разные этапы развития, то с точки зрения общей истории военно-инженерного искусства оба типа крепостей отвечают одному этапу, вернее являются двумя последовательными ступенями одного этапа.

Итак, есть все основания считать, что этап развития древнерусского военного зодчества, начавшийся во второй половине XIII в., имел две фазы: первую, когда господствующим типом были «однобашенные крепости», но явно чувствовалось уже стремление к усилению напольной стороны, и вторую, когда окончательно сложилась «односторонняя» система обороны крепостей, обеспечивавшая фланкирующий обстрел вдоль этой напольной стороны. Начало нового этапа в развитии военного зодчества (вторая половина XIII в.) хронологически не совпадает с началом феодальной раздробленности на Руси, хотя эти явления безусловно друг с другом связаны. Появление в XII в. сильных и самостоятельных феодальных княжеств, часто воевавших одно с другим и обладавших хорошо организованными армиями, создало обстановку, в которой могла сложиться организованная тактика штурма, проводимого при поддержке камнеметных орудий. Сама эта тактика сложилась уже в первой половине XIII в., но в военном зодчестве она получила отражение только во второй половине этого века.

Появление на Руси в 80-х годах XIV в. огнестрельной артиллерии на первых порах не изменило ни тактики осады, ни структуры крепостей. Правда, наряду с камнеметами при осаде и обороне теперь одновременно стали применять и пушки, но по дальности действия и эффективности эти ранние пушки еще мало превосходили камнеметы. Поэтому тактика штурма, характерная для XIV в., не только не изменилась, но, наоборот, именно в первой половине XV в. получила наибольшее развитие. Точно так же наибольшего совершенства достигли в это время и крепости «одностороннего» типа. При этом в конструкции башен, толщине стен, а особенно в устройстве бойниц под влиянием огнестрельного оружия происходили существенные изменения.

Дальнейшее развитие артиллерии и особенно увеличение ее дальнебойности привели к сложению новой тактики штурма. В новых условиях пушки, поддерживавшие штурм, располагались на значительно большем расстоянии от стен крепости, чем камнеметы, и обеспечивали обстрел не с одной напольной стороны, а большей частью со всех сторон. Кроме того, обстрел преследовал теперь и иную цель — не только сбить защитные брустверы, но пробить брешь в самих крепостных стенах и этим открыть

путь штурмующей колонне. Естественным ответом этой новой тактике было сложение во второй половине XV в. нового типа крепостей — с башнями, равномерно расположенными вдоль всего периметра, что давало возможность защищать все стены крепости фланкирующим огнем. Наиболее совершенным выражением этой структуры были «регулярные» крепости, имеющие в плане форму правильного четырехугольника, реже треугольника или многоугольника.

Однако массовое производство пушек и широкое внедрение огнестрельной артиллерии в армии как для осады, так и для обороны крепостей оказалось возможным на Руси лишь со сложением централизованного государства. Таким образом, новый этап военного зодчества, начавшийся во второй половине XV в., отвечает уже эпохе Русского централизованного государства.

Совершенно естественно, что периодизация военного зодчества древней Руси, основанная исключительно на русском материале, может не совпадать с периодизациями, построенными на материале других, даже соседних стран. Лишь тогда, когда будут выявлены основные закономерности развития военного зодчества целого ряда стран и созданы их периодизации, можно будет попытаться вскрыть более общие закономерности, характерные для развития военного зодчества целых районов средневековой Европы.

М. Г. Рабинович

СРЕДНЕВЕКОВАЯ МОСКВА (XI—XIV вв.)

Археологические материалы очень важны для изучения различных периодов истории Москвы, включая XVII—XVIII вв. Однако роль их особенно велика для раннего этапа истории города, чрезвычайно скудно освещенного письменными источниками. И хотя именно в это время Москва не была еще не только первым из русских городов, но даже просто крупным городом, изучение маленького городка, называвшегося Москов «по имени реки, текущия под ним», рядового местного центра, каких много было в тогдашней Руси, представляет значительный интерес. Возможно, оно поможет выяснить и причины, превратившие маленький Москов в русскую столицу Москву. Систематическое археологическое исследование Москвы началось сорок лет назад с планомерных наблюдений за строительными работами, организованных П. Н. Миллером. В дальнейшем московские археологи сочетали стационарные раскопки наиболее интересных в археологическом отношении мест города с широкими археологическими наблюдениями по всей его огромной территории. За послевоенное двадцатилетие раскопками исследованы (разумеется, частично) современный Кремль, Китайгород (древний Великий или Большой посад) и Заяузье — район, занятый в древности Гончарной и Котельной слободами. Археологические наблюдения были сосредоточены, кроме этих районов, в Занеглименье, на территории древнего Белого города, а также в кольце Садовых улиц (граница Москвы XVII в.) и за его пределами в местах подмосковных слобод и сел. Кроме того, систематически раскапывались подмосковные курганы — древние сельские кладбища. За последние 15 лет археологические исследования стали также непременной частью архитектурно-реставрационных работ, получивших в Москве широкий размах. Все эти работы ведутся Институтом археологии Академии наук СССР, Музеем истории и реконструкции г. Москвы, Государственным историческим музеем, Центральными и московскими научно-реставрационными мастерскими. Если еще в первые послевоенные годы Москва была одним из наименее исследованных

в археологическом отношении городов Советского Союза, то теперь уже этого сказать нельзя. Археологические наблюдения неизменно предшествовали стационарным, а последние в свою очередь указывали необходимое направление дальнейших работ. Так, после раскопок в Кремле нам случилось отметить, что для дальнейшего изучения древнейших горизонтов культурного слоя Москвы нужно в первую очередь исследовать оконечность Кремлевского мыса, район Соборной и Ивановской площадей Кремля, а также кремлевский Подол, низкий берег реки Москвы у подошвы Кремлевского холма. Археологические наблюдения, проведенные при реставрации архитектурных памятников Кремля в районе Соборной площади и Боровицких ворот в 1964—1965 гг., не только подтвердили выводы, сделанные при раскопках, но дали много нового материала для истории средневековой Москвы. Так, если при раскопках уже было отмечено, что древнейшие находки стеклянных браслетов на территории южной части современного Дворца Съездов относятся к слоям, лежащим на 15—25 см выше материка, а нижний, предматериковый горизонт культурного слоя в этом месте древнее браслетов и относится к концу XI — началу XII в., грубо говоря — ко времени Владимира Мономаха, то в районе Соборной площади мощность этого древнейшего горизонта оказалась примерно такой же, а на юго-западной оконечности Кремлевского мыса, позади современного здания Оружейной палаты, она достигала 90 см. В этом-то древнейшем пока горизонте московского культурного слоя была найдена Н. С. Шеляпиной и очень редкая свинцовая булла с печатью киевской митрополии конца XI — начала XII в., всего вернее 1091—1096 гг. В те годы в Киеве княжил князь Святополк Михаил Изяславич, тезоименитый архангелу Михаилу, изображение которого в соответствии с тогдашними обычаями помещено на одной стороне буллы, на другой же ее стороне изображена богоматерь.

Значение этой находки трудно переоценить. Ведь если даже предположить, что в те глухие годы грамота, к которой была привешена печать, шла из Киева в Москву несколько лет и попала сюда в последние годы XI или в первые годы XII в., весьма важен сам факт сношений Москвы с Киевом в тот отдаленный период, и в особенности то, что в Москве оказалась печать духовного иерарха — митрополита (всего вероятнее, местоблюстителя, так как киевская митрополичья кафедра в те годы не была замещена). Ведь наиболее вероятный адресат такой митрополичьей грамоты — какой-то местный опорный пункт православия в земле вятичей, во всяком случае — церковь. В свете этой находки становится очень вероятным давнее предположение И. Е. Забелина, что в центре древнего городка Москвы, примерно перед современным зданием Оружейной палаты, стояла первая московская церковь Иоанна Предтечи, построенная, как

считал И. Е. Забелин, на месте древнего языческого жертвенника. Печать найдена на расстоянии около 80 м от этого места. А. В. Арциховский предполагал, что распространение в земле вятичей общерусского обряда погребения под курганом тела, а не праха, вытеснение кремации ингумацией было результатом сильного влияния на это племя культуры феодальной Руси, официальной идеологией которой было христианство. Нужно думать, что это влияние распространялось через города и что Москов был одним из таких пунктов. Однако не только феодальная идеология связывала Москов с Киевом. Характерно, что древнейшие привозные вещи, найденные в Москве, либо происходят из Киевской земли, либо привезены из дальних стран, по всей вероятности — через Киев. В слоях XI—XII вв. встречаются волынские шиферные пряслица, фрагменты поливных сосудов киевского типа, позднее — стеклянные браслеты производства киевских мастерских, стеклянные бокалы, обломки амфор. Видно, не только с мечом ходил в землю вятичей Владимир Мономах. Наверное, были к тому времени достаточно крепки и экономические связи Москова с Киевской землей.

Итак, древнейшие археологические сведения о Москве говорят нам, что в конце XI — начале XII в. Москов был вятичским городком, имевшим довольно примитивные укрепления в виде рва и земляного вала с частоколом, небольшой ремесленно-торговый посад, церковь. К нему тяготели ближайшие сельские округа, и сам город был экономически и идеологически, а возможно, и политически связан с Киевом. Кто владел в те времена городком — известный по позднейшим сказаниям о начале Москвы боярин Стефан Кучка или кто-либо из других представителей вятичской феодальной верхушки — не так уж важно. Более важным представляется то, что захват городка князем Юрием Долгоруким, имевший место, по-видимому, несколько раньше 1147 г., был для князя шагом на пути к Киевскому великокняжескому столу. Для Москвы же он оказался началом нового этапа ее существования в составе Суздальского, а потом — Владимиро-Суздальского княжества.

Вскоре после этого — в 1156 г. или несколько позднее — в Москве были построены новые укрепления. Строителем их исследователи не без основания называют Андрея Боголюбского. Археологически изучена лишь часть этой оборонительной линии, выходившая на берег р. Неглинной. По ней можно заключить, что это были укрепления оригинальной конструкции. Подошву мощного земляного вала удерживали деревянные лаги и крюки; наверху него, вероятно, были заборолы. Новая крепость охватывала значительно большую территорию, чем первый кремль. По берегу Неглинной стена шла до теперешних Троицких ворот, откуда поворачивала на восток, огибая, по-видимому, район современной Соборной площади, и достигала берега р. Москвы.

Таким образом, укрепленный центр города вырос в несколько раз. Сильно увеличился и его посад, занявший уже весь низменный берег р. Москвы, а на Кремлевском холме простиравшийся несколько севернее ворот современного здания Арсенала. Где-то в этом районе был московский торг с обычной для древнерусских городских торговых площадей церковью Пятницы, а там, где теперь заканчивается строительство гостиницы «Россия», была пристань и возле нее также традиционная церковь Николы Мокрого. В новом кремле, на месте, где сейчас стоит Успенский собор, по-видимому, уже тогда была еще одна церковь. Иначе трудно объяснить открытое при наблюдениях Н. С. Шеляпиной и М. Х. Алешковского под фундаментами Успенского собора христианское кладбище, в погребениях которого найдены вятические перстни.

Во второй половине XII и начале XIII в. продолжалось развитие городских ремесел и торговли. В Москве развивались те ремесла, что были характерны для большинства мелких городков, основу экономики которых составляло производство для обмена прежде всего с ближайшей округой. Здесь открыты остатки крупного железоделательного производства, кузнечного и литейного, кожевенно-сапожного ремесла. Наверное, именно московские мастера снабжали окрестных крестьян и железными сельскохозяйственными орудиями, и инструментами, и серебряными литыми украшениями (в частности, височными кольцами с орнаментом на лопастях), и многим другим, получая в обмен необходимые продукты и сырье. Продолжали развиваться и дальше торговые связи. В Москву, всего вероятнее через многих посредников, попадали и византийские, и немецкие, и северокавказские вещи. Несколько большее значение приобрел, как видно, Волжский торговый путь. Через Москву в окрестные села попадали и стеклянные браслеты, и византийские шелковые и парчевые материи, встречающиеся в подмосковных курганах. Городок богател и был уже завидным для удельных князей. Недаром летописи сохранили известия о захвате Москвы Михаилом Хоробритом, о даче ее в удел Владимиру Всеволодовичу: Москва не была еще в те времена традиционным уделом со своей княжеской династией. Владимирские князья давали ее в удел своим младшим сыновьям лишь от случая к случаю. Все же это не был уже безвестный затерянный в лесах городок.

Татарское нашествие не миновало Москвы. Она была разорена дотла в январе 1238 г. «Взяша татрове Москву — говорит летопись — и воеводу убиша Филиппа Нянка за православную веру, а князя Володимера яша руками, сына Юрьева и люди избиша от старьца до сущего младенца, а град и церкви святыя огневи предаша, а монастыри вси и села пожгоша и, много именья вземше, отъидоша». Это немногословное известие рисует нам Москву того времени как богатый город, окруженный

селами. В городе «сидел» малолетний сын владимирского великого князя Владимир Юрьевич, к которому по обычаям того времени был приставлен воевода — «кормилец» из крупных феодалов — вассалов князя.

В культурном слое Москвы сохранился след татарского разорения — прослойка пожара встречена и на кремлевском холме и на низменном москворецком «Подоле». Однако отсутствие выше какой-либо стерильной прослойки показывает, что город не запустел, а вскоре отстроился на прежнем месте. Нужно думать, что крепость поставили на старых Андреевских валах. Вновь выросли и мастерские ремесленников, причем в характере ремесел не произошло больших изменений. Направление же торговли несколько изменилось. На это указывают прежде всего находки среднеазиатской керамики, которую Москва могла получать по Волжскому пути. Впрочем, связи Московского края со Средней Азией и Закавказьем в ту пору имели уже по крайней мере трехсотлетнюю давность. Ведь на территории Москвы, в непосредственной близости от Кремля, найден еще в прошлом столетии клад диргемов, в котором определены монеты 862 г. из Мерва и 866 г. из Арменга. В XIII—XIV вв. дело было даже не столько в оживлении восточной торговли, сколько в почти полном прекращении торговых связей с юго-западными странами.

Общеизвестно, что в этот период в Москву и Московский край охотно переселялись жители областей, находившихся под угрозой повторяющихся татарских набегов, что не могло не способствовать экономическому развитию Москвы. Тогда же в Москве появляется постоянная княжеская династия, которая едва ли не с первых шагов вступает в борьбу за великокняжеский Владимирский престол. Видимо, основой для этого была экономическая мощь молодого княжества и прежде всего — развитие самого города Москвы с его древним ремесленно-торговым посадом, имевшим традиционные тесные связи с округой. Нужно думать, что экономический и политический факторы успешно дополняли друг друга, и политические успехи князей в свою очередь способствовали росту и развитию города.

Одним из первых признаков нового большого подъема московских ремесел было широкое распространение гончарства с применением специальных обжигательных печей — горнов. Посуда, обожженная в горнах, составляла в XIV в. 75% всей московской керамики. Дальнейшие же сдвиги в развитии ремесел, связанные с углублением разделения труда и ростом значения Москвы как столичного города, относятся уже к концу XIV — началу XV в.

Рост населения, развитие ремесел и торговли и то новое значение столицы великого княжества, которое Москва обрела во второй четверти XIV в., отразились и на территории и на всем

облике города. Если в первые полвека после татарского разгрома Москва, по всей вероятности, еще не вышла за свои прежние границы, то в XIV в. Большой посад занял уже всю территорию позднейшего Китайгорода. Город перешагнул уже за Неглинную, за Яузу и даже за Москву-реку. Бурно рос и его феодальный центр. Менее чем за 40 лет Кремль дважды расширялся и переустраивался. В 1367 г. его опоясала белокаменная стена, из-за которой виднелись златоверхий княжеский терем и несколько белокаменных соборов. А к концу столетия велись уже работы по сооружению второй линии укреплений — вокруг Большого посада. Так Москва стала первым из городов средневековой Руси.

Она возглавила борьбу русского народа против татарского ига. В 1380 г. из трех выходивших на восток ворот белокаменного московского Кремля тремя колоннами вышла рать, которая, соединившись у Коломны с войсками других русских областей, разбила татар в знаменитой Куликовой битве.

Г. В. Штыхов

ДРЕВНЕЙШИЕ ГОРОДА ПОЛОЦКОЙ ЗЕМЛИ

1. Большой интерес для истории древнейших городов Белоруссии представляют результаты археологических исследований в Полоцке, Витебске и Минске — наиболее значительных центрах Полоцкого княжества.

2. Полоцк упоминается в «Повести временных лет» под 862 г. в связи с раздачей полулегендарным Рюриком «градов» своим вассалам. В источнике сказано, что первым населением в Полоцке были кривичи. Имеются основания полагать, что Полоцк как город сложился на основе племенного центра полоцких кривичей VIII—IX вв. в процессе обрастания его в X—XI вв. новыми поселениями. В истории города имело место передвижение первоначального укрепленного центра с городища (площадь более 0,5 га) на другой участок, находящийся при впадении Полоты в Западную Двину (Верхний замок площадью до 7 га), что произошло не ранее рубежа X—XI вв. Территория города составилась постепенно из нескольких поселений. В конечном итоге, помимо старого и нового укрепленных центров, образовались городские районы («концы»), разделенные руслами рек, оврагами и незастроенными пространствами, вероятно используемыми под огороды.

Основные раскопки в Полоцке проводились на Верхнем замке, где мощность культурного слоя достигает 5,5 м. Вскрыты остатки дворов ремесленников. Обнаружено более 70 оснований деревянных построек — жилищ, хлевов, мастерских, остатки дренажной канавы, несколько плохо сохранившихся настилов мостовой. Зафиксировано 14 строительных горизонтов. Хорошая сохранность дерева позволила установить дендрохронологическую шкалу протяжением до 200 лет (Б. А. Колчин). Найдено большое количество ремесленных изделий и предметов быта.

Полоцк богат древними монументальными памятниками каменного зодчества. Большую научную ценность имеют связанные с ним памятники сфрагистики.

3. Витебск расположен на Западной Двине при впадении в нее Витьбы. В поздней местной летописи есть предание о его основании в 974 г. В других летописях он упомянут в 1021 г.

Древнейшие части города (Верхний и Нижний замки) четко определяются по чертежам города XVII—XVIII вв. Верхний замок (3 га) разделялся прудом на восточную и западную части. К нему прилегал Нижний замок (около 8 га), окруженный рукавом Витьбы — «ручьем». Территория Нижнего замка сложилась из восточного и западного холмов. На вершине последнего располагалась Благовещенская церковь XII в.; у этой церкви автором производились раскопки в 1963—1964 гг. Обнаружены четко выраженные напластования X в., насыщенные обломками гончарных и вылепленных от руки славянских сосудов, но есть и более древний пласт, датируемый примерно VIII—IX вв. Витебск наряду с Полоцком стоит у истоков освоения славянами Белорусского Подвинья. В Витебске при строительных работах обнаружена первая в Белоруссии берестяная грамота.

4. Минск впервые упомянут в летописи под 1067 г. Важнейшим археологическим памятником Минска является Замчище на правом берегу Свислочи, на территории современного города. Минск представлял собой значительную крепость Полоцкой земли на ее юго-западных рубежах. Минское Замчище размещалось на небольшом возвышении в заболоченной пойме. В истории градостроения древнерусского времени на территории Белоруссии Минск является редким исключением. Укрепленные центры большинства городов обычно располагались на высоких холмах. Замчище было окружено мощным валом. В его самых древних напластованиях открыто основание каменного храма XII в. Основу планировки крепости составляли улицы шириной в 3—4 м. Для Минска характерна устойчивая городская планировка. Вскрыты остатки 130 деревянных построек. Размеры двора горожанина не превышали 220—250 кв. м. Обычно здесь были одна или две избы и четыре-пять хозяйственных построек. Двор огораживался частоколом и вымащивался настилом. Как и в Полоцке, в Минске найдено большое количество изделий из железа, цветных металлов, кожи, дерева, кости, стекла, камня и пр.

5. При раскопках древнейших городов Белоруссии обнаружены многочисленные доказательства развития разнообразных видов ремесел: железообрабатывающего, ювелирного, кожевенного, сапожного, костерезного, гончарного, бондарного и др. Открыты остатки ремесленных мастерских, встречены полуфабрикаты и отходы ремесла. Найдены предметы, свидетельствующие о торговых связях этих городов с другими землями и странами. Горожане также были постоянно связаны с сельским хозяйством, однако экономическую жизнь города определяли ремесло и торговля.

Значительную часть населения города составляли ремесленники. Они проживали не только на посаде, но и в укрепленной части города. Основным типом рядового жилища в городах По-

лоцкой земли была бревенчатая изба, в плане близкая к квадрату со сторонами от 3 до 5 м. Можно говорить о некоторых местных особенностях материальной культуры городов Белоруссии, но в целом она имеет ярко выраженный древнерусский облик.

В хозяйственной и культурной жизни древнерусских городов на территории Белоруссии много общих черт с жизнью других городов Киевской Руси. Тип жилищ и печей, покрой обуви, бытовые вещи, типы ремесленных изделий и техника их изготовления — все подтверждает вывод об однородности древнерусской культуры. Особенно близка материальная культура Полоцка, Витебска, Минска к культуре Новгорода, Пскова, Смоленска и других городов лесной полосы Восточной Европы. Некоторые местные отличия и особенности прослеживаются в керамическом материале, в монументальной архитектуре, в языке документов, в политическом строе.

С. П. Бурлацкая, Т. Б. Нечаева, Г. П. Петрова

АРХЕОМАГНИТНОЕ ДАТИРОВАНИЕ КЕРАМИЧЕСКИХ ИЗДЕЛИЙ

Введение

Современная физика дает гуманитарным наукам свои методы исследования, значительно расширяющие возможности этих наук. Пожалуй, в первую очередь это относится к археологии. Аэроразведка, поиски погребенных объектов методом электрозондирования и магнитной съемки, определение центров изготовления металлических, керамических и других изделий методами спектрального, структурного и термодифференциального анализов, установление возраста радиокарбонным и термолюминисцентным методами — вот далеко не полный перечень физических методов, нашедших применение в археологии. Естественно, что ни один метод сам по себе не является универсальным, поэтому наибольшего эффекта при решении той или иной проблемы можно достигнуть при комплексном применении различных методов.

Физические принципы археомагнитного датирования

Одним из физических методов, поставленных на службу археологии, является археомагнитный метод датирования изделий из обожженной глины. Изложению физических основ и разработке метода были посвящены труды многих авторов. Поэтому позволим себе лишь вкратце напомнить сущность метода.

Известно, что всякая глина содержит в своем составе зерна магнетита и других ферромагнитных соединений железа.

Остывая после обжига в магнитном поле Земли, эти ферромагнитные зерна приобретают остаточную намагниченность, которая по величине и направлению соответствует земному полю: поле как бы оставляет в глине свой «отпечаток». Такая намагниченность обладает высокой стабильностью, т. е. способностью в течение длительного времени оставаться неизменной. Таким образом, хотя магнитное поле Земли изменяется от века к веку, его магнитный «отпечаток» в глине сохраняет до нашего времени сведения о его величине и направлении в момент обжига глины; для кирпичей, черепиц и посуды это будет соответствовать

времени их изготовления или времени последнего пожара, охватившего постройку, в которой они находились, для печей — времени их последнего использования. Следовательно, измеряя остаточную намагниченность древних объектов из обожженной глины, можно определить геомагнитное поле времени обжига образца.

Геомагнитное поле характеризуется напряженностью (абсолютной величиной), обозначаемой H, и углами, определяющими его направление: наклонением I, т. е. углом наклона полного вектора геомагнитного поля к горизонтальной плоскости, и склонением D, т. е. углом между магнитным и географическим меридианами.

Располагая коллекцией образцов керамики разного возраста и измеряя компоненты остаточной намагниченности каждого из них, можно построить кривые, показывающие изменения направления и величины геомагнитного поля во времени. Такие кривые носят название кривых векового хода магнитного поля Земли. Именно эти кривые, если они построены по надежно датированным археологическим образцам, и являются основой для датирования объектов неизвестного возраста. В самом деле, по остаточной намагниченности исследуемого объекта можно определить земное магнитное поле в эпоху, когда объект был изготовлен, затем по кривым вековых вариаций назвать то время, для которого характерно такое значение поля.

Как видно, принципиальная постановка задачи выглядит чрезвычайно просто. Однако при практическом ее решении мы встречаемся с рядом трудностей.

В первую очередь мы должны убедиться, что намагниченность объекта, по которой определяется возраст, действительно является первоначальной.

Е. Телье был разработан так называемый метод последовательных нагревов, суть которого состоит в том, что сравнивается поведение при нагреве намагниченности, которой обладает исследуемый образец, и намагниченности, которую приобретает тот же образец при искусственном обжиге в лаборатории в магнитном поле. Метод подробно описан в ряде статей, и поэтому нет необходимости еще раз подробно останавливаться на физических основах и технических деталях этого метода. Необходимо только подчеркнуть, что применение его принципиально важно при археомагнитных исследованиях, особенно если в распоряжении экспериментатора имеется ограниченное количество образцов.

Помимо разрешения вопроса о сохранности намагниченности, этот метод позволяет установить, был ли образец повторно нагрет, например, во время пожара, и определить дату пожара.

Изменение направления геомагнитного поля имеет региональный характер, поэтому кривые датировки приходится строить

для каждого района в отдельности. Такими районами являются области одинакового векового хода. Для того чтобы иметь возможность построить кривые векового хода для района, где нельзя собрать достаточно полную коллекцию образцов, нужно установить закономерности, связывающие параметры векового хода геомагнитного поля в разных пунктах.

Необходимо заметить, что для всех геофизических закономерностей характерен значительный разброс значений относительно некоторой средней величины. Это естественно, поскольку на любой процесс в природных условиях оказывает влияние ряд второстепенных факторов, далеко не всегда поддающихся учету и оценке. Закономерности проявляются только при осреднении большого количества измерений, поэтому определение возраста, сделанное на основании измерения единичных образцов, следует считать вероятным, но не точным.

Объекты археомагнитых измерений

Успех археомагнитного датирования в значительной степени зависит от достоверности археологического материала для построения кривых вариаций, иными словами от того, насколько часто и точно расставлены по оси времени «магнитные» вехи.

Следует напомнить, какие образцы могут служить материалом для археомагнитных построений.

Если в распоряжении исследователя есть образцы из объектов, не смещенных со времени их последнего нагрева, то, измерив остаточную намагниченность таких образцов, можно определить все характеристики древнего геомагнитного поля: I, D и H, предварительно ориентировав образец in situ по отношению к географическим координатам.

Если неизвестно, в каком положении образец находился во время обжига (неориентированный образец), то можно определить только напряженность древнего поля (H); данные о его направлении в этом случае для нас потеряны.

Часто удается определить два параметра поля: напряженность (H) и наклонение (I). Это бывает в том случае, когда известно положение образца во время обжига по отношению к вертикали. Объектами такого типа является большинство древних и современных кирпичей, относительно которых есть сведения, что они обжигались на ложкé. Это справедливо и для керамических сосудов и некоторых сортов архитектурной черепицы, если известно их положение по отношению к вертикали во время обжига. Несомненно, что самым ценным для археомагнитных построений являются образцы, ориентированные in situ, по которым можно определить все три характеристики древнего поля. Объектами такого типа являются прежде всего гончарные и бытовые печи (их поды и стенки), если можно установить, что

не было существенного оседания грунта под ними. Обожженные полы и стены жилищ из глины также являются подходящим материалом для определения направления и величины поля, если они не смещались с момента обжига. Примером могут служить известные трипольские площадки, не смещавшиеся после их постройки и надежно датированные. Сосуды или кирпичи также могут быть ориентированы по отношению к географическим координатам в том частном случае, когда они найдены в обжигательной печи и есть основания считать, что их не смещали после последнего охлаждения.

Точность метода

Когда идет речь о том или ином методе датирования, естественно возникает вопрос о разрешающей способности метода. К сожалению, нельзя назвать конкретной цифры, характеризующей точность археомагнитного метода датирования в целом, поскольку возможная погрешность определения даты зависит от вида опорной кривой векового хода (амплитуды, скорости изменения). Таким образом, можно говорить лишь о средней точности для данного района. Так, для Кавказа средняя ошибка датирования для последнего тысячелетия была оценена величиной порядка ± 25 лет (с учетом всех возможных ошибок, включая инструментальную).

Археомагнитные исследования

Собственно археомагнитные работы были начаты еще на рубеже нашего века. Они относились в основном к изучению наклонения, как наиболее «доступного» из геомагнитных параметров. Обзор и анализ этих работ делался уже неоднократно, в частности, авторами доклада. Поэтому остановимся лишь на работах последних лет.

Достижения последних лет в области археомагнетизма показали, что этим методом можно решать такие геофизические задачи, как установление общих закономерностей изменения магнитного поля Земли, знание которых необходимо для создания теории главного геомагнитного поля. Вместе с тем кривые вековых вариаций, которые строятся для различных территорий земного шара, создают основу для датирования.

Археомагнитные исследования ведутся во Франции под руководством Е. Телье — основоположника археомагнитного метода, а также в Японии, Англии, Чехословакии, Польше и Советском Союзе.

Современный археомагнетизм развивается по трем основным направлениям: 1. Работы методического характера. 2. Собственно археомагнитные измерения, в результате которых становятся известными законы изменения геомагнитных параметров. 3. Решение археологических задач — магнитное датирование.

Поскольку археомагнетизм является сравнительно новым направлением в науке, особое внимание уделяется вопросам методики. В этой области больших успехов добились физики французской и английской школ. Е. Телье, как уже говорилось, является автором метода термомагнитной чистки, без которой невозможно достоверное определение древних геомагнитных параметров. О. и Е. Телье разработаны методы точной ориентации и отбора образцов в поле, а также решен ряд вопросов, связанных с аппаратурой для археомагнитных измерений; в лаборатории Телье создан прибор индукционного типа для измерения остаточной намагниченности объекта произвольной формы, что позволяет включить в число объектов археомагнитного изучения и посуду.

Английские археомагнитологи (М. И. Эйткин, Б. Р. Хартлей, Г. Х. Вивер, М. Р. Гарольд) широко известны своими работами по методике отбора образцов из древних печей; ими подробно исследована зависимость получаемых результатов от участка печи, где находился образец.

Сравнение накопленных данных по наклонению, относящихся к разным географическим районам, показало, что наклонение меняется во времени циклически. При этом экстремальные значения наклонения наступают не синхронно на всей поверхности земного шара, а со сдвигом во времени, пропорциональным разнице географических долгот пунктов. Смещение экстремумов векового хода происходит со скоростью порядка 0,2—0,3 град/год в направлении с востока на запад и связано с явлением, которое называется западным дрейфом векового хода магнитного поля. Западный дрейф наблюдался по данным анализа непосредственных измерений поля на магнитных обсерваториях (В. П. Орлов). Авторами настоящего доклада был установлен на основании археомагнитных данных западный дрейф наклонения для последних 600—700 лет в широтном поясе 43°±4° с. ш. Установление такой закономерности, само по себе очень интересное для геофизики, дает также полезный выход и для археологии, поскольку позволяет наряду с результатами непосредственных археомагнитных измерений в данном районе использовать перечисленные значения наклонения, полученные для другого района.

К сожалению, нельзя проследить такую зависимость для склонения, поскольку накопление мировых данных по склонению только еще начинается. Последнее обстоятельство объясняется тем, что склонение можно получить только на ограниченном числе объектов (древние печи, стены, полы из обожженной глины).

Вариации склонения за последние 2000 лет были получены в последние годы японскими учеными (И. Като, Т. Нагата, Т. Юкутаке). Изменение склонения и наклонения в Англии изучалось И. С. Бельше и М. И. Эйткином; И. С. Бельше, К. Куком и

Р. М. Куком получены результаты для склонения и наклонения по Греции, Р. М. Куком — для Оксфорда, Кембриджа и Парижа.

Очень ценными являются также данные о наклонении, полученные для совершенно новых территорий: для Камбоджи — Е. Телье, для Турции — А. Баммером, для Южной Америки — К. Кабояши, Т. Нагата и Е. И. Шварцем, а также для южных районов Японии — Н. Ватанабе, К. Момозе, К. Кабояши, Н. Кавai и др. Новые советские данные по наклонению получены для Львова, Прибалтики и Ленинграда Е. Н. Тарховым и для Украины — авторами работы.

Сопоставление мировых данных по напряженности показало, что они ложатся в первом приближении на одну и ту же кривую. Это значит, что изменение напряженности геомагнитного поля носит планетарный характер, который делает ее универсальной для датировки образцов из любого района земного шара. Однако пологий характер кривой обусловливает низкую точность датировки по этой кривой: ошибка в определении остаточной намагниченности всего в 5% приведет к ошибке в определении возраста в 200 лет. Рекомендовать эту кривую для датировки можно лишь в том случае, если требуется самая приблизительная оценка возраста объекта. Как правило же, кривая изменения напряженности служит хорошим подспорьем при датировке по наклонению, так как из нескольких значений времени, соответствующих определенному I, она позволяет выбрать наиболее вероятное. Это оказывается возможным потому, что величины циклов изменения I и H отличаются друг от друга примерно на порядок.

Кривая зависимости напряженности магнитного поля от времени построена по французским, японским, чешским и советским данным. Для периода времени от начала эры до современности получено достаточное количество данных, чтобы подвергнуть их статистической обработке и получить среднюю линию, характеризующую общую тенденцию изменения величины поля. Для более ранних эпох данных еще немного, однако и они позволяют делать некоторые выводы. Так, значения величины поля для времени от 4500 лет до н. э. и ближе показали существование минимума H примерно в 3500 г. до н. э. и дали тем самым возможность оценить период изменения величины поля.

Археомагнитное датирование

До сих пор шла речь о решении археомагнитным методом геофизических задач. Мы остановились на этом этапе подробно, поскольку он является основой для решения чисто исторических задач датирования конкретных объектов. Как было сказано выше, практическое решение этих задач является сложным, хотя принципиальная их постановка достаточно проста. Именно этим

можно объяснить то обстоятельство, что попытки конкретной датировки археологических объектов пока крайне малочисленны.

Авторы работы впервые попытались применить археомагнитное датирование на образцах кирпичей из памятников архитектуры средневековой Грузии, поскольку первая кривая вариаций наклонения была построена для Кавказа. В наше распоряжение была предоставлена серия образцов из восьми памятников, возраст которых был определен археологами в пределах одного-двух веков или не был известен вовсе. Семь из этих памятников были датированы археомагнитным методом с точностью до полувека. Все определенные нами даты оказались лежащими в пределах, заданных археологами. Один из образцов оказался нагретым повторно в XIX в., так что мы могли только высказать предположение о возможном пожаре, что впоследствии подтвердилось.

Таким образом, первый опыт археомагнитного датирования, вернее уточнения археологических дат археомагнитным методом, оказался удачным, что заставило нас продолжать поиски в этом направлении.

В настоящее время делается попытка применить археомагнитный метод к решению более сложной задачи. Речь идет об определении хронологических рамок существования известной черняховской культуры, распространенной на большой территории в Советском Союзе (Украина, Молдавия) в I тысячелетии н. э. Время зарождения и особенно гибели этой культуры вызывает большие споры среди археологов, и для нас кажется заманчивой перспектива помочь в решении этих споров.

Решение этой задачи нужно было, естественно, начать с подбора коллекций образцов, хорошо датированных и охватывающих интересующий нас интервал времени. С этой целью была предпринята специальная экспедиция для отбора коллекции на территории Украины и Крыма. Хотя Крым и не относится к области распространения черняховской культуры, он был включен в район исследований по той причине, что там можно было собрать материал, относящийся к первым векам нашей эры (греческие и римские колонии в Северном Причерноморье), которого мало на Украине.

В Киеве, Чернигове, Львове и других городах Украины были отобраны образцы кирпичей из хорошо датированных памятников архитектуры, относящихся к X—XIX вв. н. э. Именно с этих образцов и началась археомагнитная обработка коллекции, так как сначала надо было по большому количеству надежно датированных образцов построить часть кривой вариаций наклонения для XI—XIX вв., а затем, зная характер кривой, продолжить ее на более ранние эпохи, подтверждая отдельными измерениями правильность экстраполяции.

При обработке коллекции использовался метод термомагнит-

ной чистки Е. Телье для получения опорных точек, метод температурной чистки до 200°, а в тех случаях, когда образцов из одного памятника было достаточно много (до 40), бралось среднее значение по измерениям без применения специальных методов чистки.

Чтобы все полученные данные были сопоставимы, они приведены к широте и долготе г. Киева (50°30′ с. ш. и 30°30′ в. д.). Поправка на разницу долгот вводилась с учетом западного дрейфа, скорость которого была принята равной 0,23 град/год. Поправка на широту была введена согласно известной формуле дипольного распределения поля, которое в первом приближении отражает реальное распределение магнитного поля по земной поверхности

$$\operatorname{tg} I = 2 \operatorname{tg} \varphi,$$

где I — геомагнитное наклонение, φ — широта места.

В результате пересчета удалось построить единую кривую для всей изучаемой территории. Правая часть кривой проведена уверенно по достаточному числу точек. Левая часть — от начала эры до X в.— проведена с меньшей уверенностью, поскольку в нашем распоряжении, с одной стороны, был очень ограниченный материал, а с другой — широкие пределы датировки образцов затрудняли точное определение наклонения в каждом временно́м интервале. Однако есть основания считать, что, несмотря на упомянутые выше обстоятельства, кривая проведена правильно. Во-первых, точки, полученные в результате термоизмерений образцов из надежно датированных печей (Фанагория — вторая половина IV в. н. э., Ольвия — конец III в. н. э.), ложатся на проведенную кривую. Во-вторых, схожесть характера изменения периода и амплитуды I во времени для этой кривой и для известной кривой вариаций наклонения на Кавказе говорит в пользу именно такого проведения кривой.

Для тех образцов, на которых был проведен полный цикл термоизмерений, были получены значения напряженности древнего поля, которые наносились на кривую изменения напряженности, полученную после усреднения всех мировых данных по напряженности. Полученные точки с некоторым разбросом легли вокруг усредненной линии.

С помощью полученных кривых вариаций наклонения и напряженности магнитного поля для Украины — Крыма мы попытались сделать первые оценки возраста для образцов черняховского времени. Заметим сразу, что эти оценки носят лишь предварительный характер, и их ни в коем случае нельзя рассматривать как окончательный вывод о времени существования черняховской культуры.

Для окончательного вывода необходимо, с одной стороны, уточнить ход кривой наклонения в I тысячелетии н. э. по боль-

шему числу объектов, с другой стороны — промерить не один десяток образцов из различных черняховских поселений, поскольку речь идет о хронологии целой культуры, а не отдельного памятника.

В качестве образцов, которые исследовались, служили фрагменты гончарных печей из четырех различных черняховских поселений: Журавки, Тарасовки, Рипнева и Калиновки. Два из этих поселений, Журавка и Тарасовка, считаются позднечерняховскими. Все образцы были взяты на месте раскопок и ориентированы in situ по геологическому компасу. Образцы подвергались в лаборатории полному циклу нагревов по методике Телье, в результате чего для каждого из них были получены значения древнего наклонения и напряженности поля, соответствующие данному географическому пункту. Затем в полученные значения I и H вносилась поправка на западный дрейф (сдвиги по оси времени) и на разницу широт, чтобы привести результаты к широте и долготе Киева. После этого их можно было сопоставить с кривыми $I(t)$ и $H(t)$ и выбрать наиболее вероятное значение возраста.

Наиболее вероятным значением возраста для всех четырех объектов является конец V в. н. э. Напомним еще раз, что когда речь идет об археомагнитном определении возраста печей, то имеется в виду время их последнего использования. Таким образом, значение возраста, определенное нами для изучаемых объектов, следует рассматривать как возможную верхнюю временну́ю границу существования черняховской культуры. Этот вывод представляется тем более правомерным, что речь идет о поселениях, относящихся к развитой черняховской культуре (это справедливо во всяком случае для двух из них).

Тот же самый вывод получается, если для всех четырех объектов вычислить усредненные значения I и H и по ним определить верхнюю границу существования этих памятников. Эти значения, численно равные $H=0{,}65$э и $I=64°$, соответствуют значению рубежа V и VI вв., если сравнить их с кривыми вариаций наклонения и напряженности.

Наши опыты по уточнению археологических дат не ограничиваются приведенными примерами. Можно было бы назвать еще несколько случаев, когда удавалось с помощью археомагнитного метода уточнить возраст памятников (для Херсонеса, Керчи, Болгарии, Польши).

Датировку черняховской культуры отнюдь нельзя считать законченной. Наоборот, это только начало, как нам кажется, предполагаемых работ, однако уже первые шаги свидетельствуют о том, что археомагнитный метод может быть рекомендован для решения больших исторических задач.

Я. А. Шер

ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ МЕТОД В АРХЕОЛОГИИ И СТАТИСТИКА

Основы типологического метода археологии были сформулированы О. Монтелиусом и Г. Гильдебрандтом в конце XIX в. и впоследствии наиболее четко изложены в известном труде О. Монтелиуса. В основу типологического метода археологии был положен объективный естественноисторический закон. Правда, понимание этого закона было значительно упрощено основоположниками типологического метода, которые рассматривали вещи в отрыве от общественного характера труда, порождающего их на свет. Несмотря на это, идея развития вещей была выдающимся вкладом эволюционистов в науку о древностях. Археология с уровня изучения отдельных находок смогла перейти на описательно-таксономический уровень, несомненно более высокий по отношению к предыдущему; перед археологами встал вопрос о необходимости изучения закономерностей развития материальной культуры.

В немногочисленных современных работах по теории типологического метода он рассматривается, как правило, применительно к хронологическим разысканиям, исходя из того же закона эволюции вещей, хотя в отдельных статьях и предпринимаются попытки показать принципиальную разницу между эволюцией в мире живой природы и закономерностями развития изделий человеческого труда.

Необходима критика типологического метода. Однако она должна быть позитивной и направлена на совершенствование метода. Задача данного сообщения состоит в том, чтобы с позиций современной археологии поставить вопрос только об одном из возможных путей совершенствования типологического метода, не претендуя не только на исчерпывающий ответ, но и на достаточную полноту в постановке данного вопроса.

Необходимыми и достаточными для целей типологии представляются следующие условия.

1. Детерминированность — обусловленность объективным историческим законом, исключение произвола в применении и обеспечение возможности обучения других данному методу.

2. Ясность — наличие системы взаимосвязанных логических понятий, приспособленных к более или менее адекватному отображению динамики развития материальной культуры.

3. Направленность и плодотворность — подчинение метода определенной цели и способность давать, кроме намеченных, побочные результаты.

4. Надежная результативность — способность с большой вероятностью обеспечивать получение искомого результата.

Перечисленные условия неравнозначны. Наибольшее значение имеют два первых условия. На них целесообразно остановиться подробнее. Остальные требования, предъявляемые к типологическому методу, занимают подчиненное положение и во многом зависят от выполнения двух первых.

Детерминированность типологического метода означает его обусловленность определенным естественноисторическим законом, управляющим ходом развития материальной культуры.

Попытаемся подойти к основному закону развития вещей, двигаясь не от вещей, а от людей, изготовляющих эти вещи в процессе труда, т. е. в процессе активного общения с окружающей их природой.

В процессе труда люди ограничены целым рядом объективных обстоятельств и условий. В результате их сложного взаимодействия человек на любой ступени своего развития не свободен в выборе материала, формы, конструкции и технологии изготовления орудий труда, оружия, жилищ, одежды, утвари, украшений и т. п. предметов материальной культуры.

Механизм прогресса материальной культуры логически может быть представлен в виде постоянного диалектического взаимодействия двух «программ»: наследственной и приобретенной. Первая задается предшествующими поколениями в виде полученного от них в наследство производственного и духовно-психологического опыта, а также комплексом материальных условий жизни общества. Она накладывает ограничения, обусловленные накопленной предками трудовой и психологической информацией. Вторая программа приобретается данным поколением в ходе его общения с природой и окружающими человеческими коллективами.

Вещи развиваются по внутреннему закону. В этом был абсолютно прав О. Монтелиус и все эволюционисты. Но этот закон может быть только уподоблен закону развития живой природы. По существу же это закон постоянного совершенствования производства, универсальный закон, присущий обществу на любой ступени его развития.

В качестве теоретической основы типологического метода, очевидно, следует принять соотношение между развитием производства и развитием орудий труда, согласно которому последние в

той или иной мере являются показателем тех общественных отношений, при которых совершается труд. Данная закономерность на наш взгляд применима не только к средствам труда, но и ко всем вещам, изготовленным людьми. Поскольку всякое производство носит общественный характер, в любой вещи должны отразиться, с одной стороны, уровень развития производства и, с другой — степень развития самого общества. Иными словами, вещи являются «знаками» тех материальных и общественных условий, в которых они изготавливались и использовались древними людьми.

Строясь на такой теоретической основе, типологический метод может и должен стать не только инструментом для воспроизведения хронологии вещей, но прежде всего средством исследования изменений в быту и определяющих их изменений в производстве и общественных отношениях.

Развитие вещей детерминируется объективным естественноисторическим процессом постоянного развития производства. Однако детерминизм такого сложного общественного явления, как развитие материальной культуры, своеобразен и коренным образом отличается от механического, лапласовского детерминизма. Его своеобразие определяется статистическим характером закономерностей развития материальной культуры. В соответствии с этим и метод изучения вещей должен быть способным к отображению вероятностных закономерностей в истории культуры.

Предметы материальной культуры, как результат осмысленной трудовой деятельности, целесообразно рассматривать в виде части сложной динамической системы «человек — природа» Поэтому и закономерности изменения и развития вещей проявляются не в строго однозначной, а в вероятностной статистической форме.

История культуры является таким же объективным естественноисторическим процессом, как и любой другой. Тот факт, что при переходе от низших форм движения материи к более высоким (от физической к биологической и от нее к социальной) взаимодействие объектов и явлений несоизмеримо усложняется, что в явлениях жизни очень большую роль играет творческое мышление человека, не отменяет статистического характера закономерностей в истории культуры. Больше того — само познание законов мышления, психики становится более плодотворным, если оно исходит из признания этого постулата.

Статистический характер закономерностей в истории материальной культуры иллюстрируется целым рядом специальных исследований, подробное рассмотрение которых не представляется возможным в силу недостатка места. Общей для всех перечисленных работ особенностью является то, что, изучая массовый археологический материал не по отдельным образцам, а

в полном объеме, с учетом взаимодействия множества признаков, можно получить значительно более достоверные и уточненные факты для их последующей исторической интерпретации. Отдельные статистические приемы применяются археологами давно и успешно. Однако до недавнего времени это происходило от случая к случаю, в зависимости от желания и способностей автора. Сейчас имеется целый ряд разделов археологии, где без статистики обойтись трудно.

Уже на первом этапе археологического исследования — при описании материала — статистика позволяет избавиться от длинного словесного перечисления вещей, предоставляя взамен этого емкие и компактные способы представления информации в виде графиков, таблиц, гистограмм, кривых и т. п. Одновременно улучшаются условия обозрения очень больших коллекций, что почти неосуществимо при традиционном археологическом методе описания. Статистические методы описания археологического материала предполагают необходимость хотя бы предварительной группировки находок с последующей систематизацией. Поэтому уже в самой технике использования статистических методов заключена гарантия от несистематизированной публикации находок, что еще нередко случается в нашей литературе.

Большое значение для археолога имеют вопросы классификации вещей, особенно таких, как керамика, наконечники стрел, украшения и другие массовые изделия, изменчивость которых воспринимается как постепенная и непрерывная. Здесь трудно уловить переходы от одного типа к другому, трудно различимы границы между типами, что, собственно, и стало основной причиной подхода к анализу подобного материала с позиций эволюционной теории. Статистические методы изучения однородных вещей с кажущейся постепенной изменчивостью позволяют путем выявления устойчивых сочетаний признаков и исключения случайных ограничивать типы более четко, используя строгие количественные критерии сходства и различия между ними. Тем самым в известном приближении моделируется естественноисторический ход развития того или иного комплекса материала, что создает условия для изучения отраженных в нем культурно-исторических и социально-экономических явлений.

Несмотря на довольно хорошо разработанную типологию вещей, несмотря на растущий арсенал естественнонаучных методов датирования археологических объектов, достоверное определение хронологии (относительной и абсолютной) представляет пока значительные трудности. Между тем статистика дает относительно простой и надежный метод датирования объектов по процентному соотношению типов массовых изделий (керамики, украшений, наконечников стрел и т. п.), который по суще-

ству является модификацией типологического метода. В основе этого метода лежат два аксиоматических утверждения: 1) с течением времени процентное соотношение типов массовых изделий меняется в связи с изменениями в быту; 2) если памятник (группа близких памятников) существовал длительное время, то для каждого исторически обусловленного отрезка времени существует одно и только одно статистически устойчивое процентное соотношение типов массовых изделий (разумеется, в отдельности по керамике, или по украшениям, или по какому-либо иному виду изделий). Эти два постулата, может быть в несколько отличных словесных выражениях, давно приняты в археологии. На них базируются многие исследования.

Пока редко кто из археологов ставит вопрос об оценке достаточности собранного материала для достоверных выводов на его основе. В лучшем случае мы довольствуемся качественными оценками, основанными на субъективном мнении, зачастую не подозревая о существовании строгих количественных методов оценки достаточности изучаемой выборки при заданной величине относительной ошибки наблюдения, практически с вероятностью в 95—99%.

Перечисленные выше несомненные достоинства статистического направления в археологии рассматриваются нами не только как дополнительные методические приемы, но и как *средство отображения особенностей детерминизма культурно-исторических явлений*, как метод изучения вероятностных закономерностей развития материальной культуры.

В связи с первичной «математизацией» отдельных сторон археологического исследования возникает потребность в более четком изложении логических основ типологии. Здесь мы от требования детерминированности метода переходим к рассмотрению требования его ясности, которое подразумевает наличие системы логических понятий, способных обеспечить описание и анализ исходной информации.

Остановимся кратко на наиболее важных и общеупотребительных понятиях. Очевидно, центральным для типологического метода является понятие *типа*. О. Монтелиус писал о необходимости рассматривать нечто существенное (das Wesentliche) для выделения типа, о необходимости уверенно (mit Sichercheit) судить о том, что характерно для данного типа.

Попытка ввести четкое определение типа принадлежит В. А. Городцову, который писал, что «тип есть собрание предметов, одинаковых по назначению, веществу и форме». Надо сказать, что это определение было в свое время плодотворным, так как способствовало формированию основных требований к археологической классификации. В советской археологии можно найти много примеров хорошей классификации материала.

исходившей из такого понимания типа. По В. А. Городцову, выделению типов предшествует выделение категорий, групп, отделов — таксономических понятий, характеризующих вещи по какому-либо одному из трех главных признаков. Этими понятиями исчерпывается логический аппарат типологии по В. А. Городцову.

Если понятие типа после В. А. Городцова почти никем не рассматривалось, то понятие культура и по сей день является объектом пристального внимания археологов. Тем не менее, несмотря на ряд различных дефиниций, единого понятия археологической культуры пока нет. Видимо, мы не очень сгустим краски, если отметим, что современная типология не располагает достаточно ясной системой понятий; одни из них устарели, другие — допускают большой разнобой в понимании.

Переходя к изложению приемлемого, на наш взгляд, для типологии аппарата понятий, желательно сформулировать основные требования, которым эти понятия должны удовлетворять. Отвлекаясь от наиболее общих требований диалектико-материалистического метода, которые заложены в самой концепции естественноисторического процесса, рассмотрим требования частного характера, проистекающие из особенностей археологии, как самостоятельной науки, входящей в круг исторических наук.

Основная особенность археологического исследования определяется природой и характером исходной информации.

Вещественные (археологические) источники непосредственно не содержат в себе информации, изложенной языковыми средствами в обычном понимании термина «язык». Однако в более широком, например в математическом, смысле можно говорить о языке археологических источников. Как и все языки, он имеет свой «словарь», который нам задается непосредственно в виде вещей — предметов, объектов, памятников. Нам также известны «буквы» — признаки, элементы, определяющие ту или иную вещь. В отличие от словарей естественных языков, основной словарь археологических источников почти не требует «перевода», поскольку знак в нем непосредственно связан с означаемым. Следует оговориться, что речь идет о словаре универсалий. Например, мы можем не различить боевой топор и бытовой топор, но топор вообще опознается совершенно уверенно. Иными словами, изучение основного словаря археологических источников не связано с особыми трудностями и вполне удовлетворительно обеспечивается различными полевыми и камеральными методами изучения и обработки древностей.

Как и все языки, язык археологических источников имеет свою «грамматику». Не пытаясь давать четкого определения, под грамматикой материальной культуры мы будем понимать некоторый набор отношений между предметами, объектами, памят-

никами и культурами, которые порождаются естественноисторическим процессом развития общества и отражают его закономерности, хотя и не всегда (точнее — далеко не всегда) в явном виде. К числу таких неявных проявлений «грамматики» материальной культуры относится целый ряд интуитивно ясных каждому археологу закономерностей, механизм которых пока не поддается объяснению. Например, обнаружив культурный слой с расписной керамикой определенного вида, всякий археолог почти безошибочно отнесет его к древней земледельческой культуре. Наряду с этим известно, что для культур, сложившихся на базе пастушеского скотоводства, характерны совсем иные способы нанесения орнамента — прорезной линейно-геометрический орнамент. В опосредствованном через ряд ясных и неясных нам связей виде эта закономерность несомненно существует.

Археологический материал представляет собой неразрывное единство «словаря» и «грамматики». Однако для исследовательских целей необходимо отделение первого от второго, расчленение «словаря» и «грамматики» на составные части и описание этих частей при помощи логических понятий. Исходя из этого, представляется необходимым располагать тремя категориями понятий: 1) исходные, 2) описательные (дескриптивные) и 3) аналитические. Относительно последних точнее было бы сказать «аналитико-синтетические», поскольку ими должны описываться не только подразделения материала на составные элементы, но и их группировки в определенные совокупности. Введя такую оговорку, можно для краткости пользоваться одним словом «аналитические».

В качестве исходных понятий, которым не следует давать определения, можно принять такие, как вещи, свойства и отношения. Эти понятия принимаются как простейшие и поэтому не определяются через более элементарные, а описываются, поясняются на примерах. Для археолога понятия вещи, свойства и отношения должны быть интуитивно ясными, а отсутствие дефиниций не должно удивлять.

Под вещами мы будем понимать весь круг объектов археологии, т. е. все те предметы, изделия, объекты, сооружения, памятники искусства, изучаемые археологией в остатках или в целом виде, если вещь сохранилась полностью. В этом смысле вещью будет и маленькая бусина, и целое городище.

Свойствами вещей следует считать их определенные качества, особенности. Свойствами будут форма вещи, материал, из которого она изготовлена, следы тех или иных технологических приемов, использованных при ее изготовлении, всякого рода количественные параметры: вес, объем, площадь, линейные и угловые размеры и т. п. Иными словами, свойствами вещей следует считать те особенности, которые присущи самим ве-

щам и определяются из изучения самой вещи вне связи ее с сопутствующими предметами или с условиями находки.

Отношениями следует считать определенные реальные (не обязательно материальные) связи между вещами или свойствами или тем и другим вместе. Например, можно говорить об отношении сходства между двумя или более вещами по данным свойствам, или об отношении различия между ними. Строя хронологию какого-то ряда вещей или объектов, мы тем самым устанавливаем отношение последовательности между ними. Можно также говорить о классе отношений вещей к внешнему миру (особенности археологических объектов, связанные с ландшафтом).

На основе трех исходных понятий можно попытаться построить систему дескриптивных и аналитических понятий типологии.

Важнейшим дескриптивным понятием представляется признак.

Одним из условий, которым должно удовлетворять понятие признака, должна быть его элементарность. Признаком следует считать элементарное, нерасчленимое в рамках типологического анализа свойство предмета. Это условие необходимо для обеспечения другого, не менее важного условия — дискретности. Большинство признаков, учитываемых археологами, имеет непрерывный характер. Например, такие свойства, как цвет керамики, качество обжига, степень совершенства выделки, качество теста, варианты формы венчиков и т. п., очень трудно описать дискретно. Однако это необходимо для последующей формализации и математической обработки средствами дискретного анализа, для уменьшения субъективизма в выделении признаков и, наконец, для успешного использования электронных вычислительных машин (ЭВМ), которые, как правило, являются машинами дискретного действия.

Далее необходимо подчеркнуть объективность способа определения признаков. С метрическими признаками дело обстоит просто: они измеряются соответствующими приборами. Хуже обстоит дело с технологическими признаками, однако и здесь археологи получают возможность пользоваться объективными методами. Еще хуже, когда в работу включаются декоративные и иные признаки, типа упоминавшихся непрерывных. Но не следует считать эту картину безотрадной. Если сам процесс выделения таких признаков нельзя полностью объективизировать, то следует в каждом случае создавать какую-то шкалу, необходимую для данного исследования. Тогда любая часть исследования может быть проверена.

Резюмируя сказанное, можно прийти к следующему заключению. Признаки предмета, объекта, памятника должны быть элементарными, т. е. нерасчленимыми в рамках принятой типологической схемы. Признаки должны быть дискретными как для

мерных, так и для неизмеряемых свойств. Признаки должны по возможности устанавливаться объективно, так, чтобы в дальнейшем их значение могло только уточняться, но не меняться существенным образом.

На основе понятия признака можно определить остальные дескриптивные понятия, такие, как предмет, объект, памятник. Последовательность и способ их определения должны быть иерархичными. Предмет описывается системой признаков, объект — системой предметов, памятник — системой объектов. Отличительной особенностью описательных понятий является то, что каждое из них относится к данной вещи и описывает только ее. Строго говоря, описательное понятие есть конечное множество[1] признаков (предметов, объектов, памятников), заданное перечислением:

$$A = \{a, в, c \ldots. x\},$$

где A — данное понятие, a, b, c, ...x — признаки или предметы, или объекты, в зависимости от определенного понятия.

Аналитические понятия отличаются от описательных тем, что определяют не сами вещи, а их отношения между собой. Причем если описательное понятие исходит из данной вещи, то аналитическое понятие может создаваться только на основе некоторого множества вещей, связанных между собой некоторой совокупностью отношений.

Универсальным аналитическим понятием, видимо, следует считать понятие структуры. Пользуясь уже введенным понятием отношения, структуру можно определить как реально существовавшую и реконструируемую археологом некоторую сеть отношений между признаками, предметами, объектами, памятниками.

Возьмем сосуд, опишем при помощи дискретных признаков его форму, технику изготовления, состав теста, размеры, пропорции и т. д., укажем, в каком отношении эти признаки находятся друг к другу. Тем самым мы представим этот сосуд в виде простой структурной схемы признаков, связанных между собой.

Строго говоря, структура есть пара множеств: множество элементов и множество связей, упорядочивающих эти элементы относительно друг друга.

Перейдем к понятию системы. О системе целесообразно говорить тогда, когда в «поведении» группы каких-то элементов (признаков, предметов, объектов) прослеживается динамика. Говорить, например, об одном сосуде как о системе признаков нецелесообразно, но если изучается ряд керамических комплексов или ряд погребальных сооружений, в которых можно

[1] Понятие «множество» здесь и далее употребляется не в обиходном смысле («много»), а в математическом («совокупность»).

проследить изменчивость признаков, то здесь уже имеется динамическая система. Иными словами, система есть структурная модель поведения той или иной группы вещей во времени и пространстве.

Тип. Следуя мнению О. Монтелиуса о типе как о чем-то существенном, закономерном, представляется естественным статистический способ выделения типов как динамических систем, между которыми происходит постоянный обмен свойствами и которые изменяются во времени и пространстве.

Уже О. Монтелиус, а вслед за ним и В. А. Городцов отмечали, что для выделения типов необходимо изучение больших совокупностей материала, т. е. тип — это прежде всего множество. Но это не механическое «собрание предметов», одинаковых по тем или иным признакам, как понимал его В. А. Городцов. Понятие типа является абстракцией для обозначения некоторой реально существовавшей системы объектов, определяемой статистически устойчивым сочетанием существенных признаков. Рассмотрим понятия «устойчивость» и «существенный». Всякий тип предметов, объектов, памятников может обладать как признаками, присущими только ему, так и признаками, свойственными другим типам. Кроме того, набор признаков может изменяться во времени: для одного периода он может быть определяющим, для других — либо только появляющимся, либо отмирающим. Наконец, один и тот же признак может давать случайные отклонения от своего среднего значения. Устойчивым сочетанием признаков следует считать такое сочетание, которое согласуется со статистическими критериями значимости. Те же признаки, которые по принятым в статистике критериям нельзя считать значимыми, не могут быть основой для выделения типа.

Что считать существенными признаками? Очевидно, здесь невозможны строгие рецепты, и существенность определяется на основе дополнительной исторической информации или даже на основе интуиции исследователя. Важно только, чтобы в каждом случае был оговорен относительный «вес» признака и мера «веса» была бы обоснована историко-культурными данными.

Формальное описание некоторой системы археологических объектов, обладающих общими признаками, может быть представлено следующим образом.

Задано множество объектов $O=\{a, b, c, d\}$ и множество признаков $П=\{E_1, E_2, E_3, E_4\}$. Каждый объект обладает некоторыми признаками из множества $П$. Строим таблицу. Знак + ставится тогда, когда объект обладает данным признаком, в противном случае ставится знак 0. Здесь табл. 1 приведена в окончательном виде. Ей предшествует некоторая работа по перестановке объектов с общими признаками внутри таблицы. Очевидно, в

данной ситуации устойчивым сочетанием признаков следует считать две оконтуренные жирной линией области, соответствующие двум типам объектов.

Таблица 1

Признаки / Объекты	E_1	E_2	E_3	E_4
a	+	+	+	0
b	+	+	+	0
c	0	0	+	+
d	0	0	+	+

Оговорив заранее основания, припишем каждому признаку вес так, чтобы сумма весов для всех признаков данного объекта была равна единице. Тогда таблица примет вид, указанный на табл. 2.

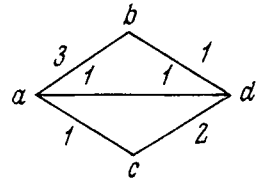
Таблица 2

Признаки / Объекты	E_1	E_2	E_3	E_4
a	0,4	0,1	0,5	0
b	0,1	0,8	0,1	0
c	0	0	0,9	0,1
d	0	0	0,7	0,3

Очевидно, что в определении существенных признаков следует предпочесть признаки E_2, E_3 перед признаками E_1, E_4.

Табличный способ формализации и математической обработки часто используется археологами. Он удобен в работе с метрическими признаками. Однако археологу нередко приходится обращаться к топологическим свойствам объектов. Таковыми

являютоя с в я з и, понятие, очень широко используемое в археологии и вполне поддающееся формализации средствами теории графов. Если считать каждый общий для двух или более объектов признак одной связью, то приводившаяся таблица может быть представлена следующим графом:



Здесь a, b, c, d — объекты, линии обозначают связи по общим признакам, цифры над линиями обозначают количество общих признаков для каждой пары связанных объектов и могут иногда служить выражением веса связей, их значимости.

В итоге, о понятии «тип» можно отметить, что типом не может быть некоторое механическое «собрание вещей». В таком виде понятие типа устарело, хотя в свое время и было плодотворным. Тип следует рассматривать как сложную систему объектов, связанных между собой статистически устойчивыми признаками.

Видимо, в таком же плане может быть поставлен вопрос о содержании и характере понятия «культура». У понятий «тип» и «культура» много общего. И то и другое нужно для описания некоторой исторически сложившейся и реально существовавшей во времени и пространстве совокупности материальных объектов, ставших для нас археологическими памятниками; и то и другое выявляется на основе устойчивого сочетания существенных признаков; и то и другое логически сводимо к понятию системы. К у л ь т у р у, видимо, следует понимать как иерархически более сложное понятие, как систему типов памятников, объектов и предметов. В методах выделения культур статистический подход еще более необходим, чем при опознании типов. Культура в ряде случаев имеет значительно больше неопределенности, чем тип. Часто употребляемые нами понятия в л и я н и е, в з а и м о д е й с т в и е, а с с и м и л я ц и я культур отражают по существу коммуникативные процессы в общении человеческих коллективов. Эти процессы, взаимно обогащая культуры, в то же время в значительной степени способствуют их взаимной диффузии, что соответственно затрудняет методику выделения культур и их локальных вариантов и вносит большую долю субъективизма в исследование. Коммуникативные процессы, как известно, тоже являются статистическими по своей форме, и для их описания имеется специальный математический аппарат

теории информации, применение которого в археологии вполне возможно.

Итак, понятия «тип», «культура», «взаимодействие», «ассимиляция», «заимствование», «сходство», «различие» можно считать основными аналитическими понятиями типологии, хотя наверняка этот список может быть продолжен. Основная их задача состоит в учете динамики развития материальной культуры, а основные методы представления должны быть статистическими.

* * *

Мы рассмотрели два основых условия, которым должен на наш взгляд удовлетворять типологический метод: детерминированность и ясность. Остальные требования, как это отмечалось выше, занимают подчиненное положение по отношению к двум первым.

Направленность и плодотворность. Первая может быть значительно расширена, если исходить из теоретической основы, рассмотренной выше. До сих пор типологический метод был только средством хронологических штудий, однако он вполне может стать методом отображения социально-экономических явлений, запечатлевшихся в особенностях изучаемого археологического материала. Вторая должна тщательно изучаться. Так, например, совершенно неожиданным для большинства археологов результатом совершенствования типологического метода явились успешные опыты по использованию кибернетических способов обработки исходной информации в археологическом исследовании.

Надежная результативность типологического метода может быть изучена при условии обязательного выполнения в каждой работе, использующей статистические методы исследования, полного цикла: от первичной группировки материала до проверки гипотез по статистическим критериям. К сожалению, многие современные статистико-археологические работы ограничиваются визуальной оценкой различий в распределениях материала без использования предназначенных для этого критериев. Значение этого вопроса не может быть переоценено до тех пор, пока он не станет обязательным правилом для всякой археологической работы, использующей статистику.

Широко распространенное мнение о том, что теоретическая работа археолога начинается только после сбора и анализа материала, когда воссоздается историческая картина жизни общества, оставившего изучаемые памятники, вряд ли следует считать правильным. Уже в конце прошлого века некоторые археологи понимали необходимость «отделиться от исторических исследований, чтобы в виде самостоятельной науки принести им еще большую пользу».

Между первичным наблюдением археологических памятников и реализацией исторической картины, в которой эти объекты «жили» — создавались и использовались людьми,— лежит наиболее ответственный этап источниковедческого анализа, теорией которого является типология вещей. Цель источниковедческого анализа состоит главным образом в построении логической модели системы материальной культуры данного коллектива и в проверке достоверности данной модели. Только после этого она может стать основой для последующей исторической интерпретации.

Археологи-эволюционисты хорошо понимали эту задачу. Заложенные ими основы теории типологического изучения вещей были для своего времени исключительно плодотворными. Однако, ограниченные рамками эволюционной концепции, они видели свою цель только в изучении хронологии вещей, не ставя вопроса об отображении в вещах социально-экономических отношений между их создателями. Достижения современной науки об обществе позволяют ставить вопрос о существенном расширении рамок типологического метода и о необходимом для этого уточнении его теории.

СОДЕРЖАНИЕ

В. А. Ранов. Галечные орудия и их роль в палеолите Средней Азии 3

И. И. Коробков. К вопросу о дивергентном характере эволюции древнепалеолитических индустрий (по материалам памятников Черноморского побережья Кавказа) 5

В. Н. Гладилин. Различные типы каменной индустрии в мустье Русской равнины и Крыма и их место в раннем палеолите СССР . 14

С. А. Семенов. Трасологическое изучение орудий древнего палеолита 18

Г. П. Григорьев. К различению признаков генетического родства, диффузии и синстадиальности (по материалам палеолита) . 27

Г. В. Григорьева. Локальные варианты культуры позднего палеолита юга СССР (степная зона) 36

В. Д. Будько. Верхний палеолит северо-запада Русской равнины . 38

И. Г. Шовкопляс. О локальных различиях в развитии культуры позднего палеолита (по материалам Украины и соседних территорий) 41

О. Н. Бадер. Палеолитическое погребение на стоянке Сунгирь . . 44

Э. А. Абрамова. Локальные особенности палеолитических культур Сибири 46

С. Н. Астахов. О путях первоначального заселения человеком долины Енисея 56

Ю. А. Мочанов. Палеолит Алдана 68

Г. Н. Матюшин. Мезолит Урала 72

Н. Н. Гурина. Кремнедобывающие шахты у Красного Села в Белоруссии 75

Л. Я. Крижевская. Проблемы неолита Урала 83

О. Н. Бадер. У истоков финно-угорской культуры в Восточной и Северной Европе 85

Д. Я. Телегин. Основные черты и хронология среднестоговской культуры эпохи меди 87

Т. С. Пассек. Неолит Поднестровья (V—III тысячелетия до н. э.) . 88

С. Н. Бибиков. О хронологическом разделении памятников Триполья-А и типа Гумельницы (Алдень-II) на юго-западе СССР 93

Е. К. Черныш. Орудия труда трипольских племен 100

Б. А. Рыбаков. Религия и миропонимание первых земледельцев Юго-Восточной Европы (IV—III тысячелетия до н. э.) 106

И. Г. Нариманов Древнейшая земледельческая культура Закавказья 121

Т. Н. Чубинишвили. Куро-араксинская культура в Закавказье в III тысячелетии до н. э. 127

И. Р. Селимханов, Ж. Р. Марешаль. О ранних этапах древней металлургии меди на территории Европы и Кавказа в свете новых понятий и результатов анализа 138

А. М. Мандельштам. Новая культура эпохи бронзы на юге Средней Азии 148

В. М. Массон. От возникновения земледелия до сложения раннеклассового общества (этапы культурного и хозяйственного развития по материалам Азиатского материка) 150

И. Н. Хлопин. К истории древних земледельцев Южной Туркмении . 167

А. Я. Щетенко. К вопросу об индо-иранских связях в постхараппское время 169

В. А. Сафронов. Некоторые вопросы хронологии среднебронзового века Восточной Европы 181

Н. Л. Членова. О связях племен Южной Сибири и Средней Азии в скифскую эпоху 191

Л. Д. Поболь. Зарубинецкая культура на территории Белоруссии (по материалам исследований последних лет) 201

М. А. Тиханова. Раскопки поселения у с. Лепесовка 209

Г. Волкайте-Куликаускене. Генезис феодальных отношений в Литве (по археологическим данным) 215

Х. П. Строд. К итогам крупнейших археологических полевых исследований в Латвии 222

П. А. Раппопорт. Основные этапы развития древнерусского военного зодчества 225

М. Г. Рабинович. Средневековая Москва (XI—XIV вв.) . . . 235

Г. В. Штыхов. Древнейшие города Полоцкой земли 241

С. П. Бурлацкая, Т. Б. Нечаева, Г. П. Петрова. Археомагнитное датирование керамических изделий 244

Я. А. Шер. Типологический метод в археологии и статистика . . . 253

Доклады и сообщения археологов СССР

Утверждено к печати Институтом археологии АН СССР

Редакторы издательства *Г. Ф. Дубовикова и Е. П. Прохоров*
Технические редакторы *В. Г. Лаут* и *В. И. Зудина*

Сдано в набор 3/V 1966 г. Подписано к печати 17/VI 1966 г. Формат 60×90¹/₁₆. Печ. л. 16,75. Уч.-изд. л. 16,3 Тираж 1750 Т-09610 Изд. № 1358/66. Тип. зак. 6206.

Цена 1 р. 03 к.

Издательство «Наука», Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука», Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

1 р. 03 к.